

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ

ФИЛОЛОГИЯ
научные исследования

AURORA Group s.r.o.
nota bene

www.aurora-group.eu
www.nbpublish.com

Выходные данные

Номер подписан в печать: 05-02-2024

Учредитель: Даниленко Василий Иванович, w.danilenko@nbpublish.com

Издатель: ООО <НБ-Медиа>

Главный редактор: Шереметьева Елена Сергеевна, доктор филологических наук,
e.sheremetyeva@gmail.com

ISSN: 2454-0749

Контактная информация:

Выпускающий редактор - Зубкова Светлана Вадимовна

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Почтовый адрес редакции: 115114, г. Москва, Павелецкая набережная, дом 6А, офис 211.

Библиотека журнала по адресу: http://www.nbpublish.com/library_tariffs.php

Publisher's imprint

Number of signed prints: 05-02-2024

Founder: Danilenko Vasiliy Ivanovich, w.danilenko@nbpublish.com

Publisher: NB-Media ltd

Main editor: Sheremet'eva Elena Sergeevna, doktor filologicheskikh nauk,
e.sheremetyeva@gmail.com

ISSN: 2454-0749

Contact:

Managing Editor - Zubkova Svetlana Vadimovna

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Address of the editorial board : 115114, Moscow, Paveletskaya nab., 6A, office 211 .

Library Journal at : http://en.nbpublish.com/library_tariffs.php

Редакционный совет

Куделин Александр Борисович — академик Российской академии наук, заместитель академика-секретаря Отделения историко-филологических наук РАН, директор Института мировой литературы имени М. Горького РАН, член Европейской ассоциации арабистов и исламоведов. 121069, Россия, г. Москва, Поварская, 25а.

Лободанов Александр Павлович — доктор филологических наук, профессор, декан Факультета искусств Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. 125009, Россия, г. Москва, ул. Б. Никитская, 3 строение 1.

Герра Ренэ — доктор филологических наук, профессор Университета Ниццы, почетный академик Российской академии художеств, создатель и руководитель Ассоциации по сохранению русского культурного наследия во Франции (г. Ницца, Франция). 24, Avenue des Diables Bleus, 06101 Nice, France.

Строев Александр Федорович — доктор филологических наук, заведующий кафедрой сравнительного литературоведения Университета Париж-III (Новая Сорbonна) (Париж, Франция) IRCAV/Sorbonne Nouvelle, 13 rue Santeuil, 75005 Paris, France.

Гусейнов Малик Алиевич — доктор филологических наук, заведующий отделом литературы, Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы Дагестанского научного центра Российской академии наук, 367025, г. Махачкала, ул. М. Гаджиева, 45, malik60@list.ru

Тимощук Алексей Станиславович — доктор философских наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Владимира юридического института ФСИН России, 600020, Владимир, ул. Большая Нижегородская, 67-е, human@vui.vladinfo.ru

Федоровская Наталья Александровна — доктор искусствоведения, доцент, директор департамента искусств и дизайна Дальневосточного федерального университета, 690091, г. Владивосток, о. Русский, пос. Аякс, кампус Дальневосточного федерального университета, корп. G, ауд. 357, fedorovskaya.na@dvgfu.ru

Смирнов Алексей Викторович — доктор философских наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, 199034, г. Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 5, darapti@mail.ru

Ковалева Светлана Викторовна — доктор философских наук, доцент, Костромской государственный университет, профессор кафедры философии, культурологии и социальных коммуникаций, 156005, г. Кострома, ул. Дзержинского, 17, cultural@kstu.edu.ru

Гиренок Федор Иванович — доктор философских наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой философской антропологии и комплексного изучения человека Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Кофман Андрей Фёдорович — доктор филологических наук, заведующий отделом литератур стран Европы и Америки Учреждения Российской академии наук Института мировой литературы РАН им. А.М. Горького.

Лекторский Владислав Александрович — доктор философских наук, профессор, академик Российской академии наук, заведующий сектором теории познания Учреждения Российской академии наук Института философии РАН.

Неретина Светлана Сергеевна — доктор философских наук, главный научный сотрудник Учреждения Российской академии наук Института философии РАН.

Разлогова Елена Эмильевна — доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского вычислительного центра МГУ им. М. В. Ломоносова

Резник Юрий Михайлович — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Учреждения Российской академии наук Института философии РАН, шеф-редактор журнала «Личность. Культура. Общество».

Россиус Андрей Александрович — доктор филологических наук, профессор кафедры классической филологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, и.о. главного научного сотрудника Учреждения Российской академии наук Института философии РАН.

Соловьев Эрих Юрьевич — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Учреждения РФ Института философии РАН.

Чумakov Александр Николаевич — доктор философских наук, профессор, Первый вице-президент Российского философского общества

Вартанова Елена Леонидовна — доктор филологических наук, профессор, декан факультета журналистики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, президент НАММИ.

Гирин Юрий Николаевич - доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, ИМЛИ РАН.

Безруков Андрей Николаевич - кандидат филологических наук, доцент, Башкирский государственный университет (Бирский филиал).

Бичарова Мария Михайловна - кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин и английского языка, Каспийский институт морского и речного транспорта.

Воробей Инна Александровна - кандидат филологических наук, доцент, кафедра немецкого языка, БУ ВО ХМАО - Югры "Сургутский государственный университет".

Зыкин Алексей Владимирович - кандидат филологических наук, доцент, кафедра иностранных языков, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Санкт-Петербургский государственный аграрный университет.

Левит Светлана Яковлевна— ведущий научный сотрудник отдела культурологии ИИОН РАН, кандидат философских наук, главный редактор, руководитель и автор проектов «Лики культуры», «Российские Пропилеи», «Книга света», «Summa culturologiae», «Humanitas», «Зерно вечности», «Культурология. XX век», «Письмена времени», а также энциклопедий по культурологии и истории культуры.

Козлов Михаил Николаевич - доктор исторических наук, профессор, кафедра "Исторические, философские и социальные науки", Севастопольский государственный университет.

Тищенко Наталья Викторовна – доктор культурологии, ФГБОУ ВО «Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.», профессор кафедры

истории Отчества и культуры, 410004 г. Саратов, ул. Политехническая, 17,
mihailovan@inbox.ru

Кьюцци Паоло — профессор факультета этнологии и антропологии Флорентийского университета (г. Флоренция, Италия). Università degli Studi di Firenze - P.zza S.Marco, 4 - 50121 Firenze – Centralino, Italy.

Ершова Галина Гавриловна — доктор исторических наук, профессор, директор Научно-исследовательского мезоамериканского центра имени Ю. В. Кнорозова Российского государственного гуманитарного университета, директор по науке и культуре Российско-мексиканского культурного центра (г. Мерида, Мексика). 125993, Россия, ГСП-3, г. Москва, ул.Чаянова, 15.

Жидков Владимир Сергеевич — доктор искусствоведения, профессор, научный сотрудник Государственного института искусствознания. 125009, Россия, г. Москва, Козицкий переулок, 5.

Леняшин Владимир Алексеевич — академик и член Президиума Российской академии художеств, доктор искусствоведения, профессор, заведующий отделом живописи второй половины XIX – начала XXI вв. Государственного Русского музея, заслуженный деятель искусств РСФСР. 191011, Россия, г. Санкт-Петербург, Инженерная улица, 4/2.

Вздорнов Герольд Иванович — член-корреспондент Российской академии наук, главный научный сотрудник Государственного научно-исследовательского института реставрации. 107114, Россия, г. Москва, ул. Гастелло, 44.

Дмитренко Татьяна Алексеевна — доктор педагогических наук, профессор. профессор кафедры методики преподавания иностранных языков Московского педагогического государственного университета. Индекс Хирша по РИНЦ = 6 Академик Международной академии наук педагогического образования

Дергачёва Ирина Владимировна - доктор филологических наук, профессор кафедры "Лингводидактика и МКК", декан факультета "Иностранные языки" Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования "Московский государственный психолого-педагогический университет" 121500, Москва, ул. Василия Боталёва, 31 dergachevaiv@mgppu.ru главный редактор электронного международного научного журнала«Язык и текст»

Консон Григорий Рафаэльевич — доктор искусствоведения, профессор кафедры социологии и философии культуры, начальник отдела прикладной докторантury и подготовки научных кадров в докторантуре Российского государственного социального университета, член-корреспондент РАЕ, член Федерального реестра экспертов научно-технической сферы, член Российского экспертного совета библиографической и реферативной базы данных «Scopus».

Бурукина Ольга Алексеевна - кандидат филологических наук, доцент доцент Российского государственного гуманитарного университета, ст. исследователь Университета Вааса, Финляндия. 125993, ГСП-3, Москва, Миусская площадь, д. 6 obur@mail.ru

Водясова Любовь Петровна - доктор филологических наук, профессор, 430033, Россия, Республика Мордовия, г. Республика Мордовия, г Саранск, ул. Волгоградская, д. 106, корп. 1, кв. 29, ул. Волгоградская, 106 /1, кв. 29, L_Vodjasova@yandex.ru

Габышева Луиза Львовна - доктор филологических наук, Федеральное государственное

автономное образовательное учреждение высшего образования «Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова», профессор, 677007, Россия, Саха (Якутия) область, г. ЯКУТСК, ул. Кулаковского, 42, оф. 104 а, ogonkova-jenya@yandex.ru

Гордова Юлиана Юрьевна - доктор филологических наук, ФГБУН Институт языкоznания РАН, старший научный сотрудник сектора прикладного языкоznания, 390006, Россия, Рязанская область, г. Рязань, ул. Грибоедова, 9, кв. 4, gordova@iling-ran.ru

Дергачева Ирина Владимировна - доктор филологических наук, Московский государственный психолого-педагогический университет, профессор, 121248, Россия, г. Москва, Набережная Тараса Шевченко, 3 корпус 2, кв. 172, krugh@yandex.ru

Долгенко Александр Николаевич - доктор филологических наук, Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, Заведующий кафедрой русского и иностранных языков, 128050, Россия, Москва, г. Москва, ул. Врубеля, 12, каб. 403, adolgenko@mail.ru

Дубова Марина Анатольевна - доктор филологических наук, Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области "Государственный социально-гуманитарный университет", профессор кафедры русского языка и литературы, 140 410, Россия, РФ область, г. Коломна, ул. Ленина, 67, кв. 100, dubovama@rambler.ru

Ицкович Татьяна Викторовна - доктор филологических наук, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, профессор, 620105, Россия, Свердловская область, г. Екатеринбург, ул. просп. Акад. сахарова, 47, кв. 73, taniz0702@mail.ru

Лифанов Константин Васильевич - доктор филологических наук, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, профессор, 119501, Россия, г. Москва, ул. Веерная, 22, 22, корпус 2, кв. 26, lifanov@hotmail.com

Овруцкий Александр Владимирович - доктор философских наук, Южный федеральный университет, Зав. кафедрой рекламы и связей с общественностью, 344019, Россия, Ростовская область, г. Ростов-на-Дону, ул. 15 линия, 84, кв. 18, alexow1@ya.ru

Селендили Лемара Сергеевна - доктор филологических наук, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», профессор кафедры крымскотатарской филологии Института филологии (сп), 295007, Россия, Республика Крым, г. Симферополь, ул. Беспалова, 45-б, 214, lemara2002@hotmail.com

Семенова Валентина Григорьевна - доктор филологических наук, Северо-Восточный федеральный университет, Заведующая кафедрой якутской литературы, доцент, 677007, Россия, Республика Республика Саха (Якутия), г. Якутск, ул. Кулаковского, 42, каб. 235, semenova_ykt@mail.ru

Соколова Алина Юрьевна - доктор филологических наук, Тверской государственный медицинский университет, профессор кафедры иностранных и латинского языков, 170005, Россия, Тверская область, г. Тверь, ул. Благоева, 8/2, кв. 22, alinasokolova.tver@yandex.ru

Уртминцева Марина Генриховна - доктор филологических наук, Нижегородский государственный университет им. Н.И.Лобачевского, заведующий кафедрой славянской филологии и культуры, 603005, Россия, Нижегородский область, г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, 31-е, оф. 2, urtminzeva@yandex.ru

Чиршева Галина Николаевна - доктор филологических наук, ФГБОУ ИВО "Череповецкий государственный университет", профессор, 162677, Россия, Вологодская область, г. Череповец, Советский проспект, 8, каб. 601, chirsheva@mail.ru

Шаронова Елена Александровна - доктор филологических наук, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва», профессор кафедры русской и зарубежной литературы, 430034, Россия, республика Мордовия, г. Саранск, ул. Проспект 60 лет Октября, 10, кв. 24, sharon.ov@mail.ru

Шатилова Любовь Михайловна - доктор филологических наук, Государственное автономное образовательное учреждение высшего образования города Москвы "Московский городской педагогический университет", профессор, Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области "Государственный гуманитарно-технологический университет", профессор, 143980, Россия, Московская область, г. Балашиха, ул. Корнилова, 30, кв. 133, shatilova-79@mail.ru

Шереметьева Елена Сергеевна - доктор филологических наук, Дальневосточный федеральный университет, профессор кафедры русского языка и литературы, 690105, Россия, Приморский край, г. Владивосток, ул. Русская, 47, кв. 30, e.sheremetyeva@gmail.com

Шукров Дмитрий Леонидович - доктор филологических наук, Ивановский государственный химико-технологический университет, заведующий кафедрой истории и культурологии, 153511, Россия, Ивановская область область, г. Кохма, ул. Ивановская, 92, кв. 35, shoudmitry@yandex.ru

Юхнова Ирина Сергеевна - доктор филологических наук, ФГАОУ ВО "Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского", профессор кафедры русской литературы, 603105, Россия, Нижегородская область, г. Нижний Новгород, ул. Б. Панина, 4, кв. 128, yuhnova@yandex.ru

Ягафарова Гульназ Нурфаезовна - доктор филологических наук, Уфимский федеральный исследовательский центр Российской академии наук, главный научный сотрудник, 450054, Россия, республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Проспект Октября, 71, каб. 410,

Шагбанова Хабиба Садыровна - доктор филологических наук, ФГКУ ДПО "Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России", профессор кафедры философии, иностранных языков и гуманитарной подготовки сотрудников органов внутренних дел Тюменского института повышения квалификации, 625049, Россия, г. Тюмень, ул. Амурская, д. 75, khabiba_shagbanova@list.ru

Editorial collegium

Kudelin Alexander Borisovich — Academician of the Russian Academy of Sciences, Deputy Academician-Secretary of the Department of Historical and Philological Sciences of the Russian Academy of Sciences, Director of the Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, member of the European Association of Arabists and Islamic Scholars. 25a Povarskaya Street, Moscow, 121069, Russia.

Lobodanov Alexander Pavlovich — Doctor of Philology, Professor, Dean of the Faculty of Arts of Lomonosov Moscow State University. 125009, Russia, Moscow, B. Nikitskaya str., 3 building 1.

Guerra Rene is a Doctor of Philology, Professor at the University of Nice, Honorary Academician of the Russian Academy of Arts, founder and head of the Association for the Preservation of Russian Cultural Heritage in France (Nice, France). 24, Avenue des Diables Bleus, 06101 Nice, France.

Stroev Alexander Fedorovich — Doctor of Philology, Head of the Department of Comparative Literature of the University of Paris-III (New Sorbonne) (Paris, France) IRCAV/Sorbonne Nouvelle, 13 rue Santeuil, 75005 Paris, France.

Huseynov Malik Alievich — Doctor of Philology, Head of the Literature Department, Institute of Language, Literature and Art named after G. Tsadasa Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 367025, Makhachkala, M. Gadzhieva str., 45, malik60@list.ru

Timoshchuk Alexey Stanislavovich — Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines of the Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 600020, Vladimir, Bolshaya Nizhegorodskaya str., 67th, human@vui.vladinfo.ru

Natalia Fedorovskaya — Doctor of Art History, Associate Professor, Director of the Department of Art and Design of the Far Eastern Federal University, 690091, Vladivostok, Russian Island, village Ajax, campus of the Far Eastern Federal University, bldg. G, room 357, fedorovskaya.na@dvfu.ru

Smirnov Alexey Viktorovich — Doctor of Philosophy, Associate Professor, St. Petersburg State University, 199034, St. Petersburg, Mendeleevskaya line, 5, darapti@mail.ru

Kovaleva Svetlana Viktorovna — Doctor of Philosophy, Associate Professor, Kostroma State University, Professor of the Department of Philosophy, Cultural Studies and Social Communications, 17 Dzerzhinskiy str., Kostroma, 156005, cultural@kstu.edu.ru

Fyodor Ivanovich Girenok — Doctor of Philosophy, Professor, Deputy Head of the Department of Philosophical Anthropology and Complex Human Studies of Lomonosov Moscow State University.

Kofman Andrey Fedorovich — Doctor of Philology, Head of the Department of European and American Literatures of the Russian Academy of Sciences Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences named after A.M. Gorky.

Lecturer Vladislav Alexandrovich — Doctor of Philosophy, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, Head of the Sector of the Theory of Cognition of the Institution of the Russian Academy of Sciences Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

Neretina Svetlana Sergeevna — Doctor of Philosophy, Chief Researcher of the Russian Academy of Sciences Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

Razlogova Elena Emilyevna — Doctor of Philology, Associate Professor, Leading Researcher at the Research Computing Center of Lomonosov Moscow State University

Reznik Yuri Mikhailovich — Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher of the Institution of the Russian Academy of Sciences Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Chief Editor of the journal "Personality. Culture. Society".

Andrey Aleksandrovich Rossius — Doctor of Philology, Professor of the Department of Classical Philology of Lomonosov Moscow State University, Acting Chief Researcher Institutions of the Russian Academy of Sciences of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

Soloviev Erich Yurievich — Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

Alexander N. Chumakov — Doctor of Philosophy, Professor, First Vice-President of the Russian Philosophical Society

Elena Leonidovna Vartanova — Doctor of Philology, Professor, Dean of the Faculty of Journalism of Lomonosov Moscow State University, President of NAMMI.

Yuri N. Girin - Doctor of Philology, Leading Researcher, IMLI RAS.

Bezrukov Andrey Nikolaevich - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Bashkir State University (Birsky branch).

Bicharova Maria Mikhailovna - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Humanities and English, Caspian Institute of Sea and River Transport.

Inna Vorobey - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of German Language, Surgut State University.

Alexey Vladimirovich Zykin - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Foreign Languages, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education St. Petersburg State Agrarian University.

Levit Svetlana Yakovlevna — Leading researcher of the Department of Cultural Studies of INION RAS, PhD, editor-in-chief, head and author of the projects "Faces of Culture", "Russian Propylaea", "Book of Light", "Summa culturologiae", "Humanitas", "Grain of Eternity", "Culturology. XX century", "Writings of Time", as well as encyclopedias on cultural studies and cultural history.

Kozlov Mikhail Nikolaevich - Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Historical, Philosophical and Social Sciences, Sevastopol State University.

Tishchenko Natalia Viktorovna – Doctor of Cultural Studies, Saratov State Technical University named after Gagarin Yu.A., Professor of the Department of History of Patronymic and Culture, Saratov, 410004, Politehnicheskaya str., 17, mihailovan@inbox.ru

Chiozzi Paolo is a professor at the Faculty of Ethnology and Anthropology at the University of Florence (Florence, Italy). Universit? degli Studi di Firenze - P.zza S.Marco, 4 - 50121 Firenze - Centralino, Italy.

Yershova Galina Gavrilovna — Doctor of Historical Sciences, Professor, Director of the Yu. V. Knorozov Mesoamerican Research Center of the Russian State University for the Humanities, Director of Science and Culture of the Russian-Mexican Cultural Center (Merida, Mexico). 125993, Russia, GSP-3, Moscow, ul.Chayanova, 15.

Vladimir Sergeevich Zhidkov — Doctor of Art History, Professor, researcher at the State Institute of Art Studies. 125009, Russia, Moscow, Kozitsky lane, 5.

Lenyashin Vladimir Alekseevich — academician and member of the Presidium of the Russian Academy of Arts, Doctor of Art History, Professor, Head of the painting Department of the second half of the XIX – early XXI centuries. State Russian Museum, Honored Artist of the RSFSR. 191011, Russia, St. Petersburg, Engineering Street, 4/2.

Gerold Ivanovich Vzdornov is a corresponding member of the Russian Academy of Sciences, chief researcher at the State Research Institute of Restoration. 44 Gastello str., Moscow, 107114, Russia.

Dmitrenko Tatiana Alekseevna — Doctor of Pedagogical Sciences, Professor. Professor of the Department of Methods of Teaching Foreign Languages of the Moscow Pedagogical State University. RSCI Hirsch Index = 6 Academician of the International Academy of Sciences of Pedagogical Education

Dergacheva Irina Vladimirovna - Doctor of Philology, Professor of the Department of Linguodidactics and MCC, Dean of the Faculty of Foreign Languages of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Moscow State Psychological and Pedagogical University", 31 Vasily Botaleva Str., Moscow, 121500 dergachevaiv@mgppu.ru Editor-in-chief of the electronic international scientific journal "Language and Text"

Conson Grigory Rafaelevich — Doctor of Art History, Professor of the Department of Sociology and Philosophy of Culture, Head of the Department of Applied Doctoral Studies and Training of Scientific personnel in the doctoral program of the Russian State Social University, corresponding member of the RAE, member of the Federal Register of Experts in the Scientific and Technical field, member of the Russian Expert Council of the bibliographic and abstract database "Scopus".

Olga A. Burukina - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Russian State University for the Humanities, Senior Researcher at the University of Vaasa, Finland. 125993, GSP-3, Moscow, Miusskaya Square, 6 obur@mail.ru

Vodiasova Lyubov Petrovna - Doctor of Philology, Professor, 430033, Russia, Republic of Mordovia, Republic of Mordovia, Saransk, Volgogradskaya str., 106, building 1, sq. 29, Volgogradskaya str., 106 /1, sq. 29, LVodjasova@yandex.ru

Gabysheva Luisa Lvovna - Doctor of Philology, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Northeastern Federal University named after M.K. Ammosov", Professor, 677007, Russia, Sakha (Yakutia) region, Yakutsk, Kulakovskiy str., 42, office 104 a, ogonkova-jenya@yandex.ru

Gordova Juliana Yurievna - Doctor of Philology, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Senior Researcher of the Applied Linguistics Sector, 390006, Russia, Ryazan region, Ryazan, Griboyedov str., 9, sq. 4, gordova@iling-ran.ru

Dergacheva Irina Vladimirovna - Doctor of Philology, Moscow State Psychological and

Pedagogical University, Professor, 121248, Russia, Moscow, Taras Shevchenko Embankment, 3 building 2, sq. 172, krugh@yandex.ru

Alexander N. Dolgenko - Doctor of Philology, Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Head of the Department of Russian and Foreign Languages, 128050, Russia, Moscow, Vrubel str., 12, room 403, adolgenko@mail.ru

Dubova Marina Anatolyevna - Doctor of Philology, State Educational Institution of Higher Education of the Moscow region "State Social and Humanitarian University", Professor of the Department of Russian Language and Literature, 140 410, Russia, Russian Federation region, Kolomna, Lenin str., 67, sq. 100, dubovama@rambler.ru

Itskovich Tatiana Viktorovna - Doctor of Philology, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Professor, 620105, Russia, Sverdlovsk region, Yekaterinburg, ave. Acad. sakharova, 47, sq. 73, taniz0702@mail.ru

Lifanov Konstantin Vasiliyevich - Doctor of Philology, Lomonosov Moscow State University, Professor, 119501, Russia, Moscow, Veernaya str., 22, 22, building 2, sq. 26, lifanov@hotmail.com

Ovrutsky Alexander Vladimirovich - Doctor of Philosophy, Southern Federal University, Head of the Department of Advertising and Public Relations, 344019, Russia, Rostov region region, Rostov-on-Don, ul. 15 liniya, 84, sq. 18, alexow1@ya.ru

Selendili Lemara Sergeevna - Doctor of Philology, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "V. I. Vernadsky Crimean Federal University", Professor of the Department of Crimean Tatar Philology of the Institute of Philology (SP), 295007, Russia, Republic of Crimea, Simferopol, Bespalova str., 45-b, 214, lemara2002@hotmail.com

Semenova Valentina Grigoryevna - Doctor of Philology, North-Eastern Federal University , Head of the Department of Yakut Literature, Associate Professor, 677007, Russia, Republic of Sakha (Yakutia), Yakutsk, Kulakovskiy str., 42, room 235, semenova_ykt@mail.ru

Sokolova Alina Yurievna - Doctor of Philology, Tver State Medical University, Professor of the Department of Foreign and Latin Languages, 170005, Russia, Tver region region, Tver, Blagoeva str., 8/2, sq. 22, alinasokolova.tver@yandex.ru

Urtmintseva Marina Genrikhovna - Doctor of Philology, Lobachevsky Nizhny Novgorod State University, Head of the Department of Slavic Philology and Culture, office 2 Ulyanova str., Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod Region, 603005, Russia, urtminzeva@yandex.ru

Chirsheva Galina Nikolaevna - Doctor of Philology, Cherepovets State University, Professor, 162677, Russia, Vologda region, Cherepovets, Sovetsky Prospekt, 8, office 601, chirsheva@mail.ru

Sharonova Elena Aleksandrovna - Doctor of Philology, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "National Research Mordovian State University named after N.P. Ogarev", Professor of the Department of Russian and Foreign Literature, 430034, Russia, Republic of Mordovia, Saransk, Prospekt 60 let Oktyabrya str., 10, sq. 24, sharon.ov@mail.ru

Lyubov Mikhailovna Shatilova - Doctor of Philology, State Autonomous Educational Institution of Higher Education of the City of Moscow "Moscow City Pedagogical University", Professor, State Educational Institution of Higher Education of the Moscow region "State University of Humanities and Technology", Professor, 143980, Russia, Moscow region, Balashikha, Kornilaeva str., 30, sq. 133, shatilova-79@mail.ru

Russian Russian Elena Sergeevna - Doctor of Philology, Far Eastern Federal University, Professor of the Department of Russian Language and Literature, 690105, Russia, Primorsky Krai, Vladivostok, Russkaya str., 47, sq. 30, e.sheremeteva@gmail.com

Dmitry Leonidovich Shukurov - Doctor of Philology, Ivanovo State University of Chemical Technology, Head of the Department of History and Cultural Studies, 153511, Russia, Ivanovo region, Kohma, Ivanovskaya str., 92, sq. 35, shoudmitry@yandex.ru

Yukhnova Irina Sergeevna - Doctor of Philology, Lobachevsky National Research Nizhny Novgorod State University, Professor of the Department of Russian Literature, 603105, Russia, Nizhny Novgorod region, Nizhny Novgorod, B. Panina str., 4, sq. 128, yuhnova@yandex.ru

Yagafarova Gulnaz Nurfaezovna - Doctor of Philology, Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Chief Researcher, 450054, Russia, Republic of Bashkortostan, Ufa, Prospekt Oktyabrya str., 71, room 410,

Khabiba Sadyrova Shagbanova - Doctor of Philology, Tyumen Institute of Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Professor of the Department of Philosophy, Foreign Languages and Humanitarian Training of Employees of the Internal Affairs Bodies of the Tyumen Institute of Advanced Training, 625049, Russia, Tyumen, 75 Amurskaya str., khabiba_shagbanova@list.ru

Требования к статьям

Журнал является научным. Направляемые в издательство статьи должны соответствовать тематике журнала (с его рубрикатором можно ознакомиться на сайте издательства), а также требованиям, предъявляемым к научным публикациям.

Рекомендуемый объем от 12000 знаков.

Структура статьи должна соответствовать жанру научно-исследовательской работы. В ее содержании должны обязательно присутствовать и иметь четкие смысловые разграничения такие разделы, как: предмет исследования, методы исследования, апелляция к оппонентам, выводы и научная новизна.

Не приветствуется, когда исследователь, трактуя в статье те или иные научные термины, вступает в заочную дискуссию с авторами учебников, учебных пособий или словарей, которые в узких рамках подобных изданий не могут широко излагать свое научное воззрение и заранее оказываются в проигрышном положении. Будет лучше, если для научной полемики Вы обратитесь к текстам монографий или докторских диссертаций работ оппонентов.

Не превращайте научную статью в публицистическую: не наполняйте ее цитатами из газет и популярных журналов, ссылками на высказывания по телевидению.

Ссылки на научные источники из Интернета допустимы и должны быть соответствующим образом оформлены.

Редакция отвергает материалы, напоминающие реферат. Автору нужно не только продемонстрировать хорошее знание обсуждаемого вопроса, работ ученых, исследовавших его прежде, но и привнести своей публикацией определенную научную новизну.

Не принимаются к публикации избранные части из диссертаций, книг, монографий, поскольку стиль изложения подобных материалов не соответствует журнальному жанру, а также не принимаются материалы, публиковавшиеся ранее в других изданиях.

В случае отправки статьи одновременно в разные издания автор обязан известить об этом редакцию. Если он не сделал этого заблаговременно, рискует репутацией: в дальнейшем его материалы не будут приниматься к рассмотрению.

Уличенные в плагиате попадают в «черный список» издательства и не могут рассчитывать на публикацию. Информация о подобных фактах передается в другие издательства, в ВАК и по месту работы, учебы автора.

Статьи представляются в электронном виде только через сайт издательства <http://www.enotabene.ru> кнопка "Авторская зона".

Статьи без полной информации об авторе (соавторах) не принимаются к рассмотрению, поэтому автор при регистрации в авторской зоне должен ввести полную и корректную информацию о себе, а при добавлении статьи - о всех своих соавторах.

Не набирайте название статьи прописными (заглавными) буквами, например: «ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ...» — неправильно, «История культуры...» — правильно.

При добавлении статьи необходимо прикрепить библиографию (минимум 10–15 источников, чем больше, тем лучше).

При добавлении списка использованной литературы, пожалуйста, придерживайтесь следующих стандартов:

- [ГОСТ 7.1-2003 Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления.](#)
- [ГОСТ 7.0.5-2008 Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления](#)

В каждой ссылке должен быть указан только один диапазон страниц. В теле статьи ссылка на источник из списка литературы должна быть указана в квадратных скобках, например, [1]. Может быть указана ссылка на источник со страницей, например, [1, с. 57], на группу источников, например, [1, 3], [5-7]. Если идет ссылка на один и тот же источник, то в теле статьи нумерация ссылок должна выглядеть так: [1, с. 35]; [2]; [3]; [1, с. 75-78]; [4]....

А в библиографии они должны отображаться так:

[1]
[2]
[3]
[4]....

Постраничные ссылки и сноски запрещены. Если вы используете сноски, не содержащую ссылку на источник, например, разъяснение термина, включите сноски в текст статьи.

После процедуры регистрации необходимо прикрепить аннотацию на русском языке, которая должна состоять из трех разделов: Предмет исследования; Метод, методология исследования; Новизна исследования, выводы.

Прикрепить 10 ключевых слов.

Прикрепить саму статью.

Требования к оформлению текста:

- Кавычки даются углками (« ») и только кавычки в кавычках — лапками (" ").
- Тире между датамидается короткое (Ctrl и минус) и без отбивок.
- Тире во всех остальных случаяхдается длинное (Ctrl, Alt и минус).
- Даты в скобках даются без г.: (1932–1933).
- Даты в тексте даются так: 1920 г., 1920-е гг., 1540–1550-е гг.
- Недопустимо: 60-е гг., двадцатые годы двадцатого столетия, двадцатые годы XX столетия, 20-е годы ХХ столетия.
- Века, король такой-то и т.п. даются римскими цифрами: XIX в., Генрих IV.
- Инициалы и сокращения даются с пробелом: т. е., т. д., М. Н. Иванов. Неправильно: М.Н. Иванов, М.Н. Иванов.

ВСЕ СТАТЬИ ПУБЛИКУЮТСЯ В АВТОРСКОЙ РЕДАКЦИИ.

По вопросам публикации и финансовым вопросам обращайтесь к администратору Зубковой Светлане Вадимовне
E-mail: info@nbpublish.com
или по телефону +7 (966) 020-34-36

Подробные требования к написанию аннотаций:

Аннотация в периодическом издании является источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований.

Аннотация выполняет следующие функции: дает возможность установить основное

содержание документа, определить его релевантность и решить, следует ли обращаться к полному тексту документа; используется в информационных, в том числе автоматизированных, системах для поиска документов и информации.

Аннотация к статье должна быть:

- информативной (не содержать общих слов);
- оригинальной;
- содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированной (следовать логике описания результатов в статье);

Аннотация включает следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, цель работы;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов; новизна;
- выводы.

Результаты работы описывают предельно точно и информативно. Приводятся основные теоретические и экспериментальные результаты, фактические данные, обнаруженные взаимосвязи и закономерности. При этом отдается предпочтение новым результатам и данным долгосрочного значения, важным открытиям, выводам, которые опровергают существующие теории, а также данным, которые, по мнению автора, имеют практическое значение.

Выводы могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье.

Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в тексте аннотации. Следует избегать лишних вводных фраз (например, «автор статьи рассматривает...», «в статье рассматривается...»).

Исторические справки, если они не составляют основное содержание документа, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в аннотации не приводятся.

В тексте аннотации следует употреблять синтаксические конструкции, свойственные языку научных и технических документов, избегать сложных грамматических конструкций.

Гонорары за статьи в научных журналах не начисляются.

Цитирование или воспроизведение текста, созданного ChatGPT, в вашей статье

Если вы использовали ChatGPT или другие инструменты искусственного интеллекта в своем исследовании, опишите, как вы использовали этот инструмент, в разделе «Метод» или в аналогичном разделе вашей статьи. Для обзоров литературы или других видов эссе, ответов или рефератов вы можете описать, как вы использовали этот инструмент, во введении. В своем тексте предоставьте prompt - командный вопрос, который вы использовали, а затем любую часть соответствующего текста, который был создан в ответ.

К сожалению, результаты «чата» ChatGPT не могут быть получены другими читателями, и хотя невосстановимые данные или цитаты в статьях APA Style обычно цитируются как личные сообщения, текст, сгенерированный ChatGPT, не является сообщением от человека.

Таким образом, цитирование текста ChatGPT из сеанса чата больше похоже на совместное использование результатов алгоритма; таким образом, сделайте ссылку на автора алгоритма записи в списке литературы и приведите соответствующую цитату в тексте.

Пример:

На вопрос «Является ли деление правого полушария левого полушария реальным или метафорой?» текст, сгенерированный ChatGPT, показал, что, хотя два полушария мозга в некоторой степени специализированы, «обозначение, что люди могут быть охарактеризованы как «левополушарные» или «правополушарные», считается чрезмерным упрощением и популярным мифом» (OpenAI, 2023).

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Вы также можете поместить полный текст длинных ответов от ChatGPT в приложение к своей статье или в дополнительные онлайн-материалы, чтобы читатели имели доступ к точному тексту, который был сгенерирован. Особенno важно задокументировать созданный текст, потому что ChatGPT будет генерировать уникальный ответ в каждом сеансе чата, даже если будет предоставлен один и тот же командный вопрос. Если вы создаете приложения или дополнительные материалы, помните, что каждое из них должно быть упомянуто по крайней мере один раз в тексте вашей статьи в стиле APA.

Пример:

При получении дополнительной подсказки «Какое представление является более точным?» в тексте, сгенерированном ChatGPT, указано, что «разные области мозга работают вместе, чтобы поддерживать различные когнитивные процессы» и «функциональная специализация разных областей может меняться в зависимости от опыта и факторов окружающей среды» (OpenAI, 2023; см. Приложение А для полной расшифровки). .

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat> Создание ссылки на ChatGPT или другие модели и программное обеспечение ИИ

Приведенные выше цитаты и ссылки в тексте адаптированы из шаблона ссылок на программное обеспечение в разделе 10.10 Руководства по публикациям (Американская психологическая ассоциация, 2020 г., глава 10). Хотя здесь мы фокусируемся на ChatGPT, поскольку эти рекомендации основаны на шаблоне программного обеспечения, их можно адаптировать для учета использования других больших языковых моделей (например, Bard), алгоритмов и аналогичного программного обеспечения.

Ссылки и цитаты в тексте для ChatGPT форматируются следующим образом:

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Цитата в скобках: (OpenAI, 2023)

Описательная цитата: OpenAI (2023)

Давайте разберем эту ссылку и посмотрим на четыре элемента (автор, дата, название и

источник):

Автор: Автор модели OpenAI.

Дата: Дата — это год версии, которую вы использовали. Следуя шаблону из Раздела 10.10, вам нужно указать только год, а не точную дату. Номер версии предоставляет конкретную информацию о дате, которая может понадобиться читателю.

Заголовок. Название модели — «ChatGPT», поэтому оно служит заголовком и выделено курсивом в ссылке, как показано в шаблоне. Хотя OpenAI маркирует уникальные итерации (например, ChatGPT-3, ChatGPT-4), они используют «ChatGPT» в качестве общего названия модели, а обновления обозначаются номерами версий.

Номер версии указан после названия в круглых скобках. Формат номера версии в справочниках ChatGPT включает дату, поскольку именно так OpenAI маркирует версии. Различные большие языковые модели или программное обеспечение могут использовать различную нумерацию версий; используйте номер версии в формате, предоставленном автором или издателем, который может представлять собой систему нумерации (например, Версия 2.0) или другие методы.

Текст в квадратных скобках используется в ссылках для дополнительных описаний, когда они необходимы, чтобы помочь читателю понять, что цитируется. Ссылки на ряд общих источников, таких как журнальные статьи и книги, не включают описания в квадратных скобках, но часто включают в себя вещи, не входящие в типичную рецензируемую систему. В случае ссылки на ChatGPT укажите дескриптор «Большая языковая модель» в квадратных скобках. OpenAI описывает ChatGPT-4 как «большую мультимодальную модель», поэтому вместо этого может быть предоставлено это описание, если вы используете ChatGPT-4. Для более поздних версий и программного обеспечения или моделей других компаний могут потребоваться другие описания в зависимости от того, как издатели описывают модель. Цель текста в квадратных скобках — кратко описать тип модели вашему читателю.

Источник: если имя издателя и имя автора совпадают, не повторяйте имя издателя в исходном элементе ссылки и переходите непосредственно к URL-адресу. Это относится к ChatGPT. URL-адрес ChatGPT: <https://chat.openai.com/chat>. Для других моделей или продуктов, для которых вы можете создать ссылку, используйте URL-адрес, который ведет как можно более напрямую к источнику (т. е. к странице, на которой вы можете получить доступ к модели, а не к домашней странице издателя).

Другие вопросы о цитировании ChatGPT

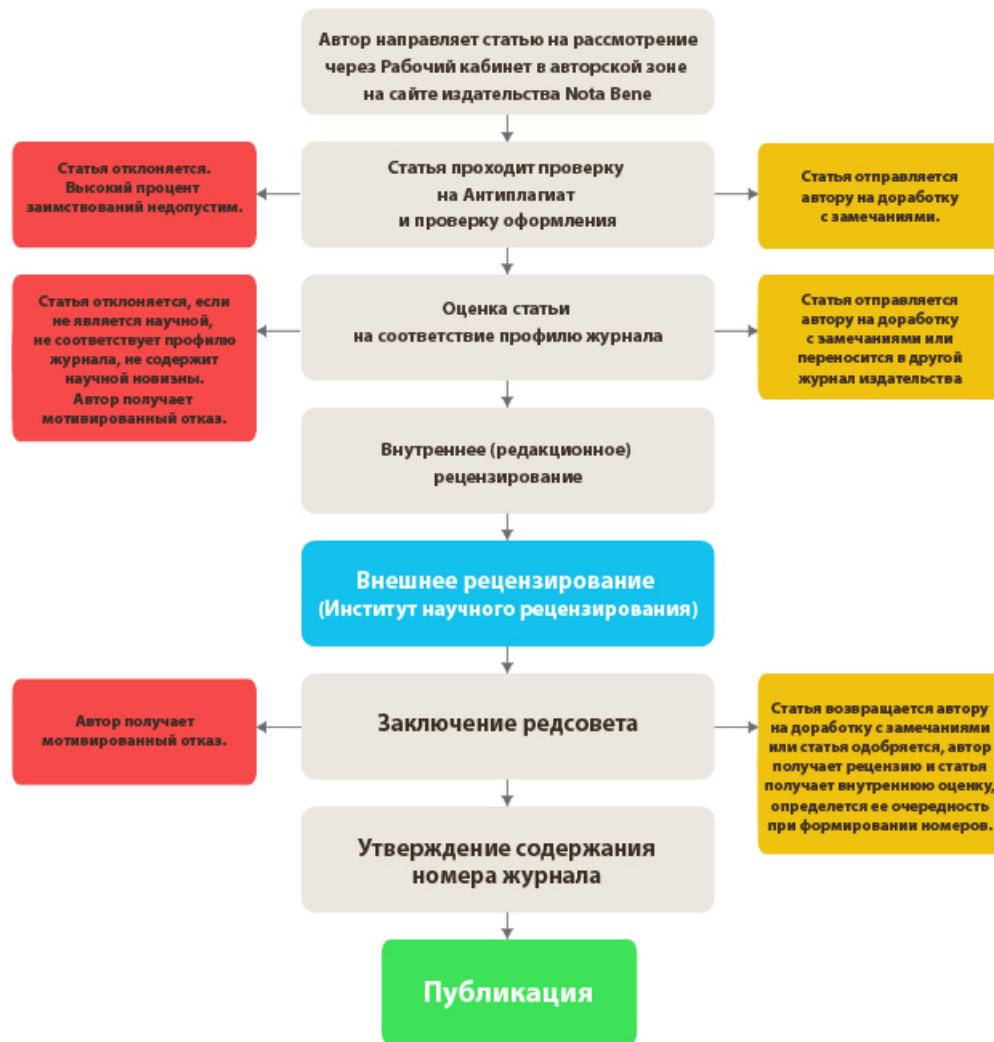
Вы могли заметить, с какой уверенностью ChatGPT описал идеи латерализации мозга и то, как работает мозг, не ссылаясь ни на какие источники. Я попросил список источников, подтверждающих эти утверждения, и ChatGPT предоставил пять ссылок, четыре из которых мне удалось найти в Интернете. Пятая, похоже, не настоящая статья; идентификатор цифрового объекта, указанный для этой ссылки, принадлежит другой статье, и мне не удалось найти ни одной статьи с указанием авторов, даты, названия и сведений об источнике, предоставленных ChatGPT. Авторам, использующим ChatGPT или аналогичные инструменты искусственного интеллекта для исследований, следует подумать о том, чтобы сделать эту проверку первоисточников стандартным процессом. Если источники являются реальными, точными и актуальными, может быть лучше прочитать эти первоисточники, чтобы извлечь уроки из этого исследования, и перефразировать или процитировать эти статьи, если применимо, чем использовать их интерпретацию модели.

Материалы журналов включены:

- в систему Российского индекса научного цитирования;
- отображаются в крупнейшей международной базе данных периодических изданий Ulrich's Periodicals Directory, что гарантирует значительное увеличение цитируемости;
- Всем статьям присваивается уникальный идентификационный номер Международного регистрационного агентства DOI Registration Agency. Мы формируем и присваиваем всем статьям и книгам, в печатном, либо электронном виде, оригинальный цифровой код. Префикс и суффикс, будучи прописанными вместе, образуют определяемый, цитируемый и индексируемый в поисковых системах, цифровой идентификатор объекта — digital object identifier (DOI).

[Отправить статью в редакцию](#)

Этапы рассмотрения научной статьи в издательстве NOTA BENE.

Содержание

Кучина Н.В. Театральность и кинематографичность литературных произведений Алессандро Барикко	1
Фан Х. Глаголы восприятия в русских говорах Приамурья и в северо-восточном диалекте китайского языка провинции Хэйлунцзян	9
Крыгин Р.В. Крымские реалии в травелоге Ф. Реми «Крым в этнографическом, географическом и историческом отношении» (1872)	17
Мехтиев В.Г. А.С. Пушкин в восприятии "русского Харбина"	27
Дондик Л.Ю. Стратегии перевода англоязычных фильмонимов на русский язык	37
Голованивская М.К., Ефименко Н.А. Представление о гневе в русской и китайской культурах	51
Хаджи Мусаи С.А., Мадаени Аввал А. Колоратив «желтый» во фразеологической картине мира русского и персидского языков: аксиологический аспект	63
Баребина Н.С., Бреева А.П., Глызина В.Е., Косяков В.А. К вопросу о лингвокультурной обусловленности техногенных стереотипов	74
Сивцева Н.А. Бытийные конструкции в якутском языке: модель каузации начала существования	83
Власова В.В. Англоязычные заимствования коронавирусной эпохи и их функционирование в немецких онлайн-изданиях	93
Шигуров В.В., Шигурова Т.А., Пулов Е.В. Типы употребления периферийных форм творительного падежа в аспекте адвербиализации (субстантивная словоформа "шепотом")	104
Фомина Ю.А. Оценочная репрезентация политического образа Китая в современных российских СМИ	118
Ли Л. Свойства союза "хоть... хоть..." и организуемой им конструкции в структуре синтаксических единиц современного русского языка	127
Лобanova Т.Н. Языковые средства выражения коммуникативных стратегий в некооперативном дискурсе (на материале англоязычных ток-шоу)	138
Ли П.В. Русские переводы стихотворения Стефана Малларме «Явление»	150
Англоязычные метаданные	160

Contents

Kuchina N. The theatricality and cinematography of Alessandro Baricco's literary works	1
Fang H. Perception verbs in the Russian dialects of the Amur region and in the northeastern dialect of the Chinese language of Heilongjiang province	9
Krygin R.V. Crimean realities in F.'s travelogue Remy "Crimea in ethnographic, geographical and historical terms" (1872)	17
Mekhtiev V.G. A.S. Pushkin in the perception of "Russian Harbin"	27
Dondik L.Y. Strategies for translating English filonyms into Russian	37
Golovanivskaya M.K., Efimenko N.A. The idea of anger in Russian and Chinese cultures.	51
Haji Mousaei S.A., Madaeni Awwal A. The yellow color in the phraseological picture of the world of the Russian and Persian languages: an axiological aspect	63
Barebina N.S., Breeva A.P., Glyzina V.E., Kosyakov V.A. Revisiting the Cultural and Linguistic Causality of Technogenic Stereotypes	74
Sivtseva N. Existential constructions in the Yakut language: a model of causation of the beginning of existence	83
Vlasova V.V. English-language borrowings of the coronavirus era and their functioning in German online publications	93
Shigurov V.V., Shigurova T.A., Pulov E.V. Types of use of peripheral forms of the creative case in the aspect of adverbialization (the substantive word form "in a whisper")	104
Fomina I. Evaluative representation of China's political image in modern Russian Media	118
Li L. Properties of the conjunction "though... although ..." and the structure he organizes in the structure of syntactic units of the modern Russian language	127
Lobanova T.N. Linguistic means of expressing communicative strategies in non-cooperative discourse (based on the material of English-language talk shows)	138
Li P.V. Russian translations of Stefan Mallarmé's poem "Apparition"	150
Metadata in english	160

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Кучина Н.В. — Театральность и кинематографичность литературных произведений Алессандро Барикко // Филология: научные исследования. – 2024. – № 1. DOI: 10.7256/2454-0749.2024.1.69488 EDN: QYUFFQ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69488

Театральность и кинематографичность литературных произведений Алессандро Барикко

Кучина Наталья Владимировна

аспирант, кафедра зарубежной литературы, ФГБОУ ВО «Литературный институт имени АМ Горького»

123104, Россия, г. Москва, бул. Тверской, 25

✉ nataliek@mail.ru

[Статья из рубрики "Постмодернизм"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2024.1.69488

EDN:

QYUFFQ

Дата направления статьи в редакцию:

02-01-2024

Дата публикации:

13-01-2024

Аннотация: Предметом исследования являются стилистические и жанровые приемы, выходящие за рамки литературных традиций. Объектом исследования являются ранние произведения Алессандро Барикко романы «Шелк» и «Море-океан» (в переводе Киселева Г.), сценарий - монолог «1900-й: легенда о пианисте» (в переводе Колесовой Н.), оригинал на итальянском языке романа - сценария «Смит & Вессон» («Smith & Wesson»), роман «City» (в переводе Евгении Дегтярь и Владимира Петрова). Задача исследования - показать индивидуальные черты и художественные приемы, позволяющие достигать наибольшей образности, выявить новаторские черты поэтики Алессандро Барикко. Автор подробно рассматривает взаимосвязь широкой профессиональной деятельности автора в мире культуры с особенностями построения текста его произведений. Литературное повествование Барикко дополняет элементами,

имитирующими акустические и визуальные эффекты, что позволяет читателю выстраивать в своем сознании суггестивные образы, насыщенные зрительными и звуковыми эффектами. В данной статье рассмотрены два типа произведений Александро Барикко: те, что изначально были написаны не только для чтения, но и для постановки в театре; и те, где элементы театральности и кинематографии вписаны имплицитно в текст. Научная новизна работы обусловлена стремлением рассмотреть различные аспекты, связанные с индивидуальностью авторского мышления. Основными выводами проведенного исследования является то, что произведениям Александро Барикко свойственен синкретизм. Писатель вплетает в канву повествования элементы,ственные театру и кино, что делает его прозу в высокой степени суггестивной. Также возможно говорить о двух авторских стратегиях: подробное описание визуального и звукового сопровождения действия или полунамеки, нацеленные на постепенную узнаваемость вплетенных театральных и кинематографических приемов, подсказки, помогающие читателю понять, что происходит. Результаты исследования могут послужить для расширения интереса к творчеству Александро Барикко и дальнейшего исследования его произведений как единого целого с разнообразной деятельностью Барикко в мире культуры.

Ключевые слова:

театральность, скрытая театральность, сценарий, кинематографичность, флешбэк, суггестивная проза, итальянская литература, постмодернизм, Александро Барикко, синкретизм

Постмодернизм тяготеет к жанровому и стилевому синкретизму, ему свойственна театральность [5]. Итальянский писатель Александро Барикко как яркий представитель данного литературного направления переплетает стили, жанры, словесное искусство со звуковыми искусствами. В своей киноленте 2008 г. «Лекция 21» («Lezione 21»), посвященной девятой симфонии Бетховена, Александро Барикко соединяет симфонию с собственным литературным сочинением на тему создания данного музыкального произведения. Он также дополняет этот союз визуальными образами и героями, которые объясняют зрителю авторскую точку зрения. Аналогично он поступает и со своими литературными произведениями, добавляя в них элементы, имитирующие акустические и визуальные эффекты, что позволяет читателю выстраивать в своем сознании суггестивные образы, насыщенные зрительными и звуковыми эффектами.

Одним из романов Барикко, наполненных скрытой театральностью, является «Море-оcean» («Oceano Mare», 1993). По принципу сценария театральной пьесы графически построены диалоги между художником Плассоном и профессором Бартальбумом – на языке оригинала перед репликами персонажей стоят их имена, написанные прописными буквами, и дефис; в русском варианте прописные буквы в именах стоят через пробел и перед репликой двоеточие (это соответствует графическому принципу оформления диалогов в пьесах). Интонационные выделения за счет пунктуации, употребление разговорных выражений («dove cavolo sono gli occhi del mare? / «Где, черт возьми, у моря глаза?») также приближают прозаический текст к структуре пьесы [6]. Некоторые описания похожи на авторский комментарий к определенной сцене: уточняются расположение комнат героя в таверне (какая по счету дверь в коридоре, справа или слева, этаж, вид из окна), обстановка в комнатах («ковер (синий), (окно открыто)», позы героев («На подоконнике в комнате Бартальбума сидят двое. Всегдаший мальчик и

Бартальбум. Сидят, свесив ноги в пустоту. А взгляд – в море»). Благодаря этим приемам читательское сознание начинает рисовать декорации к происходящему, перед глазами разыгрывается воображаемая пьеса.

«Море-океан» — это спектакль, и все происходящее в нем автор старается выразить, как в театральном действии. Рассказанная постояльцем из седьмой комнаты притча о старце, благословляющем море, — это спектакль для спасшихся, ныне живущих *«spettacolo per uomini salvi»*, а все, что происходило на платах в «Морском чреве», — абсурдное действие *«spettacolo assurdo»*. Окружающий пейзаж — закаты, бушующая морская стихия за окнами таверны, облака, плывущие по небу, как и картины Плассона, — тоже театральное зрелище, а создателем театральной атмосферы является ветер:

«E là dove la natura decide di collocare i propri limiti, esplode lo **spettacolo**. I tramonti». («Там, где природа решает поместить свои пределы, рождается незаурядное зрелище. Закаты») [\[2, 86\]](#).

«Un rumore grande. Uno **spettacolo**. Era tornato, il mare» . («Шквал звуков. Светопреставление. Море. Оно вернулось») [\[2, 117\]](#).

«Era il vento da nord, sempre lui, a organizzare il **silenzioso spettacolo**». («Все тот же северный ветер обставлял беззвучное зрелище») [\[2, 121\]](#).

Жизнь и смерть профессора Бартльбума из «Море-океан» представлена как спектакль — то трагикомичный, то фарсовый. И когда профессор понял, что жил и действовал не в реальном мире, а был персонажем театральной постановки, он первый раз в жизни дал волю подлинным эмоциям и рассмеялся над собой и всем миром абсурда:

«Ma ridere della grossa, proprio a crepapelle, roba da piegarsi in tre dal ridere, non c'era verso di fermarlo, con lacrime e tutto, uno **spettacolo**, una risata babelica, oceanica, apocalittica, una risata che non finiva più». («И не просто рассмеялся, а покатился со смеху, сложился пополам, остановить его не было никакой возможности, он хохотал во все горло, до слез, до икоты, до упаду, до изнеможения») [\[2, 210\]](#).

Также и в романе «Шелк» (*«Seta»*, 1996) жизнь главного героя Эрве Жонкура была одним большим спектаклем со сменой декораций. Если анализировать текст оригинала, а не перевод, то становится понятен замысел совмещения романа со сценарием, отстраненность главного героя от всего происходящего. При прочтении произведения возникает ощущение, как будто все действие покрыто некой дымкой. Хотя основная линия повествования основана на путешествии, нет ощущения движения и времени. Читатель смотрит спектакль так же, как и сам Эрве Жонкур является только зрителем всего происходящего в своей жизни:

«Pioveva la sua vita, davanti ai suoi occhi, **spettacolo** quieto». («Жизнь струилась перед его взором как дождь: легко и безмятежно») [\[3, 21\]](#).

«Ogni tanto, nelle giornate di vento, scendeva fino al lago e passava ore a guardarlo, giacché, disegnato sull'acqua, gli pareva di vedere l'inspiegabile **spettacolo**, lieve, che era stata la sua vita». («Иногда, ветреным днем, он спускался к пруду и часами смотрел на воду, расчерченную легкими и необъяснимыми картинами, в которые слагалась его жизнь») [\[3, 62\]](#).

И когда он попадает в новый неизведанный мир Японии, то ощущение от жизни не меняется — это все та же сцена, только с другими непривычными декорациями:

«Capì di essere arrivato vicino alla dimora di Hara Kei quando vide un'immancabile voliera che custodiva un numero incredibile di uccelli, di ogni tipo: uno **spettacolo**». («Он понял, что жилище Хара Кэя где-то рядом, когда разглядел громадную вольеру, вместившую немыслимое множество всевозможных птиц: чудеса, да и только») / «Non sembrava vita: se c'era un nome per tutto quello, era: **teatro**. («Все это едва ли напоминало жизнь. Попытайся он выразить увиденное одним словом, это было бы слово "театр") [\[3, 25\]](#).

О том, что герои Барикко тяготеют к театральности, говорят и персонажи романа — сценария «Смит & Вессон» («Smith & Wesson» 2014). Том Смит и Джерри Вессон обсуждают бурлящий поток Ниагарского водопада и самоубийства, совершаемые там:

«SMITH Vengono da ogni parte per vedere questo **spettacolo**, sta diventando una vera mania [\[8, 6\]](#). (Люди со всего света приезжают, чтобы увидеть этот спектакль. Это становится настоящей манией)», перевод автора статьи)

SMITH Sì, ma perché da lì. WESSON Ah, quello... Che ne so... è **spettacolare**, ecco. («Но почему именно здесь? - Ну, не знаю, так театральное/ЗРЕЛИЩНЕЕ что-ли.

SMITH Cioè? WESSON Piuttosto che spararsi chiusi in una stanza... È come un grande teatro, no? Forse hanno nella testa di fare la loro ultima grande recita. Gran finale, mi spiego?» («Что вы имеете в виду? – Вместо того, чтобы, закрывшись, пустить себе пулю в лоб...Это место становится для них большой театральной сценой, нет? Возможно, они проигрывают в своем сознании последнюю роль. Театральный финал, полный величия. Понимаете, о чем я?») [\[8, 18\]](#).

Анализируя построение повествования в «Смит & Вессон», можно говорить о том, что Барикко выходит за рамки театрального сценария. Диалоги героев, происходящие в настоящем, сменяются флешбэком воспоминаний свидетелей событий о дне неудачного прыжка с высоты Ниагарского водопада главной героини Рашиль в специально сооруженной для этого бочке. Таким образом, появляется кинематографическая составляющая. Название сценария, полностью повторяющее название самой известной американской компании, производящей оружие с 1852 года [\[10\]](#), является прямой отсылкой к американской культуре ивестернам, не случайно в последней сцене герои рассказывают, что открыли тир в Мексике. Так и имена героев Том и Джерри в ироничном ключе повторяют имена героев известного одноименного американского многосерийного мультфильма.

В своем самом известном своем театральном монологе «1900 – легенда о пианисте» («Novecento. Un monologo., 1994) Alessandro Baricco максимально подробно описывает сцены для того, чтобы авторская интенция была понята однозначно:

«(L'attore esce dalla scena. Parte una musica dixie, molto allegra e sostanzialmente idiota. L'attore rientra in scena vestito elegantemente da jazz man da piroscavo. Da qui in poi si comporta com'è se la band fosse, fisicamente, in scena)» ((Актер уходит со сцены. Играет музыка дикси, очень веселая и главным образом идиотская. Актер возвращается на сцену элегантно одетый как джаз мен на пароходе. С этой минуты он ведет себя так, словно на сцене присутствует реальный джаз-банд) [\[1, 239\]](#).

Кроме множества успешных театральных постановок в разных странах мира, в 1998 г. был снят фильм «Легенда о пианисте» («La leggenda del pianista sull'oceano») режиссером Джузеппе Торнаторе, музыку для картины написал Энио Морриконе.

Несомненно, кинематограф дает больше визуальных средств для образной передачи происходящего, но Барикко удается и в тексте создавать подобный кинематографическому эффект с помощью авторского комментария к построению сцен и сопровождающей сцену музыки. Монолог «1900» выходит за рамки театральной пьесы, так как построен на кинематографических флешбэках.

В экранизации сохранена сцена музыкальной дуэли с Джелли Ролл Мортоном, реально существовавшем американским джазмэном. С помощью небольших штрихов Торнаторе удалось передать настоящую борьбу между пианистами и атмосферу напряженного ожидания слушателей, их вовлеченность [9]. Когда Девяностый играет завершающую дуэль композицию, никто из присутствующих не замечает ничего вокруг: у одного джентльмена сигара вываливается изо рта на брюки, у другого из рук выпадает бокал с шампанским, пожилой даме официант случайно сбивает парик, а она не замечает этого. Визуальное воплощение совпадает с текстовым описанием, где Барикко мог использовать лишь слова, подбирая сравнения и эпитеты, чтобы с помощью лапидарных предложений передать всеобщий восторг:

«Il pubblico si bevve tutto senza respirare. Tutto in apnea. Con gli occhi inchiodati sul piano e la bocca aperta, come dei perfetti imbecilli.» («Публика слушала, затаив дыхание. Все оцепенели. Уставились на рояль и раскрыли рты как настоящие идиоты») [1, 260].

У двух работ, литературной и кинематографической, множество объединяющих элементов. Самый часто используемый прием, который удерживает читательское и зрительское внимание, - постоянная отсылка к воспоминаниям, которая позволяет ввести новые темы и переключить на них внимание реципиента. Также для поддержания интереса, автор, а вслед за ним и режиссер, вводят нереальные события в действительность (воображаемые прогулки Девяностого по городам, странам, основываясь на рассказах других людей). Интересным представляется то, что в переводе на русский язык название произведения трансформировалось, соединив в себе название литературного произведения («Novecento»), что передается в цифровом выражении, как 1900, и часть названия фильма на русском языке («Легенда о пианисте»), и получилось - «1900-й: легенда о пианисте». А несколько лет назад Барикко издал монолог о 1900-м, в виде обожаемого им с детства комикса, в котором знаменитый пианист превратился в диснеевского героя Гуффи.

В одном из самых сложных по структуре романов Барикко «City» («City», 1999) находит отражение страсть писателя к американской культуре, а именно к боксу ивестернам. Роман «City» переведен на множество иностранных языков, но название остается неизменным и является важной паратекстовой составляющей, смыслообразующей единицей. В названии заложено объяснение сложной структуры романа, оно создает коммуникацию между автором и читателем, помогает осмыслению текста, задает определенную ритмику повествования.

«City» характеризуется коротким синтаксисом, множеством диалогов в разговорном стиле, изобилующими фактами, паузами, повторениями и молчанием. Разговорный язык этого романа отражает жизнь города и его жителей, а также внутренние «города» мыслей и чувств персонажей. Подобный язык естественен для кино, является ретроспективой американских фильмов в стиле вестерн, но не лишен литературной поэтичности.

Роман наполнен театральными и кинематографическими сценами, ни одна из которых не является вторичной: из дома мальчика-гения Гульда, с лекций профессора Килроя или

боксерских поединков Ларри без пауз, в одно мгновенье, происходит переход в выдуманный Шатци «Closingtown»:

«Sul manto della prateria il vento inclina paesaggio e anime verso ovest, curvando Closingtown come un vecchio giudice stanco di ritorno dall'ennesima condanna a morte. Musica. La musica era sempre quella lì, la faceva Shatzy con la bocca.» («На просторах прерий, под порывами ветра, пейзаж и людские души склоняются в сторону запада. Весь Клозинтаун согнулся, словно старый судья, выходящий с камеры очередного смертника. Музыка. Музыка звучала все время, срываясь с губ Шатци.») [\[4, 355\]](#).

В «City» Алессандро Барикко снова показывает театральность происходящего в жизни города и его жителей. Прежде всего, спектаклем странным и достаточно грустным («spettacolo strano / abbastanza triste») названы боксерские поединки, которые проводятся для развлечения жителей города. В эпилоге сам боксер вспоминает самые яркие бои и признается самому себе, что каждый раз разыгрывал спектакль («dare spettacolo»). Вся жизнь на ринге оказалась театральным представлением.

Писатель наполняет свои романы неповторимой эстетикой театра и кино в поисках наиболее полной формы выражения философских смыслов, создания всеобъемлющей образности произведения. Еще в начале литературной деятельности он написал манифест, где определяет принципы своего письма следующим образом: «... рассказывать не только посредством написанных слов, но посредством образов кино, музыкальных нот, театральных диалогов» [\[7\]](#). И он следует эту манифесту в большинстве своих произведений, придавая литературным текстам новые формы. Различимы две авторские стратегии: подробное описание визуального и звукового сопровождения действия или полунамеки, нацеленные на постепенную узнаваемость вплетенных театральных и кинематографических приемов, подсказки, помогающие читателю понять, что происходит.

Библиография

1. Барикко А., 1900-й: легенда о пианисте // Шелк и другие истории, Москва, Иностранка, Азбука-Аттикус, 2017, с.233-276.
2. Барикко А., Море-Океан // Шелк и другие истории, Москва, Иностранка, Азбука-Аттикус, 2017, с. 63-232.
3. Барикко А., Шёлк // Шелк и другие истории, Москва, Иностранка, Азбука-Аттикус, 2017, с. 5-62.
4. Барикко А., City, Санкт-Петербург, Symposium, 2007.
5. Ильин И. П., Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм., Москва, Интрада, 1996.
6. Лутеро Т., Лексико-грамматические ресурсы функциональной эквивалентности в переводе художественного текста с итальянского языка на русский, диссертация, 2017, с. 123.
7. Baricco A., Il Manifesto, Рим, Пиквик, 27.12.1994.
8. Baricco A., Smith & Wesson, Milano, Feltrinelli, 2014.
9. Caneschi G., 1900 La leggenda di Novecento. Da Alessandro Baricco a Giuseppe Tornatore. <https://etd.adm.unipi.it/t/etd-10252019-005616/>
10. https://ru.wikipedia.org/wiki/Smith_%26_Wesson (Википедея. Smith & Wesson)

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Аlessandro Барикко (р. 1958) — известный итальянский писатель, драматург, журналист, эссеист, литературный и музыкальный критик. Его тексты соотносят с литературой постмодернизма, направления ориентированное на сознательно нарушение всяческих границ, авторитетов, магистралей. Представленный к публикации материал направлен на возможную верификацию значимости в текстах Alessandro Барикко театральности и кинематографичности. Считаю, что указанный вектор исследования оправдан, он достаточно продуктивен, ном и актуален. Статья выстроена методологически верно, подход к анализу проблемы современен. Логика рассмотрения вопроса прослеживается на протяжении всего сочинения. Суждения оправданы / оригинальны: «итальянский писатель Alessandro Барикко как яркий представитель данного литературного направления переплетает стили, жанры, словесное искусство со звуковыми искусствами. В своей киноленте 2008 г. «Лекция 21» («Lezione 21»), посвященной девятой симфонии Бетховена, Alessandro Барикко соединяет симфонию с собственным литературным сочинением на тему создания данного музыкального произведения. Он также дополняет этот союз визуальными образами и героями, которые объясняют зрителю авторскую точку зрения. Аналогично он поступает и со своими литературными произведениями, добавляя в них элементы, имитирующие акустические и визуальные эффекты, что позволяет читателю выстраивать в своем сознании суггестивные образы, насыщенные зрительными и звуковыми эффектами», или «Море-океан» — это спектакль, и все происходящее в нем автор старается выразить, как в театральном действии. Рассказанная постояльцем из седьмой комнаты притча о старце, благословляющем море, - это спектакль для спасшихся, ныне живущих «spettacolo per i uomini salvi», а все, что происходило на платах в «Морском чреве», — абсурдное действие «spettacolo assurdo». Окружающий пейзаж — закаты, бушующая морская стихия за окнами таверны, облака, плывущие по небу, как и картины Плассона, — тоже театральное зрелище, а создателем театральной атмосферы является ветер: «E là dove la natura decide di collocare i propri limiti, esplode lo spettacolo. I tramonti». («Там, где природа решает поместить свои пределы, рождается незаурядное зрелище. Закаты») и т.д. Считаю, что в работе объемно представлен контекст, литературные тексты Alessandro Барикко также сферично получают должную оценку в рамках указанной темы. Стиль работы соотносится с собственно научным типом; термины / понятия используются без искажения коннотаций. Например, «также и в романе «Шелк» («Seta», 1996) жизнь главного героя Эрве Жонкура была одним большим спектаклем со сменой декораций. Если анализировать текст оригинала, а не перевод, то становится понятен замысел совмещения романа со сценарием, отстраненность главного героя от всего происходящего. При прочтении произведения возникает ощущение, как будто все действие покрыто некой дымкой. Хотя основная линия повествования основана на путешествии, нет ощущения движения и времени. Читатель смотрит спектакль так же, как и сам Эрве Жонкур является только зрителем всего происходящего в своей жизни: «Pioveva la sua vita, davanti ai suoi occhi, spettacolo quieto». («Жизнь струилась перед его взором как дождь: легко и безмятежно») и т.д. Цитатный регистр введен должные образом: «в своем самом известном своем театральном монологе «1900 — легенда о пианисте» («Novecento. Un monologo., 1994) Alessandro Барикко максимально подробно описывает сцены для того, чтобы авторская интенция была понята однозначно: «(L'attore esce dalla scena. Parte una musica dixie, molto allegra e sostanzialmente idiota. L'attore rientra in scena vestito elegantemente da jazz man da piroscavo. Da qui in poi si

comporta com e se la band fosse, fisicamente, in scena)» ((Актер уходит со сцены. Играет музыка дикси, очень веселая и главным образом идиотская. Актер возвращается на сцену элегантно одетый как джаз мен на пароходе. С этой минуты он ведет себя так, словно на сцене присутствует реальный джаз-банд)» и т.д. Цель работы достигается планомерно, задачи решаются полновесно и точечно. Материал имеет практический характер, его можно использовать при изучении новейшей зарубежной литературы, а также творчества Александро Барикко. В финале подведены выводы, отмечено, что «писатель [Александро Барикко] наполняет свои романы неповторимой эстетикой театра и кино в поисках наиболее полной формы выражения философских смыслов, создания всеобъемлющей образности произведения. Еще в начале литературной деятельности он написал манифест, где определяет принципы своего письма следующим образом: «... рассказывать не только посредством написанных слов, но посредством образов кино, музыкальных нот, театральных диалогов» и т.д. Таким образом, основные требования издания учены, данная статья интересна, грамотна, текст не нуждается в правке и коррективе. Рекомендую статью «Театральность и кинематографичность литературных произведений Александро Барикко» к публикации в журнале «Филология: научные исследования».

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Фан Х. — Глаголы восприятия в русских говорах Приамурья и в северо-восточном диалекте китайского языка провинции Хэйлунцзян // Филология: научные исследования. – 2024. – № 1. DOI: 10.7256/2454-0749.2024.1.69586 EDN: PCBNS URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69586

Глаголы восприятия в русских говорах Приамурья и в северо-восточном диалекте китайского языка провинции Хэйлунцзян

Фан Хайсой

аспирант, кафедра русского языка и издательского дела, Тихookeанский государственный университет

680035, Россия, Хабаровский край, г. Хабаровск, ул. Тихookeанская, 140

✉ 362457061@qq.com

[Статья из рубрики "Лингвокультурология"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2024.1.69586

EDN:

PCBNLS

Дата направления статьи в редакцию:

10-01-2024

Дата публикации:

17-01-2024

Аннотация: Предметом исследования данной работы являются глаголы восприятия в русских говорах Приамурья и в северо-восточном диалекте китайского языка провинции Хэйлунцзян. Материалом исследования послужили два диалектных словаря: «Словарь русских говоров Приамурья» и «Словарь говоров провинции Хэйлунцзян». В ходе исследования было выявлено 26 глагольных единиц из «Словаря русских говоров Приамурья» (в том числе 18 глаголов и 8 фразеологизмов со значением зрительного и слухового восприятия, а также восприятия обоняния и осязания); 18 глаголов со значением зрительного восприятия из «Словаря говоров провинции Хэйлунцзян». Целью изучения нашей статьи стала сравнительная классификация глаголов восприятия в приграничных регионах РФ и КНР, разделенных рекой Амур (по-китайски Хэйлунцзян).

В разработке классификации изучаемых языковых единиц применялись методы сплошной выборки, контекстный, описательно-аналитический и сопоставительный. Актуальность и новизна работы заключаются в том, что перцептивная глагольная лексика в говорах обоих этносов является малоизученной; впервые предпринята попытка исследования сравнительной классификации глаголов восприятия русских говоров Приамурья и северо-восточного диалекта китайского языка провинции Хэйлунцзян; результативность исследования глаголов восприятия может способствовать реконструкции диалектной языковой картины мира и языковой личности носителей диалекта двух разных этносов. Основные выводы данного исследования резюмируют то, что перцептивная лексика соединяет мир объективной реальности с выражением этого мира в языке человеческого общения и что в говорах обоих этносов (в русских говорах Приамурья и в северо-восточном диалекте китайского языка провинции Хэйлунцзян) глагольные единицы со значением зрительного восприятия преобладают над другими группами.

Ключевые слова:

глаголы психической деятельности, перцептивные глаголы, глаголы восприятия, зрительное восприятие, слуховое восприятие, глаголы обоняния, диалект, русские говоры, китайские диалекты, провинция Хэйлунцзян

Восприятие, или перцептивность, – чувственное познание феноменов внешнего, материального мира. Согласно «Большому психологическому словарю», восприятие человека зависит от его деятельности: «Перцептивный образ выполняет функцию регулятора действий» [\[4, с. 75\]](#).

В пределах функционально-семантических полей языка категория перцептивности обоснована в работах А. В. Бондарко [\[2, с. 273–285\]](#). Перцептивность рассматривается им в общей теории языкового инварианта и его интерпретации (вариативности). В любом перцептивном акте можно выделить следующие составляющие: субъект восприятия; объект восприятия; процесс восприятия; результат этого процесса – представление об объекте. Обязательным условием процесса восприятия является присутствие субъекта восприятия внутри ситуации; для этой цели Ю. Д. Апресян ввел в лингвистический обиход понятие «наблюдатель» [\[1, с. 64–65\]](#).

Основой для объединения лексем в ЛСГ перцептивных глаголов является обозначение психической деятельности человека, направленной на восприятие внешнего мира, которое «объединяет человека со всей остальной живой природой» [\[1, с. 45\]](#). Семантическая парадигма, согласно мнению данного ученого, выглядит следующим образом: ‘воспринимать’ – ‘восприниматься’ – ‘использовать способность восприятия’ [\[1, с. 43\]](#). Таким образом, перцептивный глагол обозначает отражение чувственного постижения окружающего мира в сознании человека.

С. А. Моисеева в связи с предметом исследования пишет: «Прибегая к метафоре, можно назвать глаголы восприятия “воротами” из мира объективной реальности в мир языковой, они обозначают первый – произвольный и непроизвольный – контакт человека с объективным миром» [\[5, с. 73\]](#).

В «Толковом словаре русских глаголов» под редакцией Л. Г. Бабенко (1999) глаголы

восприятия входят в большую группу глаголов интеллектуального действия. Типовая семантика глаголов восприятия: 'воспринимать что-либо каким-либо образом (зрением, слухом, обонянием) с помощью каких-либо внешних органов чувств'. Базовый глагол – воспринимать (воспринять). Всего в данном словаре зафиксировано 98 глагольных единиц со значением восприятия посредством разных органов чувств [\[9, с. 303-310\]](#).

Перцептивные глаголы, или глаголы восприятия, являются составной частью общей группы глаголов психической деятельности и на протяжении последних десятилетий привлекают внимание ученых-филологов, таких как Л. М. Васильев (1981), А. А. Кретов (1982), Ю. Д. Апресян (1995), Е. В. Урысон (1998), Н. Д. Арутюнова (1999), А. В. Бондарко (2002), Е. В. Падучева (2004), Т. В. Попова (2004), С. А. Моисеева (2006), К. Л. Филатова (2009), О. Ю. Авдевнина (2014), М. Д. Чертыкова (2016) и др.

В концепции Л. М. Васильева глаголы восприятия выделяются в самостоятельную группу; они рассматриваются в разделе «Глаголы психической деятельности». Автор дифференцирует эти глаголы по средствам восприятия, разделяя на глаголы зрительного, слухового восприятия, глаголы обоняния и осязания [\[3, с. 67\]](#). Данные глаголы содержат в своей семантике конкретные *орудийные семы*: видеть, слышать, обонять, осязать. Однако, по мнению других ученых, группа перцептивных глаголов не ограничивается указанными лексемами и их синонимами, так как «перцептивный компонент легко входит в семантику глаголов самых разных классов» [\[6, с. 197\]](#).

В. Т. Садченко обращает внимание на тот факт, что в настоящее время «актуальным представляется изучение функционирования языка в аспекте его регионального существования» [\[7, с. 221\]](#). С этой точки зрения интересным представляется изучение перцептивных глаголов в какой-либо группе русских говоров.

Цель нашей статьи – рассмотреть, как перцептивная глагольная лексика представлена в «Словаре русских говоров Приамурья» (СРГП) и «Словаре говоров провинции Хэйлунцзян» (СГПХ).

В «Словаре русских говоров Приамурья» зафиксировано 18 глаголов и 8 фразеологизмов со значением зрительного, слухового восприятия, обоняния и осязания. Среди них 2 глагола *взбагрить*, *прошерстить* и 5 фразеологизмов не имеют аналогов ни в других говорах, ни в литературном языке.

1. Глаголы со значением зрительного восприятия, например: *заглядать* – 'смотреть': «В кусты заглядаю, ишу табуретку»; *зыркать* – 'смотреть': «Зыркалов в доме понавесила и всё зыркат в них»; *повидеть* – 'посмотреть, увидеть': «Много жил, много повидел»; *прошерстить* – 'тщательно проверить, просмотреть что-либо': «Ты прошерсти вот здесь»; *сглянуть* – 'посмотреть, взглянуть': «Идём домой с Мухиной, сглянем – никого нету, и домой бегом». Вышеуказанные пять глаголов зрительного восприятия с семантикой 'смотреть, увидеть'; в СРГП также имеются глаголы зрительного восприятия с семантикой 'утратить способность видеть', например: *отемнеть* – 'ослепнуть': «Мать отемнела, а слышала хорошо»; *пропасть* – 'утратить способность видеть': «А теперь, девки, глаза совсем пропали»; *слеповать* – 'терять зрение, слепнуть': «Лучше молодой помереть, чем вот сейчас слеповать».

Глаголы зрительного восприятия используются в ситуациях повседневности, например, лексемы *наглядеть/наглядать* в своем втором значении 'найти, увидеть': «Мы днём косили пшеницу, наглядили траву хорошую, давай ночью косить её»; в другом значении они синонимичны глаголу *приглядать*: 'последить с целью надзора за кем-чем-л.,

присмотреть (обычно за детьми)’: «Маленьких-то надо наглядеть, нельзя без присмотру»; «У Вали буду жить, а тут только наглядывать» / «Я сама буду приглядать».

В словарных статьях СРГП отражаются ситуации из реальной жизни, когда субъект видит или наблюдает объект – другого человека или предмет: *взбагрить* – ‘посмотреть недовольно’: «Соседка взбагрила на меня глаза от недовольства». Глагол *взбагрить* ьсовершенного вида, имеет двойное управление: *взбагрить (что) глаза, взбагрить (на кого) на меня*.

В СРГП имеются некоторые многозначные глаголы со значением зрительного восприятия, не все семы которых являются перцептивными, например: первое значение глагола *сморгать* – ‘увидеть’ («Где-то я его тут сморгал») является перцептивным, а второе значение – ‘рвать руками’ («Пошли, конопли насморгаем») является неперцептивным; *соблюдать* – ‘смотреть, наблюдать за кем-, чем-либо, заботиться о ком-, чем-либо’ («Пусть она детей соблюдает, не надо стрелять»), кроме семы ‘смотреть’, остальные семы этого глагола являются неперцептивными; у глагола *прошлёпать* – ‘проглядеть, не увидеть, прозевать, допустить оплошность’ («А это я прошлёпал сам») только сема ‘не увидеть’ является перцептивной, остальные неперцептивные.

2. Глаголы со значением слухового восприятия

Л. М. Васильев обращает внимание на то, что, т. к. «объектом слухового восприятия являются только звуки, рассмотренный класс глаголов тесно связан по ассоциации с полем звучания. Объектную позицию в конструкциях с глаголами слухового восприятия занимают названия звуков или их источников» [\[3, с. 66\]](#).

В материалах СРГП зафиксированы 3 глагола, имеющие значение слухового восприятия и неперцептивное значение. Например: глагол *наловить* имеет, кроме семы слухового восприятия ‘услышать’, и неперцептивную сему ‘собрать’: «Вы там много слов наловите»; одна сема ‘слушать’ из первого значения глагола *слушать* – ‘следовать чьим-л. советам, наставлениям; слушать’ является перцептивной семой, остальные семы из первого значения и второе значение глагола *слушать* – ‘употребляется при обращении к кому-л. в начале речи, разговора’ являются неперцептивными; глагол *чухать* имеет три значения, первое значение глагола *чухать* – ‘распознавать чувством, чувствовать, ощущать’ – относится к ощущению, второе значение глагола *чухать* – ‘слышать (о слуховых ощущениях)’ («Уши болят – теперь я ничё не чухаю») – являются перцептивным, третье значение этого глагола – ‘быть знакомым с кем-л.; звать’ – является неперцептивным.

3. Глаголы обоняния и осознания

В русском литературном языке восприятие с помощью органов обоняния обозначается глаголами *обонять* и *нюхать*. Но первый глагол – книжный, и в контексте диалекта или говора его могут заменять глаголы *чувствовать*, *чуять*, *замечать*, даже *слышать* (принейтрализации семы ‘слух’).

В материалах СРГП зафиксирован глагол *напахнуть*, имеющий значение ‘пахнуть, повеять запахом’: «Как напахнуло этим бензином».

4. Фразеологизмы со значением восприятия

В русских говорах Приамурья часто используются устойчивые сочетания, выражающие различные типы восприятия:

а) фразеологизмы со значением зрительного восприятия, например: *бросить в глаза* –

'взглянуть, бросить взгляд': «Она глаза бросит как! Потом глаза защурила»; глазом не видать – 'не видеть ни разу': «Я её не знаю, и глазом не видал»; след себе видеть – 'плохо видеть (о слабом зрении)': «Стара стала, только след себе вижу, никуд уж далёко не хожу»;

6) фразеологизмы со значением слухового восприятия, например: наставить ухо – 'прислушаться': «Я здесь копошусь, наставлю ухо, слышу песни»; натопорить уши – 'напрячь слух, внимательно прислушаться': «Натопорит ушки и пошёл. Увидел зверя, коза стоит, уши, вишь, натопорила»;

в) фразеологизмы со значением обоняния и осязания, например: набросить духом – 'повеять (о запахе)': «Набросит духом, и собака бежит на дух, на белку»; хватть (хватать) духом – 'действовать на обоняние (о запахе)': «Избу построит, трубу отведёт, чтоб духом зверя не хватало»; хватить духу – 'услышать, почувствовать запах': «А хватил духу и пошёл, токо слышно, что бткать».

Рисунок 1. Классификация глаголов восприятия в СРГП

В «Словаре говоров провинции Хэйлунцзян» зафиксировано всего **1 8** глаголов со значением восприятия, но все эти глагольные единицы относятся только к группе зрительного восприятия. Среди них **2** глагола обозначают нейтральную семантику зрительного восприятия: 瞅 [chǒu] – смотреть; 瞅见 [chǒujìàn] – увидеть.

Далее идут **9** глаголов зрительного восприятия с семантикой 'посмотреть недовольно': 白瞪 [bái dèng] и его синоним 白楞 [bái lèng] – фразеологизм, буквальный перевод которого 'смотреть на людей белыми глазными яблоками', что означает 'неудовлетворенность другим'; 拨瞪 [bō dèng] и его синонимический ряд 拨楞 [bō lèng] и 立膝 [lì lèng] – 'устремлять (бросать) взгляд на кого-либо', 横瞪 [héng lèng] – 'зло устремлять (бросать) взгляд на кого-либо'; 瞄瞪 [háo lèng] – 'устремлять (бросать) взгляд на кого-либо от недовольства', синонимами этого глагола являются глаголы 现勾 [wǎ gōu] и 现咵 [wǎ gū]. По эмоциональному восприятию эти 9 глагольных единиц выражают негативную, отрицательную оценку. Модель, по которой строятся высказывания, тоже общая: субъект недоволен объектом восприятия.

Значение остальных семи глаголов зрительного восприятия более разнообразное, хотя глагольных единиц не так уж много: **2** глагола с семантикой 'внимательно наблюдать, смотреть': 眺 [biāo] – 'пристально смотреть, следить', 不错眼珠儿 [bù cuò yǎn zhū ér] – 'наблюдать неподвижным взглядом'; **2** глагола с семантикой 'степени осмотра': 瞟 [liū] и его синоним 瞥 [lēi] – 'быстро просматривать что-нибудь'; **2** глагола зрительного восприятия с семантикой 'смотреть с какой-нибудь целью': 打眼 [dǎ yǎn] – 'смерить взглядом', в переводе на русский язык – это устойчивое сочетание; 扫搭 [sǎo dā] – 'окинуть взглядом, взглянуть искоса'; **1** глагол зрительного восприятия с семантикой

'смотреть с каким-то желанием': 巴望 [bā wàng] – 'пристально смотреть с каким-то желанием'.

Рисунок 2. Распространение глаголов восприятия в СГПХ

Материал показал, что глаголы и фразеологизмы со значением зрительного восприятия в СРГП преобладают над другими группами (17 лексем), глаголов и фразеологизмов со значением слухового восприятия зафиксировано 5 и 4 глагола и фразеологизма со значением обонятельного восприятия.

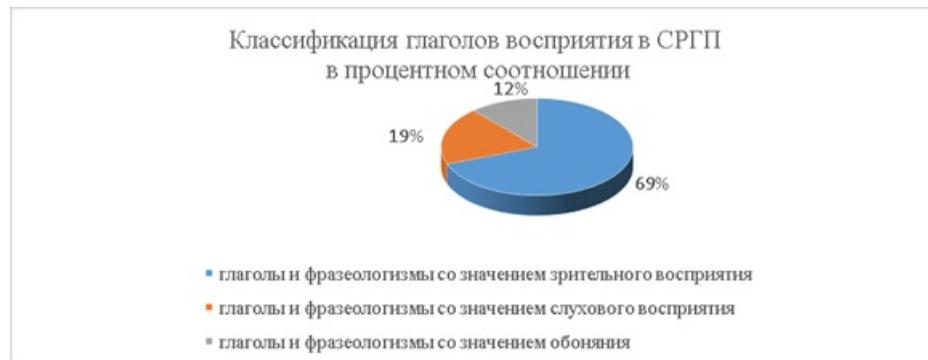

Рисунок 3. Классификация глаголов восприятия в СРГП в процентном соотношении

В СГПХ есть лексические эквиваленты глаголов зрительного восприятия из «Словаря русских говоров Приамурья»: глаголы с нейтральной семантикой 'увидеть, смотреть': **заглядать**, **зыркать**, **повидеть** 瞅 [chǒu], 瞅见 [chǒu jiàn], глаголы с семантикой 'посмотреть недовольно': **взбагрить** и 白瞪 [bái dèng], 白楞 [bái lèng], 拨瞪 [bō dèng], 拨楞 [bō lèng], 立睦 [lì lèng], 橫瞪 [héng lèng], 瞎瞇 [hóu lōu], 瓦勾 [wǎ gōu], 瓦姑 [wǎ gū] являются эквивалентами.

Перцептивная лексика, являясь результатом непосредственного взаимодействия человека с миром, соединяет мир объективной реальности с выражением этого мира в языке человеческого общения. Мы рассмотрели способы верbalного освоения категории восприятия *разными этносами*. Диалектный материал дает представления об этническом своеобразии поля глаголов психической деятельности.

Библиография

1. Апресян Ю. Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания// Вопросы языкознания. – 1995. – № 1. – С.37–67.
2. Бондарко А. В. Теория значения в системе функциональной грамматики: на материале русского языка. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 736 с.
3. Васильев Л. М. Семантика русского глагола. – М.: Высшая школа, 1981. – 184с.
4. Мещеряков Б. Г., Зинченко В. П. Большой психологический словарь. – СПб.: Прайм ЕвроЗнак, 2006. – 3-е изд. – 672 с.
5. Моисеева С. А. Семантическое поле глаголов восприятия в западно-романских

- языках: монография. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2005. – 248 с.
6. Падучева Е. В. Динамические модели в семантике лексики. – М., 2004. – 607 с.
 7. Садченко В. Т. Лексико-семантическая группа глаголов мысли в русских говорах Приамурья // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке, 2022. – Т. XIX. – Вып. 1. – С. 220–226.
 8. Словарь русских говоров Приамурья / авт.-сост.: О. Ю. Галуза, Ф. П. Иванова, Л. В. Кирпикова, Л. Ф. Путятина, Н. П. Шенкевец. – Изд. 2-е, испр. и доп. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2007. – 544 с.
 9. Толковый словарь русских глаголов / Под ред. Л. Г. Бабенко. – М.: АСТ-ПРЕСС, 1999. – 704 с.
 10. 刘小南, 姜文振.«黑龙江方言词典». 哈尔滨:黑龙江教育出版社, 1991年. – 292页. Лю Сяонань, Цзян Вэньчжэнь. Словарь говоров провинции Хэйлунцзян / Лю Сяонань. Цзян Вэньчжэнь. – Харбин: Хэйлунцзянское образовательное издательство, 1991. – 292 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Глаголы восприятия в русских говорах Приамурья и в северо-восточном диалекте китайского языка провинции Хэйлунцзян», предлагаемая к публикации в журнале «Филология: научные исследования», несомненно, является актуальной, ввиду возрастающего интереса к изучению китайского языка в нашей стране. Сегодня большой интерес представляет проблема обозначения грамматических основ русского языка в контексте языковых явлений, характеризующих другие языки (в частности, китайский): в условиях отсутствия лингвистической традиции и потребности наращивания теоретической базы и решения некоторых стоящих перед современными лингвистами, педагогами, переводчиками практических вопросов. Кроме того, данный факт важен при подготовке переводчиков, а также специалистов по международной коммуникации.

Цель рецензируемой статьи – рассмотреть, как перцептивная глагольная лексика представлена в «Словаре русских говоров Приамурья» (СРГП) и «Словаре говоров провинции Хэйлунцзян» (СГПХ).

Отметим наличие сравнительно небольшого количества исследований по данной тематике в отечественном языкоznании. Автор иллюстрирует классификацию языковыми примерами. Однако непонятен объем и принципы выборки языкового материала, на котором зиждется исследование.

Структурно отметим, что данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, упоминание основных исследователей данной тематики, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. К недостаткам можно отнести отсутствие четко поставленных задач в вводной части, неясность методологии и хода исследования.

Все теоретические выкладки проиллюстрированы языковыми примерами на китайском и русском языках.

Библиография статьи насчитывает 10 источников, среди которых представлены труды

как на русском, так и работы на китайском языке.

К сожалению, в статье отсутствуют ссылки на фундаментальные работы, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации.

Опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности в тексте работы не обнаружены. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Для удобства читательского восприятия автор прибегает к схемам. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в процессе преподавания вузовских курсов по теоретической грамматике китайского языка, а также курсов по междисциплинарным исследованиям, посвящённым связи языка и общества. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Глаголы восприятия в русских говорах Приамурья и в северо-восточном диалекте китайского языка провинции Хэйлунцзян» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Крыгин Р.В. — Крымские реалии в травелоге Ф. Реми «Крым в этнографическом, географическом и историческом отношении» (1872) // Филология: научные исследования. – 2024. – № 1. DOI: "не активен" EDN: MSSAWA URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69645

Крымские реалии в травелоге Ф. Реми «Крым в этнографическом, географическом и историческом отношении» (1872)

Крыгин Роман Вячеславович

ORCID: 0000-0002-9840-8498

преподаватель, кафедра Немецкой филологии, Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова

295014, Россия, Республика Крым, г. Симферополь, ул. Туристов, 24, оф. Туристов, 24

✉ romakrygin@gmail.com

[Статья из рубрики "Автор и его позиция"](#)

DOI:

"не активен"

EDN:

MSSAWA

Дата направления статьи в редакцию:

20-01-2024

Дата публикации:

27-01-2024

Аннотация: Статья посвящена выявлению и структурированию реалий в травелоге немецкоязычного путешественника Франца Реми, который посетил Крымский полуостров в XIX веке. Рассматриваются особенности реалий, упомянутых в труде путешественника. Цель работы – выявить, охарактеризовать, а также установить особенности реалий Крыма на основе травелога Ф. Реми. Актуальность работы обусловлена как повышенным интересом к травелогу как жанру, так и к лингвокультурологическому аспекту изучения немецкоязычных травелогов. Особый интерес вызывает и то, как именно немецкоязычный путешественник видел Крым в XIX веке. В статье уточняются понятия «реалия» и «травелог» на основе критического анализа теоретических источников. Представлена классификация реалий. Практическое исследование было основано на

материале травелога Франца Реми «Die Krim in ethnographischer, landschaftlicher und hygienischer Beziehung», изданного в XIX веке. Теоретической базой для анализа термина «реалия» послужили в первую очередь работы отечественных филологов Л.Н. Соболева, С.П. Влахова, С. И. Флорина, а также А. А. Кретова и Н.А. Фененко. Практическая часть исследования базируется на данных записок и дневников немецких путешественников, полученных путем выборки из фондов библиотек Крыма. Актуальность данной работы объясняется недостаточной исследовательностью темы, увеличивает актуальность и то, что исследуемая работа не была переведена на русский язык. Объектом исследования является реалия как лингвистическая единица, а предметом – географические и культурные особенности, демонстрируемые реалиями. Выбор темы определяется, с одной стороны, малоизученностью предмета, с другой стороны – повышенным интересом к презентации Крыма как туристического и поликультурного объекта в различных лингвокультурах. В травелоге Ф. Реми мы наблюдаем 7 классов слов-реалий. Это прежде всего ойконимы, гидронимы, оронимы, урбанонимы, хоронимы, персоналии и этнографические реалии. Наиболее обширную группу занимают топонимы (58 ед.). Общее количество выявленных реалий – 85 ед. Довольно часто в названиях мы наблюдаем упоминание нескольких названий города, что свойственно Крымскому полуострову.

Ключевые слова:

Крым, Реалия, путевые записки, немецкий язык, травелог, Франц Реми, путешествие, Россия, поездка, культура

Для практического анализа данных о Крыме, составленных немецким путешественником, важно определить понятия «реалия» и «травелог» и установить его виды в исследуемой работе.

Понятие «реалия» в отечественной литературе была проанализировано различными авторами.

В труде В. М. Россельса реалии понимается как «иноязычные слова, которые обозначают понятия, предметы, явления, не бытующие в обиходе того народа, на язык которого переводятся произведения» [\[5; 21\]](#).

Согласно Г. Д. Томахину, реалии – «это названия присущих только определенным нациям и народам предметов материальной культуры, фактов истории, государственных институтов, имена национальных и фольклорных героев, мифологических существ и т.п.» [\[7; 70\]](#).

Л. Н. Соболев представляет реалии как «...слова из национального быта, которых нет на других языках, потому что нет этих предметов и явлений в других странах». [\[6; 38\]](#).

Смежными понятиями для термина «травелог» являются такие как «путевые записки» или «путевые заметки». Бертон Холмс впервые использует данный термин для описания выступления, о которых повествуется о проделанных путешествиях. В XX веке можно понятьение травелога являлось более устоявшимся – «Отчет о путешествии: книга, статья или фильм, описывающие места, которые люди посетили, и то, с чем они столкнулись». [\[4; с. 14\]](#)

Перейдем к непосредственному анализу травелога Ф. Реми. Стоит отметить, что работа

Ф. Реми, несмотря на свое названия, написана более простым языком, чем трактологи других немецких путешественников, которые ставили более четкие научные цели (Например, П.С. Паллас, уделявший внимание флоре и фауне Крыма или Г. Аббих, исследовавший геологию полуострова). [\[11, 13, 14\]](#)

Рассмотрим тематические классы реалий, упоминаемых в работе Реми:

географические названия, среди которых:

- ойконимы

а) астионимы: *Saki, Eupatoria / Koslow / Geslew, Sewastopol, Chersones, Bagtschi-Sarai / Perle der Krim / Gartenpallast, Balaklawa, Alupka, Jalta, Gurzuf, Aluschta, Sympferopol / Ak-metschet / Weiße Kirche, Theodosia / Gottesgabe / Kaffa / Keffe / Stadt der Sieben Götten / alte Taurien, Sudak, Karassubasar, Inkerman / Inkjerman.* (всего – 25);

б) комонимы: *Achtiar / Att-jar, Livadia, Orianda* (всего – 4);

- гидронимы

а) потаномимы (названия рек) *Tschernaja Retschka* (всего – 1);

б) лимнонимы (названия озер) *Schlammgüter von Saki* (всего -1);

- оронимы (название наземных объектов рельефа):

а) названия гор *Tschufut-Kale, Mangup* (всего – 2);

б) название долин *Katscha Thal / Bjout Dufen* (всего – 2);

- урбанонимы (собственные имена внутригородских объектов):

а) кофейные дома: *Kaffehäuser* (всего – 1);

б) мысы: *Tatilli-Burünn, Uff-Burünn* (всего – 2)

в) станции: *Burundu* (всего – 1)

г) рынки: *Laufchan basar* (всего – 1)

д) гостиницы: *Rlubb, Gündenn* (всего – 2)

- хоронимы (собственные имена территорий) *Krim, Jajla* (всего – 2)

- персоналии

а) имена собственные *Kornilow, Istomin, Rachimow, Lasarew, Nuri Baffri, Gelim Ghirei Chan, Katharina II* (всего – 7)

б) имена *Anife, Uri, Gaineb, Gulsum* (всего – 4)

этнографические реалии:

а) религиозные реалии: *Mullah, Mohamedanern, Minarets* (всего – 3);

б) этносы: *Tataren, Karaimen* (всего – 2);

в) одежда: *Turban, Müße* (всего – 2);

г) мера: *Werste* (всего -1)

д) военные реалии: *Forts Konstantin, Michael, Batterie nummer 4* (всего -3).

Говоря об астионимах следует более подробно упомянуть такие как:

Астионимы.

Eupatoria / Koslow / Geslew. Объект наименования – город Евпатория. Реми, посещая данный город рассуждает об этимологии данного слова. Примечательно, объяснение автором этимологии города. (*ges* – *Luge*, что на русский язык в данном случае следует перевести как «смотровая щель» и *Lew* – дом) [\[14, с. 6\]](#). Этимология слова объясняется путешественником тем, что в этом городе у домов имеются маленькие окна. Современное имя города – Евпатория было дано русским населением в честь в честь царя древнего Понта Митридата VI Евпатора. В Крыму Франц Реми также отмечает присутствие необычных европейцу «кофейных домов» в данном городе (*Kaffehäuser*).

Франц Реми отмечает, что местное население «ничего не делает, для развития такого важного места» (*Leider tut die Bevölkerung nichts für Übung so wichtigen Ortes*) [\[14, с. 9\]](#), «тут нельзя найти ни хороших сельских домов, ни достаточного выбора продуктов питания» (*Man findet hier weder gute Landhäuser noch hinreichende Auswahl von Lebensmittel*) [\[14, с. 10\]](#), «татары и караимы не совершенно не принимают иностранцев. Их эгоизм переходит все рамки» (*Tataren und Karaimen nehmen Fremde gar nicht auf. Hat Ihre Egoismus zu extrem ausgebildet*) [\[14, с. 8\]](#).

Sewastopol. Объект наименования – город Севастополь. Путешественник отмечает Константиновскую, Михайловскую и Батарею номер 4 (*Forts Konstantin, Michael und die Batterie Nummer 4*). Путешественником упоминает некогда существовавшее село в районе города Севастополя, а именно – Ахтияр (*Die Bucht, an welcher das tatarische Dörfer Achtiar oder Att-jar lag war im Jahre 1783 zum ersten Mal von den Russischen Flotte bei Gelegenheit Einverleibung der Krim befeßt*). Данное поселение, которое прежде находилось под властью Мангупского кадылыка было переименовано в 1784 году в Севастополь по приказу Екатерины II (*Das Dorf welches unter der Botmäsigkeit Mangups stand, war 1784 auf Befehl der Katharina II in Sewastopol unbenannt zur Erinnerung an das ersten Jahrhunderten*). В данном городе Реми посещает захоронения русских военных деятелей. Это захоронения Корнилова, Истомина, Рахимова, Лазарева (*Admirale Kornilow, Lasrew*).

Inkerman. Объект наименования – город Инкерман. Сам Реми отмечает, что было бы правильнее, с его точки зрения, писать и произносить через букву *j*: *richtiger Inkjerman* [\[14\]](#).

Bagtschi-Sarai / Perle der Krim / Gartenpallast. Объект наименования – Бахчисарай. В отличии от Евпатории, данный город оказал намного более сильное впечатление на путешественника. Франц Реми называет его «жемчужиной Крыма» (*Perle der Krim*). Путешественник останавливается в гостином дворе под названием «Хан-Сарай» (*Gasthaus «Chan-Sarai»*). Автору понравилось гостеприимство крымских татар в этом городе. Также Реми отмечается, что часть из них хорошо изъясняются на русском языке, а многие говорят свободно. Франц Реми, как и П.С. Паллас адаптирует топоним Бахчисарай для немецкого язычного читателя – «*Garten Pallast*». В городе автор наблюдает вечернюю молитву крымских татар, которая также оказывает большое впечатление на автора. При подробно описании процесса молитвы можно обнаружить

такие реалии как: Мулла (*Mullah*) – исламский священнослужитель, знаток Корана, а также головные уборы, которые наблюдал автор у жителей города Бахчисарай – тюрбан (*Turban*) у мужчин и Феска (*Müße*) у женщин [14, с. 55].

Alupka. Объект наименования – город Алупка. Посещая Алупку Франц Реми отмечает, что город стал очень знаменит в России.

Jalta. Объект наименования – город Ялта. В данном городе Реми отмечает прекрасную панораму (*Ein wundervolles Panorama*).

Sympferopol. Объект наименования – город Симферополь. Автор также упоминает и под первым, и под вторым вариантом – Ак-мечеть (*Ak-Metschet, Weiße Kirche*). Описывая город, Франц Реми подчеркивает, что часть города выглядит современно, «по-европейски», а часть – нет. При этом указывает на не совсем удачное распределение места в городе (*Platzverschwendung*) [14, с. 183].

Karassubasar. Объект наименования – город Белогорск. Посетив данный город, Реми отмечает, что после своего визита в Бахчисарай данный город не может ничем существенно удивить, но подчеркивает большое количество религиозных учреждений – 23 мечети, 5 церквей, 4 синагоги.

Theodosia / Gottesgabe / Kaffa / Keffe. Объект наименования – город Феодосия. Множество названий города Феодосия можно встретить в работе автора. Это – Theodosia, что автор переводит как «дар божий» (*Gottesgabe*), старая Таврия (*alte Taurien*), а также «город семи богов» (*Stadt der Sieben Götten*). В травелоге автор описывает былое величие данного города и отмечает написание его название на турецком языке – Kefe [14, с. 196].

Гидронимы

Schlammhäder von Saki. Объект наименования – грязевые озера города Саки. Путешественник подчеркивает пользу грязевых ванн, которые он посещает на западной части Крыма. С его слов они помогают при ревматизмах, мигрени, сибирской язве и так далее (*Rheumatismen, Migränen, Milz u.s.w.*) [14, с. 181].

Урбанонимы

Laufchanbasar. К реалиям также следует отнести портовый рынок (*Hafenmarkt*) на южном берегу Крыма с названием «Лауфхан-базар» (*Laufchan basar*), где автору очень понравились продаваемые там фрукты.

Посещая Карасубазар, Франц Реми рассуждает об крымскотатарском языке и пишет, что крымскотатарский язык – это диалект турецкого, который хорошо понимают в Константинополе. Особенностью данного диалекта является частое ударение на последний слог и в Бахчисарае он звучит мягче, чем, например, в Карасубазаре. Самое нежное звучание он приобретает в женских именах, таких как: Анифе, Урие, Улифе и так далее. (*Die Tatarische Sprache ist ein Dialekt des Türkischen, der in Konstantinopol vollkommen verstanden wird. Sie hat den Accent fast auf dem stets Vokal der letzten Silbe, klingt in Bachstisarai, weicher als in z.B. Karassu-Basar, am weichten jedoch im Munde des weiblichen Geschlechts, dessen Name – Anife, Uriе, Gaineb, Gulsum u.s.w., das Ohr angenehm berühren.*) [14, с. 147].

Что касается временной характеристики описываемых Реми реалий полуострова, то

некоторые из реалий были актуальными на момент посещения автором полуострова. Это все вариации названия города Феодосии (*Theodosia / Gottesgabe / Kaffa / Keffe*), Симферополь (*Akmetsched*).

Результаты анализа временного параметра реалий травелога Реми отражены в табл. 1:

Табл. 1

Временные виды реалий в работе Реми

Реалия, актуальная до момента создания травелога	Реалии, актуальные на момент создания травелога	Реалии, отсутствующие в настоящее время
1 <i>Gelim Ghirei Chan</i>	78	6 <i>Koslow, Geslew</i> <i>Kaffa, Keffe, Stadt der Sieben Götten, alte Taurien</i> и др.

Реалия, актуальная до момента создания травелога. В работе Реми упоминаются три исторические реалии-астонимы. Это прежние названия проливов греческого происхождения. В этом случае объект именования сохранился, но изменилось реалия-слово (L-реалия) [2].

Реалия, отсутствующая в настоящее время. В этом случае речь может идти о таком виде, как:

- объект именования сохранился, но был переименован: *Kaffa*, (сегодня Феодосия), *Karassubasar* (сегодня Белогорск), *Akmetsched* (сегодня Симферополь) и др.;

Среди других особенностей написания реалий отметим следующие случаи:

- использование названий дублетов: *Eupatoria / Koslow / Geslew*, где Козлов – старое русское название Евпатории, адаптация крымскотатарского Гезлёв; *Sympferopol / Ak-metschet / Weiße Kirche*, где *Weiße Kirche* – это адаптация крымскотатарского слова на немецкий язык; *Theodosia / Gottesgabe / Kaffa / Keffe / Stadt der Sieben Götten / alte Taurien*, где *Gottesgabe* – это адаптация греческого слова на немецкий язык.

В травелоге Реми преимущественно встречаются описания народов Крыма, а также Крымских городов XIX века, довольно часто мы встречаем субъективные оценки автора.

Выводы

В травелоге Ф. Реми мы наблюдаем 7 классов слов-реалий. Это прежде всего ойконимы, гидронимы, оронимы, урбанонимы, хоронимы, персоналии и этнографические реалии. Наиболее обширную группу занимают топонимы (58 ед.). Общее количество выявленных реалий – 85 ед. Довольно часто в названия мы наблюдаем упоминанием нескольких названий города, что свойственно Крыму. Например, *Eupatoria / Koslow / Geslew*, где Козлов – старое русское название Евпатории, адаптация крымскотатарского Гезлёв; *Theodosia / Gottesgabe / Kaffa / Keffe / Stadt der Sieben Götten / alte Taurien* где *Gottesgabe* – это адаптация греческого слова на немецкий язык.

Исходя из результатов анализа – наиболее характерные реалии для Крыма образца XIX

века являются реалии-астионимы, в том числе и дублеты, что связано с этническим разнообразием Крыма, а также с богатой историей полуострова.

Помимо названий городов в травелоге были обнаружены названия гостиниц, одежды, меры, военные реалии, имена собственные, но уже в меньшем количестве.

Некоторые из реалий были актуальны на момент путешествия автора по Крыму, но на сегодняшний день изменили свое название. Это, например, - все вариации названия города Феодосии (*Theodosia / Gottesgabe / Kaffa / Keffe*).

Иногда путешественник пытается объяснить этимологию слова. Ф. Реми сталкивается и с коммуникативными сложностями, что обусловлено культурными различиями. Помимо астионимов автор находит примечательным кофейные дома, отсутствующие на его родине, довольно часто мы встречаем субъективные оценки автора.

Библиография

1. Влахов С., С. И. Флорин. Непереводимое в переводе / М.: «Международные отношения», 1980.
2. Кретов А. А., Фененко Н.А. Лингвистическая теория реалий // Воронеж: Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация.-№ 1, 2013. – 7-13 с.
3. Майга А.А. Африка во французских и русских травелогах, дис. ... канд. филол. наук, 2016.
4. Пономарев Е.Р. К вопросу об общей теории травелога // Медиалингвистика. Вып. 6. Язык в координатах массмедиа. Материалы II международной научно-практической конференции. 2— 6 июля 2017 г., СПб.: СПбГУ, 2017.-150-152 с.
5. Россельс В. Р. Перевод и национальное своеобразие подлинника Вопросы художественного перевода. / – М.: Советский писатель, 1955.
6. Соболев Л. Н. Пособие по переводу с русского языка на французский – М. : Изд. лит. на иностр. яз., 1952..
7. Томахин Г.Д. Реалии – американизмы. Пособие по страноведению. / М.: Высшая школа, 1988.
8. Чернов Г. В. Вопросы перевода русской безэквивалентной лексики (советских реалий) на английский язык: на материале переводов советской публицистики, дисс. канд. филол. наук, 1958.
9. Шпак Г.В. Репрезентация образов времени и пространства в Европейском травелоге XVII-XVIII вв., дис. ... канд. ист. наук., 2018.
10. Chaney E. The Evolution of the Grand Tour: Anglo-Italian Cultural Relations since the Renaissance. 2nd ed. – Oxon; New York: Routledge, 2000.
11. H. Abich Einleitende Grundzüge der Geologie Halbinsel Kertsch und Taman / Abich H., St. Petersburg: Akademie der Wissenschaften, 1865.
12. Mead W. E. The Grand Tour in the Eighteenth Century. – Boston; New York: Houghton Mifflin Co., 1914.
13. Pallas P.S. Bemerkungen auf einer Reise in die südlichen Statthalterchaften des russischen Reichs in den Jahren 1793 und 1794.-Bd.2 изд.-Leipzig: Martini, 1801.
14. Remy F., Die Krim in ethnographischer, landschaftlicher und hisgienischer Beziehung / Dem grossen reisenden Publikum ein Wandergefahrte. – Odessa; Leipzig: Emil, Berndt, 1872.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья «Крымские реалии в трапелоге Ф. Реми «Крым в этнографическом, географическом и историческом отношении» (1872)», предлагаемая к публикации в журнале «Филология: научные исследования», несомненно, является актуальной ввиду того, что современные наработки лингвокультурологических исследований помогают по новому интерпретировать отраженные в трапелогах факты. Несомненно, изменения в обществе, популярность социальных сетей, блогов и влогов, а также телепередач, в которых рассказывается о путешествиях, доступность поездок изменили общественное сознание сегодня. Однако жанр путевых заметок о новых землях был известен еще несколько столетий назад. Так, автор фокусирует свое внимание на трапелогах в рамках данной статьи. Кроме того, интерес представляет локализация - автор фокусируется на полуострове Крым и его описаниях в работах немецкоязычных путешественников.

Отметим, что автор не приводит точных данных корпуса, взятого для исследования.

Представленная статья выполнена в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, а также исследовательскую с приведением эмпирической базы.

Стоит отметить, что статья не содержит теоретической основы исследования в вводной части. Так, автор не обращает внимание на историографию вопроса, теоретические основы работы, не обращается к работам предшественников, что не позволяет в полной мере выявить приращение научного знания в рамках рецензируемой статьи и выделить научную лакуну.

В основной части нет указания на методологию и ход исследования.

Так как в вводной части отсутствуют четко поставленные задачи, невозможно оценить заключение на предмет его соответствия первоначальной задаче.

Статья требует увеличения объема, так как объем знаков с пробелами чуть больше 6000 когда по требованиям издательства статья должна быть от 12000 (См. требования https://nbpublish.com/fmag/info_106.html)

Библиография статьи насчитывает 9 источников на русском языке и иностранных языках. Однако автор не обратился к фундаментальным трудам, таким как монографии, кандидатские и докторские диссертации, которых было защищено достаточно по смежным темам исследования.

Технически при оформлении библиографического списка нарушены общепринятые требования ГОСТа, а именно несоблюдение алфавитного принципа оформления источников.

Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц: филологам, литературоведам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым понятным читателю языком, хорошо структурирована, опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности не обнаружены. Общее впечатление от знакомства со статьей «Крымские реалии в трапелоге Ф. Реми «Крым в этнографическом, географическом и историческом отношении» (1872)» положительное, но статья требует правок, а именно; 1) увеличение объема работы, 2) усиление библиографии и приведение ее в соответствие требованиям ГОСТа, 3) переработка введения статьи с учетом обращения к историографии заявленной тематики и четкой постановки задач, коррелирующих с заключением.

Требуется повторное рецензирование после доработки.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Ориентир оценки реалий в литературных, художественных, публицистических текстах явление не новое. Автор в подобных изысканиях стремится каталогизировать номинации, придать им некий системный характер. На мой взгляд, рецензируемая работа и представляет собой подобный извод. Но это вполне удачный методологический подход, ибо при анализе языка / языковых явлений данная конкретика необходима. Текст работы имеет завершенный вид, основная цель исследования достигнута, думается, что и поставленный ряд задач тоже решен. В качестве основного источника анализа выступает травелог Ф. Реми «Крым в этнографическом, географическом и историческом отношении» (1872). Выбор, думается, не случаен, да и источник не так часто подвергался подобной оценке. Автор по ходу работы не исключает т.н. теоретико-практические справки: например, «для практического анализа данных о Крыме, составленных немецким путешественником, важно определить понятия «реалия» и «травелог» и установить его виды в исследуемой работе. Понятие «реалия» в отечественной литературе была проанализировано различными авторами» и т.д. Они, несомненно, нужны, ибо ведут потенциального читателя по строго заданному маршруту. Цитации по тексту даются полновесно, целостно, формальный грейд выдержан: например, «Л. Н. Соболев представляет реалии как «... слова из национального быта, которых нет на других языках, потому что нет этих предметов и явлений в других странах». [6; 38]. Смежными понятиями для термина «травелог» являются такие как «путевые записки» или «путевые заметки». Бертон Холмс впервые использует данные термин для описания выступления, о которых повествуется о проделанных путешествиях. В XX веке можно понятие травелога являлось более устоявшимся – «Отчет о путешествии: книга, статья или фильм, описывающие места, которые люди посетили, и то, с чем они столкнулись» и т.д. Системный набор реалий в тексте Ф. Реми направлен на ойконимы, комонимы (гидронимы, оронимы...), астионимы и т.д. На мой взгляд, полновесность оценки не вызывает сомнений. Описания даются также объемно: например, «Laufchanbasar. К реалиям также следует отнести портовый рынок (Hafenmarkt) на южном берегу Крыма с названием «Лауфхан-базар» (Laufchan basar), где автору очень понравились продаваемые там фрукты. Посещая Карасубазар, Франц Реми рассуждает об крымскотатарском языке и пишет, что крымскотатарский язык – это диалект турецкого, который хорошо понимают в Константинополе. Особенностью данного диалекта является частое ударение на последний слог и в Бахчисарае он звучит мягче, чем, например, в Карасубазаре. Самое нежное звучание он приобретает в женских именах, таких как: Анифе, Урие, Улифе и так далее. (Die Tatarische Sprache ist ein Dialekt des Türkischen, der in Konstantinopol vollkommen verstanden wird. Sie hat den Accent fast auf dem stets Vokal der letzten Silbe, klingt in Bachstisarai, weicher als in z.B. Karassu-Basar, am weichsten Jedoch im Munde des weiblichen Geschlechts, dessen Name – Anife, Uriе, Gaineb, Gulsum u.s.w., das Ohr angenehm berühren.)» и т.д. Полученные данные обобщены в виде таблицы, визуальный формат вполне удобен в лингвистических исследованиях. Работа самостоятельна, оригинальна, практический характер материала очевиден. Значимы в финальном блоке предварительные итоги: «среди других особенностей написания реалий отметим следующие случаи: - использование названий дублетов: Евпатория / Koslow / Geslew, где Козлов – старое русское название Евпатории, адаптация крымскотатарского Гезлёв; Sympheropol / Ak-metschet / Weiße Kirche, где Weiße Kirche – это адаптация крымскотатарского слова на немецкий язык; Theodosia /

Gottesgabe / Kaffa / Keffe / Stadt der Sieben Götten / alte Taurien, где Gottesgabe – это адаптация греческого слова на немецкий язык. В травелоге Реми преимущественно встречаются описания народов Крыма, а также Крымских городов XIX века, довольно часто мы встречаем субъективные оценки автора». Собственно и сам вывод созвучен основной части: «помимо названий городов в травелоге были обнаружены названия гостиниц, одежды, меры, военные реалии, имена собственные, но уже в меньшем количестве. Некоторые из реалий были актуальны на момент путешествия автора по Крыму, но на сегодняшний день изменили свое название. Это, например, - все вариации названия города Феодосии (Theodosia / Gottesgabe / Kaffa / Keffe). Иногда путешественник пытается объяснить этимологию слова. Ф. Реми сталкивается и с коммуникативными сложностями, что обусловлено культурными различиями. Помимо астионимов автор находит примечательным кофейные дома, отсутствующие на его родине, довольно часто мы встречаем субъективные оценки автора». Список источников введен в текст статьи должным образом; стиль сочинения соотносится с собственно научным типом. Рекомендую статью «Крымские реалии в травелоге Ф. Реми «Крым в этнографическом, географическом и историческом отношении» (1872)» к публикации в журнале «Филология: научные исследования».

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Мехтиев В.Г. А.С. Пушкин в восприятии "русского Харбина" // Филология: научные исследования. 2024. № 1.

DOI: 10.7256/2454-0749.2024.1.69685 EDN: KAPBEA URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69685

А.С. Пушкин в восприятии "русского Харбина"

Мехтиев Вургун Георгиевич

доктор филологических наук

профессор, кафедра литературы и журналистики, ФГБОУ ВО "Тихоокеанский государственный университет"

680035, Россия, Хабаровский край, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, 136, оф. 416

 mextieev@mail.ru

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2024.1.69685

EDN:

KAPBEA

Дата направления статьи в редакцию:

27-01-2024

Дата публикации:

05-02-2024

Аннотация: Объектом исследования является критика и публицистика "русского Харбина", посвященная Пушкину. Ставится цель, определить место, которое занимали личность и творчество поэта в духовной культуре эмигрантов; раскрыть грани создаваемого восточными эмигрантами пушкинского мифа. Русская эмиграция регулярно выступала на тему Пушкина, на протяжении десятилетий проводила День русской культуры, привязанный исключительно к имени классика. Внимание уделяется критике и публицистике не только «коренных» русских харбинцев, но и публикациям, авторство которых принадлежит западным эмигрантам, творчески связанным с периодическими изданиями «русского Харбина»; эти публикации большей частью не включены ни в какие библиографические списки. Были изучены материалы Государственного архива Хабаровского края. Оказалось, что русские эмигранты в Китае опубликовали о Пушкине более трехсот статей. С опорой на методы описания, а также философской феноменологии осмысливаются культурно-исторические, эстетические и

литературоведческие параметры «пушкинских» статей «русского Харбина». Существует серьезная традиция изучения художественного и эстетического наследия первой волны русской эмиграции, но эстетическая мысль «русского Харбина» недостаточно убедительно вписана в эту традицию. Существенным результатом исследования является обнаружение газетных и журнальных статей, примеров не только профессиональной, но и журналистской и читательской критики, ранее находившихся в неизвестности. По итогам проведенной работы появляется возможность расширить библиографию публикаций о классике. Вывод, который делается автором, заключается в том, что высказанная некогда Ап. Григорьевым мысль о том, что "Пушкин - наше все" для русских харбинцев действительно имела значение национальной идеи, "идеи существования" на чужбине. Отечественные литературоведы и зарубежные слависты уделяли внимание в основном пушкинистике русской эмиграции в Европу. В статье пушкинистика восточной линии русской эмиграции исследуется в качестве неотъемлемой части литературного наследия всего Русского зарубежья. Преодолевается существующий доныне стереотип о "вторичности" литературной критики восточных эмигрантов.

Ключевые слова:

Пушкин, русский Харбин, литературная критика, публицистика, русская эмиграция, периодические издания, национальная идея, контекст, пушкинистика, мифологизация

Литературоведы осваивали системно творчество западной части русской эмиграции, о чем свидетельствует объем исследований, изданий, справочных материалов. Достаточно назвать ученых, внесших серьезный вклад в осмысление наследия западной эмиграции: О.А. Коростелев [6, 7], В.М. Толмачев [16], С.Р. Федякин [18], М.Д. Филин [5, 15, 17] и другие. По итогам многочисленных изысканий подтвердилась мысль П.Б. Струве, полагавший, что «самым ценным вкладом зарубежных писателей в общую сокровищницу русской литературы должны будут быть признаны разные формы нехудожественной литературы». В ряду «нехудожественной литературы» он на первое местоставил критику и эссеистику [13, с. 239].

Но Русскому зарубежью Китая повезло меньше. Причин этому несколько. Творчество восточной ветви русского изгнания долго пребывало на периферии; к нему относились с недоверием, существовало мнение, что по содержательным и выразительным качествам оно уступает критике и эссеистике западных эмигрантов, что отчасти справедливо. К тому же, их писания рассеяны чуть ли не по всему миру, а это создает проблема для ученых. И все же доступный материал убеждает, что критика и публицистика «русского Китая» (в основном – «русского Харбина») заслуживает бережного отношения. Достойны внимания не только большие имена, коих было не так уж много; думается, здесь нельзя отворачиваться даже от текстов, так сказать, среднего разряда, рассчитанных, как правило, на периодические издания. «Толстых» журналов в «русском Китае» не было, за исключением «Рубежа». Но только в харбинских газетах, однодневных изданиях, альманахах было напечатано более трехсот статей о русской литературе. Из них более ста о Пушкине. Тем более, что ежегодно проводился День русской культуры, приуроченный к имени классика. В этом смысле можно с полным основанием говорить о пушкинистике Харбина. Часть статей недавно была опубликована в виде двух книг с комментариями; приведены биографические сведения об авторах [11, 12]. Одна из них целиком состоит из публикаций о Пушкине. Несмотря на это, работу по анализу художественно-эстетических опытов восточных эмигрантов нельзя считать завершенной.

Исследования последних нескольких лет показывают: каждое новое обращение к ней открывает любопытные смыслы пребывания русских в Поднебесной [8, 9, 10, 19].

Пушкинская тема в периодике «русского Харбина» отразилась разнопланово. Эмигрантов, независимо от их взглядов, объединяла любовь к Пушкину, который приобрел в их глазах статус символа Родины, а его произведения – национальной Библии. Пушкиниана Харбина охватывала статьи, рецензии, эссе, написанные не только теми, кто проживал здесь. Нередко встречались публикации, принадлежащие эмигрантам Запада. Например, А.В. Амфитеатров, выступивший в газете «Заря» со статьей «Пушкин в жизни Гоголя». Или Н.В. Калишевич (псевдоним Р. Словцов) после 1917 года живший в Софии и Париже и известный своими в том числе пушкинскими заметками в «Заре», «Рупоре». Наиболее значительная из них – «Последние дни Пушкина» [11, с. 329-337]. Можно назвать И.Г. Акулинина, члена кружка казаков-литераторов в Париже. В Шанхае была выпущена его книга «Оренбургское казачье войско в борьбе с большевиками. 1917–1920». В харбинской печати вышла его статья «Поездка Пушкина в Оренбург и Уральск. История пугачевского бунта. Капитанская дочка» [Там же, с. 224-335]. С проблематикой этой публикации перекликался очерк в «Рупоре» А.К. Семенченкова «Пушкин и казаки». Или эмигрировавший в Ригу М.Д. Вайнтроб, человек обаятельный, но беззащитный перед суровыми историческими обстоятельствами; он покончил жизнь самоубийством. Его статья для «Зарии» «Пророческие сны у Пушкина» была написана в русле психологического направления в литературоведении. Там же, в Риге, после эмиграции жил П.М. Пильский. Он сотрудничал с газетой «Сегодня» (Рига). Писал под псевдонимами: Р. Вельский, Гр. Девиер, Петроний, Ф. Стогов, П. Трубников и криптами: П.П., С.Ф., Т.Б.Р., П.Тр. В «Рупоре» за 1929 и 1937 годы он напечатал заметки: «Пушкин и его романы. Письма женщин великому поэту», «Можно ли было спасти Пушкина?».

Следует остановиться особо на В.В. Перемиловском. В середине 1920-х гг. он преподавал русский язык в Новой смешанной гимназии в Харбине. Публиковался в журнале «Вопросы школьной жизни». В Харбине он выпустил книги «Ожерелье жемчужное» (1923), «Пушкин» (в двух частях, 1934, 1935), «Лермонтов» (Харбин; Прага, 1941). Позже написанное им было собрано в книге этюдов «Беседы о русской литературе» (Харбин; Прага, 1935). В 1935 г. газета «Рупор» напечатала отрывки из этой книги о Пушкине: «Медный всадник», «Домик в Коломне», «Евгений Онегин», «Скупой рыцарь», «Моцарт и Сальери», «Пир во время чумы».

Правда, харбинская пушкиниана, за редким исключением, не выходила за кругом представлений Русского зарубежья в целом; образ Пушкина подвергался мифологизации, хотя встречались попытки воссоздать реалии биографии поэта, однако бессильные внести существенное изменение в устоявшийся его образ. Здесь надо отдать должное «коренным» харбинцам Г.Г. Сатовский-Ржевскому – автору статьи «Письма Н.Н. Пушкиной»; богослову Н.П. Покровскому («Пушкин и его современники»). В 1922 г. эмигрировавший в Харбин Л.Н. Викторов (архиепископ Никандр) выступил с публикацией «Здесь жил Пушкин. Дом № 12 на набережные реки Мойки», а О.В. Голубцова – со статьей «Исторический облик А.С. Пушкина».

Амфитетаров, например, подвергал скептическому переосмыслению существующий доныне миф о личной дружбе между Гоголем и Пушкиным. А. Семенченков же, назвав Пушкина «первым поэтом российского казачества», подчеркивал, что он «спас от забвения и оживил своим» гением «преданья седой казачьей старины и устные сказания о народных героях свободолюбивого казачества»; поэт вернул к жизни фольклор казачества. Статья собственно о казачьем сотнике В.Д. Сухорукове, историке донского

казачества, и о встрече Пушкина с ним в Арзруме. Известно, что В.Д. Сухоруков еще в 1825 году опубликовал материалы о быте, обрядах и традициях казачества, заинтересовавшие поэта [14]. Автор показывает, что «интерес Пушкина к Пугачеву и увлечение Ст. Разиным можно проследить с 1820 года и до последних месяцев жизни» [11, с. 50].

Этюды Перемиловского находятся под заметным влиянием книги «Мудрость Пушкина» (1919) М.О. Гершензона. Кроме того, в них ощущима атмосфера критики символистов. Этюды должны были произвести впечатление своей свежестью и оригинальностью наблюдений. Так, персонажа «Домика в Коломне» графиню автор сравнивает с повзрослевшим «теперешним Пушкиным», человеком страдающим, хотя старающимся казаться счастливым. Параша – тот же Пушкин, только «в пору Лицея». А образ Татьяны в «Евгении Онегине» раскрывает душу «многолюбивого нашего поэта» [11, с. 55]. Перемиловский думал, что Пушкин видел в своих героях «представителей русского общества, а не случайных лиц»: «Но как из всей обширной России Пушкин изобразил только самое крупное – С.-Петербург, Москву, Одессу», «так и из общества русского Пушкин взял наиболее интересных, лучших его представителей, в то время как вокруг этих двух – Евгения и Татьяны – шумит и суетится целая толпа людей бесцветных, ограниченных, заурядных». Пушкин точно выразился, написав: «роптанье вечное души», характеризуя Онегина. В этюдах рисуется образ первого «русского интеллигента», «человека с мятущейся душой, с серьезным умом», но «беспощадного в столкновении с грубой действительностью» [Там же, с. 55, 56]. Конфликт, показанный в «Медном Всаднике», Перемиловский переносит в метафизический план, он осмысливает его через противостояние христианства и язычества, через идею «отреченья от своего “я” в Боге, ведомого смиренного чиновника» и героем-сверхчеловеком. В «Моцарте и Сальери», по мысли автора, показана трагедия страсти, но поэт и здесь выделяет «тот момент этой страсти, когда она перестает быть презренной», поскольку «она озаряет трагическим заревом безысходно ею пораженного человека». Точно также Пушкин показал трагедию скучости в «Скупом рыцаре». Интересны параллели, проводимые между образами Барона и ростовщика Соломона: «Чтобы резче оттенить эту поэзию, эту мистику золота, рядом с Бароном выведен другой скупой, но уже не рыцарь, не поэт, а сама гроза – ростовщик Соломон, для которого деньги – средство влечь свое ничтожное существование»; «Соломон трагической фигурой не станет никогда» [Там же, с. 64, 65, 73, 77].

Нередко размышления о величественном образе Пушкина сопровождались довольно жестокой и не всегда справедливой критикой советского пушкиноведения. Язвительно высказался в этом плане, например, В.В. Энгельфельд – юрист и востоковед, профессор в Пекинском институте русского языка и юридических наук, а после переезда в Харбин – заведующий кафедрой административного права на Юридическом факультете.

В статье «Пушкин и русские классики в советской России» он писал, что «в бурную революционную эпоху» авторитет «рожденных дворянской средой Пушкина, Лермонтова, Тургенева и прочих» находился под вопросом. Предлагалось заменить классику «своей», «пролетарской литературой». Только спустя десятилетия большевики, хотя и однобоко, «уяснили себе значение Пушкина и других наших классиков». XIX век, далекий, по мнению автора, от «политического и социального радикализма», противопоставляется радикальному началу XX века. Русских классиков во главе с Пушкиным он называет подлинной интеллигенцией, взявших на себя «ответственную миссию создания русской культуры»; «внедрение классовой розни и ненависти не входило в программу тогдашней правительственной политики». На этой благодатной

почве написаны поэмы «Полтава», «Медный всадник», стихотворение «Клеветникам России», в которых слышится «голос русского патриота». Энгельфельд идеализирует императорскую власть, возвышает Николая I, якобы милосердного цензора Пушкина, следящего за тем, чтобы «грехи» пушкинского свободолюбия не противоречили «правительственным веяниям». Именно Николай I, как никто другой, разглядел в поэте гения, «готового отдать свое блестящее перо для служения русским национальным интересам». Странно звучат слова о милосердном отношении царя к «оппозиции» [\[11, с. 79\]](#).

Что же касается большевистской власти, то она с неизбежностью осознала, что «нудная советская литература с ее антихудожественными» произведениями «и отнюдь не поэтической поэзией не может удовлетворять даже скромного и непретенциозного советского читателя». При этом упоминаются имена Демьяна Бедного, Гладкова, Шагинян. Упоминается и М. Горький, якобы отразивший в своих текстах лишь «неприглядную советскую действительность», которую и без того «на каждом шагу встречает советский обыватель». Литература в СССР «угощает» читателей искусственной завязкой и развязкой, предлагает им «сухие схемы». В ней отсутствуют подлинные «жизненные драмы», зато она предпочитает «лживый энтузиазм и “безграничную” любовь к вождям». Выжженное поле словесности просто вынудило советскую власть переиздавать «миллионами томов» классиков и в первую очередь «почитаемого нами Пушкина». Ибо без творчества Пушкина советский читатель лишен всего того, что умственно и духовно возвышает. Завершается статья высокой патетикой: «Итак дорогу Пушкину, дорогу просветленной подлинным гением русской поэзии! Ибо это поэзия не теперешних социалистических рабов, а поэзия истинных сынов свободной и великой России, которая только и смогла дать миру таких величайших художников мысли, как Пушкин и Лермонтов, Толстой и Достоевский» [\[11, с. 78-83\]](#).

Злобные оценки советской литературы можно отнести к «общему месту» выступлений эмигрантов. В небольшом очерке А.И. Несмелова (Митропольского) «Пушкин и Россия» применяется типичная для эмигрантов стилистика: «антинациональные силы», «вредители России», «враги России», «советчина». К ним подводятся имена Писарева, «нигилистов» XIX века, Бурлеков, Крученых, Крупской. А между тем у «страны обессиленной, обворованной, залитой кровью и нечистотами, осталось одно солнце – Пушкин». Однако следует помнить, что «бессмертная душа» Пушкина пребывает не «там», то есть не в советской России, где проводятся «пушкинские торжества», «а с нами, хранителями той России, которой он отдал свой гений» [\[11, с. 41\]](#).

Несмелов отметил еще одним «общим местом», возможно, вполне справедливой мыслью о том, что мы смотрим на мир, на историю глазами Пушкина, хотя и не задумываемся об этом: «Разве, например, образ Петра Великого, какой имеется в каждой русской душе, – не создание гения Пушкина? Да, это так! <...> Если это так, а это действительно так, то возникает вопрос: почему же зрение Пушкина сливается с нашим зрением, почему его видение России овладело нами?». Не потому ли, что «глаза великого нашего поэта слились» «с очами нации»? Русский человек смотрит не только на Петра 1 глазами Пушкина, «ровным счетом это касается и Пугачева, Бориса Годунова, Пимена, Самозванца. Да, непомерно велика над нами власть Пушкина!» [Там же, с. 39].

Даже умный, отличающийся тонкостью наблюдений и широкой эрудицией Г.Г. Сатовский-Ржевский не избежал тенденциозного взгляда на советскую пушкинистику. Свою задачу он видел в том, чтобы превратить «живого человека» Пушкина в «историческую фигуру», в «человека и гражданина». В статьях «Два слова о великом», «Пушкин –

сверхчеловек» он настаивал на том, что понятие «величайший» Пушкину не подходит; он «поэт вне сравнений, единственный», до такой степени, что даже большевики, выбросившие «из лексикона имя России», «не осмелились посягнуть на имя Пушкина». Большевиков он называет «коммунистическими пошляками», ограбившими Петра Первого «в пользу полоумного Ленина»: «В России нет Петербурга, нет Петрограда, есть, изволите ли видеть, Ленинград. Экая честь, подумаешь, городу носить имя человека, тронутого прогрессивным параличом! Но доколе в русской литературе будет существовать "Медный Всадник", "Полтава", т. е. Пушкин, тени Петра Великого скорбеть не о чем». Пушкин «пребывает почетным стражем» Петербурга, «петербургской России». Назвав Пушкина «лучшим выразителем нашей национальной души» и «лучшим истолкователем России», Сатовский-Ржевский с иронией пишет «большевиках», «бесцеремонно присвоивших себе Пушкина». Эмигрант уверен, что Пушкин «как великий патриот и певец Великодержавной Императорской России» – «не только органически чужд, но и просто враждебен большевизму и как бы ни старались советские "пушкинцы" сделать из него революционера – светлый дух Пушкина сейчас не с ними» [\[11, с. 89, 100\]](#).

Общая для многих представителей «русского Харбина» стилистика обусловливалась авторитетом пушкинианы западной эмиграции и не в меньшей степени авторитетом К.И. Зайцева, проведшего в Китае в общей сложности четырнадцать лет и ревностно выделявшегося в проведении пушкинских торжеств и Дней русской культуры. Его публицистика большей частью знакома современному читателю. Статьи «Борьба за Пушкина», «Смерть Пушкина», «Куда ведет нас Пушкин?», «Пушкин и музыка» были напечатаны именно в Харбине. Зайцев последовательно выступал против социологического метода изучения Пушкина, пушкиноведов советской России нарекал пропагандистами, занятыми фальсификацией и «наукообразной мертвичиной»; советская власть видит в Пушкине писателя, предвосхитившего социалистический строй. В действительности же Пушкин и его творчество – поле мировоззренческой борьбы между эмигрантами и советской пушкинистикой. Пушкин – символ той России, «к которой считают себя принадлежащими все русские эмигранты, без различия политических оттенков»; «Пушкин – наше все», все остальное – «произвольная стилизация, а иногда и подлинная фантастика» [\[11, с. 248, 250\]](#).

К.И. Зайцева менее всего интересует в Пушкине историческое содержание его личности. Что же касается художественной стороны его творчества, то здесь тезис, выдвинутый еще в XIX веке Ап. Григорьевым: в Пушкине «заключается правильная, художественно-нравственная мера» [\[1, с. 58\]](#) – в Русском зарубежье никогда не подвергался сомнению. Напротив, их деятельность во многом была направлена на углубление, истолкование этого положения. Если к этому прибавить еще и фразу: «Пушкин – наше все», пущенную в обиход тем же Ап. Григорьевым, то имя Пушкина наполнялось совершенно неожиданными мифологемами, о которых критик, может быть, и не думал. Зайцев апеллирует к Пушкину как к представителю «великодержавного народа». Пушкин презентуется как «воплощение Императорской России, Великой России». А если говорить о поэте в провиденциальном значении, то, несомненно, он всем своим творчеством призывает потомков «к восстановлению Российской Великодержавной государственности». Пушкин показал: «путь к Великой России идет через Святую Русь», то есть через верность заветам Православия [\[3, с. 11\]](#).

В статье «Религиозная проблема Пушкина» Зайцев писал: «Пушкин творил и в своем творчестве давал некий идеальный образ бытия, на котором можно было учиться жить, который с наглядностью неотразимой разрешал самые сложные, самые мучительные,

самые соблазнительные проблемы» [\[2, с. 115\]](#). Автор ставит вопрос онтологии, внутренней природы творчества Пушкина, отмечая такое свойство его созданий, как «душевная подлинность»; поэтический мир Пушкина отмечен тем, что в нем отразилось все то, что лично пережито поэтом. За этим следует «художественная обезличенность», знаменующая изжитость личного начала в художественном образе. Творчество в понимании Пушкина, считает Зайцев, «есть акт преодоления "личного", акт самоочищения от него (катарсис)» [Там же, с. 119].

Артистически написанная «Религиозная проблема Пушкина» была полемической. Она направлена против главных тезисов книги М.О. Гершензона «Мудрость Пушкина» (1919), в частности, излишне резко выраженной в ней мысли о том, что Пушкина надо знать, но по Пушкину жить нельзя; Пушкин, по мнению Гершензона, был язычником и фаталистом, что явилось как бы вызовом православному пониманию личности и творчества русского поэта.

В пушкиниане восточной эмиграции выделяется писание филолога и историка Е.Ф. Шмурло. Он публиковался в разных периодических изданиях Русского зарубежья, в том числе в харбинском ежегоднике «День русской культуры». Еще в 1899 году он выступил с речью «Пушкин в развитии нашего самосознания», которая впоследствии была напечатана в «Пушкинском сборнике», изданном Императорским Юрьевским университетом по случаю годовщины со дня рождения поэта. А в 1931 году в уже названном харбинском сборнике вышла его большая работа «Что дало нам творчество Пушкина?», которая вполне заслуживает того, чтобы быть включенной даже в школьные учебники по литературе.

Автор соединяет свои размышления о прошлом, настоящем и будущем России. В фокусе внимания Шмурло – открывший потомкам русскую национальную картину мира Пушкин. И лишь в заключительной части автор переходит к патетике, с тем, чтобы максимально эмоционально выразить свою тревогу за судьбы России и русского человека: «Пушкин – это наша Мать Земля, источник наших сил; мы все – маленькие Антеи. Оторвавшись от этого источника, мы гибнем. Зато прикоснувшись к нему, мы растем, крепнем духовно» [\[11, с. 209\]](#).

Рефлексия по поводу основных достижений Пушкина в области художественного творчества сопровождается тревогой о «беженском положении» эмигрантов с их «тревожными заботами» о существовании – «среди калейдоскопической смены ежедневных, чаще всего мелких интересов». Суета эмигрантского существования отвлекает от «возвышающего обмана», насущной потребности «час-другой в спокойной, вдумчивой беседе с нашим великим поэтом насладиться гармонией его звуков, мысленно восстановить созданные им художественные образы». А ведь потребно вносить «мир и гармонию в свою обычную тревожную жизнь, получить право бодрее и смелее смотреть на мир Божий, не чувствовать себя в нем так безнадежно затерянным, как, может быть, неоднократно чувствуем мы себя теперь, в длительные серые дни нашего безвременя» [Там же, с. 193].

Что же нам дало творчество Пушкина? Пушкин с небывалой очевидностью открыл «великое значение идеи национальной» – как «основного руководящего начала нашей личной, общественной и государственной жизни»; его личность и творения скрепляют жизнь личную, социально-ответственную и государственную. Русскому народу еще только предстояло открыть самого себя, всмотреться в собственную душу. Вот эту миссию всматривания в самого себя, открытия самого себя и осуществил Пушкин. Он навел

русских на путь самоопределения – путь, на котором одинаково и слои, оторванные от родной почвы, вновь обрели бы ее, и толща народная получила бы возможность сохранить и культивировать на благо последующих поколений» [Там же, с. 197].

Е.Ф. Шмурло настойчиво повторяет мысль: «только Пушкин впервые уловил биение русского сердца, не сердца вообще; только у него впервые полет этого ума и эти волнения души обрисовывались с тою окраской, с той индивидуальностью, какие присущи именно русскому человеку». До Пушкина, считает он, русский человек не подозревал присутствия в его «почве» Татьяны, скромной Марии Ивановны, наивной старушки-няни, несчастной Русалки с ее безответной любовью. Только благодаря Пушкину русский народ осознал: все они «всесело наше, нами созданное». В «Евгении Онегине», «Повестях Белкина», в «Дубровском», «Капитанской дочке», «Домике в Коломне» – перед нами чуть не весь сложный уклад «неделанной, невыдуманной» русской жизни. Даже «английская складка» не помешала Онегину, нашему «москвичу в гарольдовом плаще» быть продуктом русской почвы [Там же, с. 200].

Заслуга Пушкина, по мнению публициста, заключается не только в том, что он нам открыл нас самих, но и в открытии русской природы: «Конечно, и до Пушкина наши поэты воспевали «поле» и «лес», «утро» и «вечер», но их поля и леса выходили какими-то безличными, бесцветными, ничего не говорящими: ведь везде и в России, и в Германии, в Европе и Африке поле может быть «широким», лес – «дремучим», вечер – «тихим», а утро – «морозным». И только с Пушкина увидели мы, что существует еще русский лес, не похожий на другие леса, и что такой лес дает не только иное впечатление, но и настроение вызывает иное; что есть русское утро, русский вечер, русское лето, русская зима и т. д.» (Курсив везде сохранен – В.М.). Пушкин нарисовал русскую природу в динамике, схватил ее в разнообразиях и оттенках, тем самым подарив нам новые ощущения и переживания родного пейзажа. По мнению Шмурло, классик показал русским, «что они русские», разъяснил им, «в чем заключается их русскость». Вот «почему понять и познать Пушкина – значит приблизить себя к познанию русской народности, русской души» [Там же, с. 201, 204].

Е. Замятину принадлежат слова: «я боюсь, что у русской литературы одно только будущее: ее прошлое» [4, с. 124]. Утопия может быть обращенной как в будущее, так и в прошлое. Эмигранты большей частью были консерваторами, ностальгирующими по прошлому. Прошлое России, все ее социальные, государственные устои и нравственные характеристики мифологизировались. Дореволюционная Россия виделась «потерянным раем», «блаженным местом». Им нужен был аргумент, оправдывающий их утопию и мифологию. Созданный ими миф о Пушкине распространялся на все историческое прошлое и наоборот. Пушкин воспринимался эмигрантами через идею провиденциального пути России; поэт воспринимался ими как явленное и оправданное Богом чудо.

Библиография

- Григорьев Ап. Сочинения в двух томах. Том 2. Москва: Художественная литература. 1990. 509 с.
- Зайцев, К.И. Куда ведет нас Пушкин // День русской культуры. Харбин: Изд-во С.И. Храмов, 1937. С. 9– 11.
- Зайцев К.И. Религиозная проблема Пушкина // Россия и Пушкин. 1837–1937. Сборник статей. Харбин: Изд-во Русской Академической группы, 1937. С. 113–120.
- Замятин Е. И. Собрание сочинений: В 5 т. Т. 3: Лица / Сост. С.С. Никоненко и А.Н.

- Тюрина. М.: Русская книга, 2004. 608 с.
5. Зарубежная Россия и Пушкин: Опыт изучения. Материалы для библиографии (1918–1940). Иконография / Сост., предисл., коммент. М.Д. Филина. Москва: Дом-Музей Марины Цветаевой, 2004. 430 с.
 6. Критика русского зарубежья: [в 2 частях]. Часть 1 / Сост., авт. примеч. Коростелев О.А., Мельников Н.Г. Москва: АСТ: Олимп. 2002. 471 с.
 7. Критика русского зарубежья: [в 2 частях]. Часть 2 / Сост., авт. примеч. Коростелев О.А., Мельников Н.Г. Москва: АСТ: Олимп. 2002. 462 с.
 8. Мехтиев В.Г., Пасевич, З.В., Струк, А.А. Критика и публицистика русской эмиграции в Китае: коллективная монография. Хабаровск: Изд-во Тихоокеанского гос. ун-та, 2020. 84 с.
 9. Пасевич З.В. Литературная критика на страницах газет «русского Харбина» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота. 2019. Т. 12. Выпуск 6. С. 42–48.
 10. Пасевич З.В. М.Ю. Лермонтов в критике и публицистике русской эмиграции Китая // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2020. № 10. С. 38–45.
 11. Русская эмиграция в Китае. Критика и публицистика. «... сын Музы, Аполлонов избранник»: статьи, эссе, заметки о личности и творчестве А.С. Пушкина / Сост., подг. текстов, comment. Струк А.А., Мехтиева В.Г., Пасевич З.В. Москва: Худож. лит., 2019. 495 с.
 12. Русская эмиграция в Китае. Критика и публицистика. На «вершинах невечернего света и неопалимой печали». Очерки, статьи, рецензии, мемуары о русских писателях / Сост., подг. текстов, comment. Мехтиева В.Г., Пасевич З.В., Струк А.А. Москва: Худож. лит., 2020. 656 с.
 13. Струве Г. Русская литература в изгнании: опыт исторического обзора зарубежной литературы. Париж, Москва: Русский путь, 1996. 408 с.
 14. Сухоруков В.Д. Общежитие донских казаков в XY11 и XY111 столетиях. Рыцарская жизнь казаков. Частная жизнь донцов в конце XY11 и в первой половине XY111 века // Русская старина. С.-Петербург: тип. Департамента народного просвещения, 1825. С.173–342.
 15. Тайна Пушкина: из прозы и публицистики первой эмиграции / Сост., предисл., comment. М.Д. Филина. Москва: Эллис Лак, 1998. 541 с.
 16. Толмачев, В.М. (1995). Поэт и поэзия в литературной критике В. Вейдле // Социальные и гуманитарные науки. Зарубежная литература. Серия. 7, Литературоведение: РЖ. № 4. С. 73–89.
 17. Фаталист: Зарубежная Россия и Лермонтов / Коммент., авт. вст. Статьи М.Д. Филин. Москва: Русский мир, 1999. 286 с.
 18. Федякин С.Р. Искусство рецензии в «Числах» и «Опытах» // Литературоведческий журнал. 2003. № 17. С. 65–96.
 19. Хабарова, Ю.П. Театр А.П. Чехова в восприятии эмиграции в «русском Харбине» // Человек и культура. 2021. № 5. С. 13 – 21

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «А.С. Пушкин в восприятии "русского Харбина"», предлагаемая к публикации в журнале «Филология: научные исследования», несомненно, является актуальной, ввиду изучения особенностей текстов «восточной» части русской эмиграции, а также реализацией пушкинской темы в периодике «русского Харбина». Работы русских эмигрантов были долгое время без должного внимания филологов, поэтому работу по анализу художественно-эстетических опытов восточных эмигрантов нельзя считать завершенной.

Таким образом, статья вносит определенный вклад в развитие теории литературы в области изучения творческого пути русских писателей в эмиграции.

Статья является новаторской, одной из первых в российской филологии, посвященной исследованию подобной тематики в 21 веке.

В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы.

В статье используются как общенаучные методы наблюдения и описания, так и методы филологии.

Все теоретические измышления автора подкреплены практическим материалом на русском языках. Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. Отметим, что в вводной части слишком скучно представлен обзор разработанности проблематики в науке.

Библиография статьи насчитывает 19 источников, среди которых теоретические работы как на русском языке. Считаем, что обращение к работам зарубежных исследователей на языке оригинала по данной и смежной тематикам, несомненно, обогатило бы рецензируемую работу.

Большее количество ссылок на ссылки на фундаментальные работы, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации, несомненно бы усилило теоретическую значимость работы.

В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым, понятным для читателя языком. Опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности в тексте работы не обнаружены. Высказанные замечания не являются существенными и не влияют на общее положительное впечатление от рецензируемой работы. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Практическая значимость определяется возможностью использовать представленные наработки в дальнейших тематических исследованиях. Практическая значимость работы: материалы исследования могут быть использованы в вузах гуманитарного направления при изучении спецкурсов и спецсеминаров по теории литературы. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «А.С. Пушкин в восприятии "русского Харбина"» может быть рекомендована к публикации в научном журнале из перечня ВАК.

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Дондик Л.Ю. Стратегии перевода англоязычных фильмонимов на русский язык // Филология: научные исследования. 2024. № 1. DOI: 10.7256/2454-0749.2024.1.69490 EDN: INCSCW URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69490

Стратегии перевода англоязычных фильмонимов на русский язык

Дондик Людмила Юрьевна

ORCID: 0000-0001-5955-5017

кандидат филологических наук

доцент, кафедра иностранных языков и русской филологии, Российский государственный профессионально-педагогический университет

622031, Россия, г. Нижний Тагил, ул. Красногвардейская, 57

✉ dondik2006@yandex.ru

[Статья из рубрики "Перевод"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2024.1.69490

EDN:

INCSCW

Дата направления статьи в редакцию:

03-01-2024

Аннотация: Предметом исследования в статье являются особенности перевода фильмонимов с английского на русский язык. Фильмоним предваряет просмотр и до непосредственного восприятия фильма название содержит некий индексальный знак, имеющий значение указателя, который привлекает потенциального зрителя и после просмотра приобретает мотивированную природу. Нас будет интересовать выбор стратегий и приемов перевода англоязычных кинозаголовков на русский язык. Выбор стратегии – одно из важнейших решений переводчика в процессе перевода, которое связано не только с лингвистическими особенностями самого онима, но и с культурной спецификой аудитории перевода. Выборка исследования включает 150 англоязычных названий фильмов, вышедших на экраны после 2000 года, а также их переводы на русский язык. Для достижения цели исследования применялись методы лингвистического анализа: семантический, прагматический, стилистический, культурологический, сопоставительно-типологический и количественный анализ, а также

метод сплошной выборки. Новизна исследования заключается в том, что оно проводится на материале параллельных англо- и русскоязычных заголовков кинофильмов, вышедших на экраны за последние два десятилетия. Чем ближе культуры носителей языка оригинала и языка перевода, чем больше сходства демонстрируют две языковые системы, тем больше возможностей для использования форенизации – стратегии перевода, при которой переводчик стремится сохранить в переводном ониме содержание и форму оригинального заголовка. Стратегия форенизации использована для передачи средствами русского языка 25,34 % англоязычных фильмонимов выборки, что значительно уступает количеству фильмонимов, переведенных на русский язык в рамках стратегии доместикации, составляющих 69,34 % выборки. Высокая частотность доместикации объясняется тем, что за счет использования трансформаций она позволяет преодолевать такие трудности перевода фильмонимов, как неблагозвучие межъязыковых эквивалентов, несовпадение значений схожих лексем, нежелательные ассоциации с прецедентными феноменами, дисфемизмами, возникновение значений, дезориентирующих зрителя, непереводимая игра слов. В примерах, составляющих 5,32 % выборки, для перевода была использована двучленная конструкция переводного онима; при этом в первую часть до двоеточия, как правило, включается форенизированное название фильма, а вторая часть представляет собой вариант онима, адаптированный в рамках стратегии доместикации.

Ключевые слова:

фильмоним, стратегия перевода, форенизация, доместикация, адаптация, медиазаголовок, переводческая трансформация, перевод, замена, транслитерация

С точки зрения современной филологии фильм может изучаться как особая разновидность языка [1], оперирующая вербальными и невербальными средствами передачи информации, ориентированными не только на репрезентацию основной идеи автора, но и на оказание воздействия на зрителя. При этом такую сильную позицию, как название фильма, целесообразно рассматривать в качестве связующего звена между его сюжетом и интертекстуальным контекстом, между багажом знаний и опыта потенциального кинозрителя, которыми он руководствуется при выборе картины, и смысловым наполнением самого фильма [2]. Фильмоним предваряет просмотр и до непосредственного восприятия фильма название содержит некий индексальный знак, имеющий значение указателя, который привлекает потенциального зрителя или оставляет его равнодушным и который после просмотра приобретает мотивированную природу [3].

Фильмоним может рассматриваться как медиазаголовок, то есть «название, отражающее основную проблему (или тему) продукта, нацеленного на широкого зрителя» [4]. Медиазаголовок ориентирован на реализацию контактоустанавливающей (фатической) и рекламной функций, которые состоят в том, чтобы помочь зрителю сориентироваться в афише. Последнее может достигаться при реализации информативной функции, когда фильмоним призван создать общее представление о сюжете, жанре или идее фильма; за счет тональной функции, при которой название фильма формирует эмоциональный фон у адресата; а также за счет сигнальной функции фильмонима, когда главная задача заголовка – привлечение внимания [5].

Настоящее исследование построено на анализе выборки, включающей оригинальные

англоязычные фильмонимы и их переводные русскоязычные варианты. Цель исследования состоит в изучении особенностей перевода названий фильмов с английского на русский язык и выявлении наиболее частотной стратегии их перевода.

Перевод фильмонимов осложняется не только вариативностью прагматических функций онимов, которые переводчик стремится передать в переводном варианте фильмонима, но также и значительным разнообразием видов кинозаголовков.

Фильмонимы могут быть классифицированы в зависимости от прагматических особенностей реализации рекламного назначения на позиционирующие и оптимизирующие. К позиционирующим фильмонимам относятся кинозаголовки, называющие тему фильма, главного героя, место, где происходят события фильма, либо выполняющие функцию жанровой дифференциации. Однако, как показывают результаты исследований, значительно более частотными являются фильмонимы оптимизирующего коммуникативного воздействия. Последние нацелены на привлечение внимания потенциального массового зрителя за счет создания интриги, эффекта неожиданности, использования ассоциаций, языковой игры, мелиоративной или пейоративной оценки, а также дезориентирующей стратегии [6].

Согласно типологии М. Н. Москавец, медиазаголовки также различаются в зависимости от механизма их осмыслиения адресатом. Так, различают самодостаточные (автосемантические) заголовки, не нуждающиеся в дополнительном пояснении, и синсемантические фильмонимы, которые требуют пояснения (целиком или их часть), неполнота восприятия которых компенсируется малым контекстом, в который они помещены [7]. Уточнение, дополнение, необходимое при возможности неоднозначной трактовки, может вводиться иконическими средствами афиши или визуальным и аудиорядом трейлера.

В сплошную выборку исследования вошли такие виды англоязычных фильмонимов, как заголовки, отражающие основную проблему или тему фильма (*Great Freedom*); заголовки, содержащие имена персонажей (*Ant-Man*); заголовки, содержащие указание на время или место события, в котором разворачивается сюжетная линия (*Mrs. Harris goes to Paris*); заголовки, отражающие авторскую оценку персонажей или событий (*Lost illusions*); заголовки, предвосхищающие развитие сюжета (*Past lives*). Последний вид включает заголовки, отражающие одно событие из сюжета, чаще всего, его кульминационную точку (*What Josiah saw*), и заголовки, отражающие весь сюжетный ряд в целом (*Everything went fine*).

В ходе выполнения перевода фильмонима лингвист сталкивается с необходимостью преодоления различного рода трудностей. Ему необходимо не только уловить прагматическую специфику онима, но осмыслить весь иноязычный медиатекст, для номинации которого служит кинозаголовок. Это необходимо для оценки семантического и эстетического смысла, авторской интенции и адекватной передачи замысла при помощи средств языка перевода [8]. Перевод осуществляется при помощи различных приемов, или «конкретных операций переводчика, вызванных возникшими трудностями в процессе перевода» [9]. Помимо авторского замысла и характера возникающих у переводчика трудностей, выбор приемов перевода также определяется стратегией перевода, то есть общим подходом осуществления переводческой деятельности с учетом специфических особенностей контекста [10].

Предметом настоящего исследования стали стратегии перевода оригинальных

англоязычных фильмонимов на русский язык. Методология исследования основана на трудах Т. Серуйя [11] и Л. Венути [12] в вопросах стратегий перевода. Для достижения цели исследования применялись методы лингвистического анализа: семантический, прагматический, стилистический, культурологический, сопоставительно-типологический и количественный анализ, а также метод сплошной выборки. Выборка исследования включает 150 англоязычных названий фильмов, вышедших на экраны после 2000 года, а также их переводы на русский язык.

Современные теоретики переводоведения выделяют такие культуро-ориентированные стратегии перевода, как доместикация и форенизация. Доместикация – это перевод, предусматривающий изменение или сокращение иностранного текста для адаптации к ценностям носителей того языка, на который осуществляется перевод. Эта стратегия подразумевает использование различных трансформаций, употребление лексики, близкой для аудитории перевода, отказ от использования заимствований.

Переводчик, ориентирующийся на доместикацию, зачастую прибегает к функциональному переводу фильмонима, сокращая его с целью упрощения исходной структуры и языковых единиц, либо к коммуникативному переводу, при котором целью становится не столько передача точной информации, сколько донесение до массового зрителя эмоциональной составляющей оригинала. Однако полная замена фильмонима не всегда возможна. Ориентация на стратегию доместикации не отменяет необходимости внимательного рассмотрения оригинального названия фильма, который дали ему его создатели. В некоторых случаях создатели фильма закладывают в свою картину некую идею, которая раскрывается в фильме и не может быть понята до конца без оригинального заголовка.

Форенизация – перевод, максимально сохраняющий в себе особенности языка и культуры того народа, с языка которого осуществляется перевод. В рамках стратегии форенизации большое значение отводится использованию заимствований, неологизмов, лексем, образованных путем транскрибирования и транслитерации. Проблема выбора той или иной стратегии перевода входит в круг вопросов, относящихся к прагматическому аспекту исследования перевода [13].

Проведенный анализ выборки позволил распределить все собранные сплошным методом переводные русскоязычные фильмонимы на три категории: фильмонимы, переведенные в рамках стратегии доместикации (69,34 %), фильмонимы, переведенные в рамках стратегии форенизации (25,34 %), и фильмонимы, способ перевода которых строится на комбинации этих двух стратегий перевода (5,32 %).

Стратегия форенизации была использована для передачи средствами русского языка в 25,34 % примеров англоязычных фильмонимов от общего количества примеров выборки. Курс на форенизацию был взят лингвистом при переводе фильмонима *Three Billboards Outside Ebbing, Missouri* (2017) / *Три билборда на границе Эббинга, Миссури*. Употребление англицизма "билборд" в рамках стратегии форенизации представляется удачным, так как эквивалент «рекламный щит» удлинил бы и без того неоднозначное название, сделав его слишком громоздким и неудобным для восприятия.

В переводном заголовке к фильму *Sinister* (2012) / *Синистер* стратегия форенизации реализована через прием транслитерации малоизвестного иностранного слова. Переводной фильмоним выполняет интригующую функцию, привлекая внимание потенциального зрителя. Те же цели преследовались при транслитерации онима *Split* (2017) / *Сплит* для фильма, затрагивающего тему психических расстройств, раздвоения

личности. Форенизированный заголовок получился благозвучным, лаконичным. Аналогичная техника перевода использована для передачи средствами русского языка фильмонима *Overlord* (2018) / *Оверлорд*. Форенизированное название фильма, действие которого происходит в оккупированном фашистами городе, более привлекательно для массового зрителя, чем вариант буквального перевода *Господство* или *Доминирование*.

Прием транскрипции делает более привлекательным и интригующим русскоязычный перевод названия фильма *Birdman* (2015) / *Бёрдмен*. Переводчик отдал предпочтение транскрипции, хотя возможен и перевод с применением калькирования (*Человек-птица*). В результате применения форенизации кинозаголовок звучит необычно. И в то же время он формирует у зрителя положительный образ, так как по своей структуре он ассоциируется с известными именами супергероев (например, *Супермен*). Созвучность с прецедентными именами была использована и в переводном фильмониме к кинокартине *Aquaman* (2018) / *Аквамен*.

Реализации интригующей функции фильмонима способствует неологизм *аватар*, известный на момент выхода фильма *Avatar* (2009) / *Аватар* многим россиянам из-за популярности форумов и социальных сетей, где стали таким образом стали называть картинку профиля. Поэтому данный перевод в рамках стратегии форенизации привлекает внимание зрителя к фильмониму, который формирует положительный эмоциональный тон.

Представляется уместным использование транслитерации названия фильма *Turbo* (2013) / *Турбо* как приема перевода в рамках стратегии форенизации. Форенизация позволяет сохранить стилистику, прагматику оригинального фильмонима, реализовать его юмористический эффект: Турбо оказывается именем собственным главной героини мультфильма – улитки, мечтающей о скорости.

Перевод названия фильма *Pearl Harbor* (2001) / *Перл-Харбор* в рамках стратегии форенизации обусловлен прецедентными свойствами данного топонима, его тесной связью с реальными историческими событиями, которым посвящен фильм.

Несмотря на преимущества, которые дает в прагматическом плане стратегия форенизации при переводе кинозаголовков, содержащих указание на время или место действия фильма, на событие фильма или имя главного героя, согласно результатам количественного анализа выборки нашего исследования, значительно чаще при переводе англоязычного фильмонима на русский язык применяется стратегия доместикации. При этом можно говорить о различной степени доместикации фильмонима, поскольку одни заголовки подвергаются частичной трансформации (27,34 %), а другие претерпевают полную замену (42,00 %).

Проведенный анализ показал, что переводческая адаптация фильмонима в рамках стратегии доместикации необходима тогда, когда для аудитории перевода требуется уточнение значения лексемы в составе фильмонима. Доместикация также позволяет сместить фокус, отвлечь внимание зрителя от языковых средств, формирующих у носителей языка перевода отрицательный эмоциональный фон.

В сюжете фильма *The Ring* (2002) / *Звонок* телефонный звонок играет роль символа приближающейся гибели персонажа. Кроме того, кольцо света, струящегося из-под крышки колодца, – это последнее, что видит персонаж перед смертью. Оригинальное англоязычное название строится на многозначности англоязычной лексемы *ring* (звонок, кольцо). Из-за несовпадения значений лексем английского и русского языков переводчику пришлось сделать выбор между вариантами *Звонок* и *Кольцо*. Несмотря на то, что переводной фильмоним не передает языковую игру оригинального заголовка, на

наш взгляд, вариант перевода выбран удачно, так как именно телефонный звонок имеет ключевое значение для нагнетания саспенс в хоррор фильме. Использование переводческой трансформации повлекло за собой адаптацию слогана к кинофильму: «Перед тем как ты умрешь, ты услышишь звонок» вместо «Перед тем как умрешь, ты увидишь кольцо» (*Before you die, you see the ring*).

В оригинальном названии фильма *The Grudge* (2004) / *Проклятие* используется многозначное английское существительное *grudge* (недовольство, недоброжелательность, зависть, обида). Эти значения, объединяясь в одном слове, помогают сориентироваться в сюжете фильма: призрак жестоко убитой женщины преследует и убивает всех, кто заходит в ее дом. Поскольку в русском языке отсутствует точный эквивалент английской лексемы, адаптируя название, переводчик применяет прием модуляции, заменив английское существительное на лексическую единицу *проклятие* – понятие, логически следующее из оригинального фильмонима и сюжета кинокартини.

Оригинальное название четвертой части фильма *Die Hard* / *Крепкий орешек* дополнено словосочетанием *Live Free: Live Free or Die Hard* (2007) / *Крепкий орешек 4.0*. Как и название первой части, заголовок продолжения фильма переведен на русский язык с использованием трансформации. Русскоязычный фразеологизм *крепкий орешек* адекватно передает значение англоязычного выражения *die hard*. Словосочетание *live free* при переводе на русский язык опущено, так как его эквивалент сложно связать с русскоязычным переводным вариантом основной части заголовка. Поэтому для доместикации названия четвертой серии к уже знакомому для отечественного зрителя названию добавлено 4.0.

Для адаптации названия фильма *Public Enemies* (2009) / *Джонни Д.* вместо варианта буквального перевода (*Враги народа*) использовано прецедентное имя популярного в России голливудского актера Джонни Деппа. Прямой перевод названия вызывал бы у жителей постсоветского пространства ассоциацию с временами сталинских репрессий, что дезориентировало бы потенциального российского зрителя. Следует признать корректным решение переводчика произвести замену дословного варианта перевода,озвучного с прецедентным феноменом, формирующим отрицательный эмоциональный фон, на заголовок, содержащий прецедентное имя, формирующее положительный эмоциональный фон,.

Модуляция как лексическая трансформация использована при переводе фильмонима *Snatch* (2000) / *Большой куш*. Лексема *snatch* (похищение, мгновение, попытка схватить) передана в русскоязычном фильмониме устойчивым словосочетанием *сорвать куш*. Оно близко по значению к оригинальному заголовку, знакомо российскому кинозрителю и логически связано с сюжетом фильма о воровстве и больших деньгах.

Другое устойчивое выражение использовано при переводе в рамках доместикации фильмонима *No Country for Old Men* (2007) / *Старикам тут не место*. И вновь переводчик отдает предпочтение не буквальному переводу, а фразовому единству, чтобы сделать переводной фильмоним более ярким, привлекающим внимание, понятным и «родным» для русского кинозрителя.

При переводе на русский язык фильмонима *Chappie* (2015) / *Робот по имени Чаппи* оригинальный заголовок, содержащий указание на имя персонажа, дополнен уточнением за счет добавления лексических средств. Пояснение позволяет избежать дезориентации российского зрителя, для которого *Chappie* – название корма для собак.

При сопоставлении параллельных заголовков *Cars* (2006) / *Тачки*, хорошо видна разница между позиционными и оптимизирующими типами фильмонимов. Если англоязычный фильмоним лишь служит для номинации персонажей мультфильма, то русскоязычный фильмоним представляется более броским и выразительным за счет использования синонима со стилистической добавкой. Переводчик отдал предпочтение лексико-семантической трансформации, использованию сленгизма вместо нейтрального эквивалента для повышения pragматического потенциала фильмонима, для более эффективного выполнения им рекламной и фатической функций.

Схожая техника перевода с использованием стилистически сниженной лексики применена для передачи средствами русского языка фильмонима *The Other Guys* (2010) / *Копы в глубоком запасе*. Переводчик ввел конкретизацию при переводе, изменил структуру заголовка, построив переводной фильмоним на метафоре. Внимание аудитории привлекает американский коп, имеющий, как и его русскоязычный эквивалент мент, пейоративную коннотацию. Однако в перевод введен именно иностранный сленгизм, так как российскому зрителю хорошо знаком этот элемент американской культуры. Данный пример иллюстрирует то, что не только форенизация, но и стратегия доместикации может быть также эффективна с точки зрения передачи в переводе культурной составляющей фильмонима.

Полную замену в рамках стратегии доместикации претерпевает фильмоним *Seeking Justice* (2011) / *Голодный кролик атакует*. Вариант дословного перевода *В поисках справедливости*, безусловно, проигрывает в pragматическом аспекте. Главный герой фильма действительно находится в поисках справедливости, но переводной русскоязычный фильмоним, с которым картина вышла на экраны в России, производит эффект неожиданности, привлекая внимание большего количества зрителей. Такие же цели преследовали при переводе фильмонима *Shark tale* (2004) / *Подводная братва*. Сюжет мультфильма действительно построен на истории акулы, но переводчик привнес в заголовок больше выразительности за счет полной замены онима и метафорического использования сленгизма. Подобный прием перевода использован для передачи средствами русского языка названия мультфильма *Over the Hedge* (2006) / *Лесная братва*. Вариант дословного перевода: *По ту сторону изгороди*. Сюжет мультфильма связан с добычей животными пропитания, которое находится по ту сторону изгороди (у людей). Вероятно, замена названия произведена для того, чтобы мультфильм возымел больший коммерческий успех, так как употребление сленгизма братва содержит ссылку на мультфильм *Подводная братва* (2004), имевший большой успех в российском кинопрокате.

Игры разумов (2019) / *The Professor and the Madman*. Причина, по которой переводчик прибегнул к столь значительной трансформации заголовка, сводится, вероятно, к неблагозвучности дословного перевода Профессор и безумец. В фильме действительно представлено некоторое соревнование между главными героями, но доместикация понадобилась для создания более благозвучного и поэтического переводного фильмонима, содержащего ссылку на прецедентный феномен – переводной фильмоним к известному фильму *A beautiful mind* (2001) / *Игры разума о математическом гении Дж. Форбса*.

Hoodwinked (2005) / *Правдивая история красной шапки*. Вариант дословного перевода Обманом вовлеченный адекватно резюмирует сюжет мультфильма, так как все персонажи были обманом вовлечены в приходящие события. Вероятно, переводчики перевели его по-другому с целью привлечь массовую аудиторию, которой с детства знакома героиня сказок *Красная шапочка*, избавившись от уменьшительного суффикса и

изменив её имя на *Красную шапку*. Действительно, с оригинальной сказкой Шарля Перро сюжет имеет мало общего.

Прием полной замены в рамках стратегии доместикации был применен при переводе фильмонима *Mozart and the Whale* (2005) / *Без ума от любви*. Варианту дословного перевода *Моцарт и кит* выбрана альтернатива – фильмоним, построенный на гиперbole, позволяющий зрителю сориентироваться в жанровой принадлежности кинокартины. Сцена маскарада, где персонажи были одеты в костюмы кита и Моцарта, занимает важное место в сюжете фильма. Герои действительно были влюблены друг в друга, но переводное название слишком далеко от оригинала.

Фильм *The Village* (2004) / *Таинственный лес* повествует о небольшом закрытом поселении людей, которые боятся покидать пределы своего поселения, так как в лесу обитают таинственные опасные существа. Буквальный вариант перевода *Деревня* нельзя считать удачным, так как он вызовет у отечественного зрителя ассоциации, не соответствующие содержанию фильма.

При переводе на русский язык названий 8 частей кинофильма *The Fast and the Furious* (2001) / *Форсаж* использована лексическая замена, и эта трансформация вполне оправданна. Лексема *форсаж*, которая обозначает режим работы реактивных двигателей самолетов, теперь ассоциируется у многих россиян с автомобилями. Для названия последующих серий англоязычные фильмонимы претерпевали небольшие изменения, тогда как в российском кинопрокате сохраняется стратегия доместикации, и к основному названию фильма лишь добавляют цифру, обозначающую номер серии фильма. Очевидно, что русскоязычный фильмоним в рамках стратегии доместикации можно считать успешным решением переводчика, так как переводные заголовки броские, лаконичные и узнаваемые: *The Fast and the Furious* (Самый быстрый и яростный) / *Форсаж* (2001); *2 Fast 2 Furious* (Вдвое быстрее и яростнее) / *Двойной форсаж* (2003); 3) *The Fast and the Furious: Tokyo Drift* (Самый быстрый и яростный: токийский дрифт) / *Тройной форсаж: Токийский дрифт* (2006); *Fast & Furious* (Быстрый и яростный) / *Форсаж 4* (2009); *Fast Five* (Быстрая пятерка) / *Форсаж 5* (2011); *Fast & Furious 6* (Быстрый и яростный 6) / *Форсаж 6* (2013); *Furious 7* (Яростная семерка) / *Форсаж 7* (2015); *The Fate of the Furious* (Судьба яростных) / *Форсаж 8* (2017).

Наконец, в третью категорию нашей классификации попали фильмонимы, способ перевода которых строится на комбинации двух стратегий перевода. Эта категория наименее частотная и составила 5,3 % примеров фильмонимов относительно общего корпуса выборки исследования.

При переводе англоязычного фильмонима *Air* (2023) / *Air: Большой прыжок* использована двучленная конструкция с двоеточием. В первой части в рамках стратегии форенизации сохраняется оригинальное название фильма, и эта английская лексема будет понятна массовому российскому зрителю. Во второй части переводного заголовка после двоеточия в рамках стратегии доместикации вводится дополнение, пояснение, русскоязычный фильмоним, который не является буквальным переводом оригинального названия, но метафорично отражает содержание кинокартины, посвященной американскому баскетболисту Майклу Джордану. Имя выдающегося баскетболиста стало нарицательным, и джорданами называются кроссовки запущенной им линии *Air Jordan*. Благодаря использованию такой техники перевода фильмоним стал еще более интересным, так как второй член конструкции не только позволяет зрителю догадаться о связи содержания фильма со спортом, но и уточняет функцию лексемы *air* как прецедентного феномена, в основе которого – метафора со сферой-мишенью баскетбол

и сферой-источником природа (в прыжке баскетболист летит по воздуху, как птица).

Следует отметить, что вопреки правилу пунктуации в двучленных конструкциях, за двоеточием второй член заголовка оформляется с большой буквы. Поэтому заглавие воспринимается не как единый кинозаголовок, а как два фильмонима одной кинокартины, дополняющие друг друга. Это помогает переводчику, который не может выбрать из двух стратегий одну, поскольку ни форенизированный вариант сам по себе, ни адаптация в рамках доместикации не позволяют получить эффективный фильмоним.

В рамках одновременно двух стратегий выполнен перевод фильмонима *Hellboy* (2004) / *Хеллбой: Герой из пекла*. Первая часть двучленной конструкции в рамках форенизации содержит транслитерацию имени персонажа. Вторая часть представляет собой перевод имени супергероя, выполненный на основе лексико-семантической трансформации: *ад* заменен на *пекло* для придания фильмониму большей благозвучности, поэтичности, для создания положительной коннотации за счет отсылки к выражению *восстать из пепла*. Аналогичная техника применена при переводе фильмонима *Ouija* (2014) / *Уиджи: Доска дьявола* – названия хоррор фильма о сеансе спиритизма при помощи доски Уиджи и его последствиях для компании друзей. Другой пример – перевод фильмонима *Saw* (2004) / *Пила: Игра на выживание*, где буквальный перевод оригинального заголовка, в рамках стратегии доместикации дополняется после двоеточия вторым членом конструкции, отражающим краткое содержание фильма, персонажи которого становятся невольными участниками жестокой игры.

Необходимо отметить, что двучленные конструкции используются не только в переводных, но и в оригинальных кинозаголовках. Оригинальное название мультфильма *Spirit: Stallion of the Cimarron* (2002) / *Спирит: Душа прерий* переведено на русский язык с сохранением двучленной структуры, однако вторая часть в рамках стратегии доместикации адаптирована для восприятия российским зрителем. Вариант дословного перевода *Спирит: жеребец Симаррона* подходит для мультфильма, повествующего об отважном молодом жеребце, но адаптированный русскоязычный вариант более благозвучный, интригующий и поэтичный.

Фильмоним *Hachi: A Dog's Tail* (2009) / *Хатико: самый верный друг* переведен без изменения структуры заголовка, но с применением лексических трансформаций. В первой части была изменена кличка собаки. Это было необходимо во избежание созвучности переведенного онима с русскоязычным дисфемизмом для пренебрежительного обозначения лиц кавказской национальности. Во второй части названия выражение *собачий хвост* заменено на *самый верный друг*, что также оправдано: построенную на английских омофонах игру слов *tail* (хвост) и *tale* (история) нельзя передать в переведном русскоязычном заголовке. Без юмористического эффекта от игры слов буквальный перевод *собачий хвост* будет непонятен для российского зрителя. Поэтому замена *самый верный друг*, несущая дополнительное пояснение к названию фильма, может быть признана удачным решением переводчика.

В некоторых случаях при переводе англоязычного заголовка, построенного на двучленной конструкции, одна из частей опускается, и переводной фильмоним отличается от оригинального уролщенной структурой. Такое решение было принято переводчиком фильмонима *Capitan America: The First Avenger* (2011) / *Первый мститель*. При переводе первая часть названия опущена, фильмоним стал более лаконичным. Причиной эллипсиса оригинального фильмонима могли стать сложные политические отношения страны кинопроката с зарубежной страной, название которой фигурирует в первой части двучленной конструкции.

Итак, в ходе исследования, проведенного на материале 150 англоязычных названий фильмов, вышедших на экраны после 2000 года, и их переводов на русский язык, удалось выяснить, что переводчики чаще прибегают к стратегии доместикации (69,34 %), реже – к стратегии форенизации (25,34 %). В значительно более редких случаях перевод фильмонима строится на комбинации форенизации и доместикации (5,32 %).

При доместикации название фильма в процессе перевода адаптируется, приближается к принимающей культуре и часто подвергается значительной трансформации, либо полностью заменяется новым фильмонимом. К высокочастотным причинам выбора стратегии доместикации следует отнести неблагозвучный буквальный перевод, несовпадение значений схожих лексем в русском и английском языках, нежелательные ассоциации с прецедентными феноменами, дисфемизмами, возникновение значений, дезориентирующих зрителя, непереводимая игра слов и использование различных стилистических приемов в оригинальном заголовке, а также культурные различия и политическая ситуация в мире. При наличии достаточно точного буквального перевода англоязычного оригинального фильмонима на русский язык, название, тем не менее, может быть адаптировано из экономических соображений – чтобы стать более рекламным, броским и коммерчески эффективным для российского кинопроката, чтобы фильм привлек массового российского зрителя и принес как можно больше прибыли.

В рамках стратегии доместикации используются различные виды переводческих трансформаций: перемещение, опущение или замена лексемы, добавление лексем, изменение формы слова, конструкции заголовка. Замены могут быть контекстуальными или лексико-семантическими (генерализация, конкретизация, целостное преобразование, модуляция). В название может вводиться пояснение реалий другой культуры для отечественного кинозрителя (прием экспликации).

В рамках стратегии форенизации переводчик принимает решение обойтись без трансформаций, сделать переводной заголовок как можно ближе к оригинальному, сохранить в ониме реалии иноязычной культуры. Если иностранное слово не имеет точного эквивалента в языке перевода, либо если эквивалент не способен реализовать все необходимые функции заголовка, могут быть использованы приемы калькирования, транскрибирования, транслитерации. При транскрибировании и транслитерации необходимо учитывать то, как форенизованный фильмоним будет восприниматься массовой аудиторией перевода, насколько он будет pragматически эффективен. Переводчику нужно спрогнозировать, оправдана ли будет такая попытка привлечь внимание при помощи иностранного, непривычно звучащего слова. Важно понимать, знаком ли отечественный зритель со значением англицизма, достаточно ли оно популярно в данный период и, что называется, «на слуху», чтобы привлечь внимание даже того человека, который не знаком с его значением. При этом следует учитывать целевую аудиторию кинокартины. Например, прием транслитерации, примененный в рамках стратегии форенизации, в стремлении передать особенности чужой культуры и менталитета, неприемлем, если кинокартина предназначается для людей более старшего поколения, которые, чаще всего, меньше интересуются новыми веяниями, приходящими из других культур.

Среди наиболее ярких примеров применения такой стратегии, как форенизация, четко прослеживается тенденция сделать название более броским, необычно звучащим, создающим интригу. При этом переводчики учитывают, что такой стратегией лучше пользоваться, когда в названии присутствуют несложные и недлинные слова, которые действительно легко воспринимаются русскоязычной аудиторией. Следует отметить, что в соответствии с семантической классификацией фильмонимов чаще в рамках

форенизации выполняется перевод фильмонимов двух типов – заголовков, содержащих имена персонажей, и заголовков, указывающих на место действия в фильме.

В примерах, составляющих 5,32 % выборки, для перевода была использована двучленная конструкция переводного онима; при этом в первую часть до двоеточия включается оригинальное название фильма на языке источника, а вторая часть представляет собой вариант онима на языке перевода. Такая техника перевода представляется эффективной, если переводчик не может сделать выбор между форенизированным и адаптированным вариантами фильмонима, так как ни один из них не способен самостоятельно реализовать необходимый функционал.

Таким образом, в выборе стратегии заключается одно из самых важных решений, которое принимает переводчик. От того, выберет ли он для данного конкретного кинозаголовка доместикацию или форенизацию, может зависеть успех не только перевода, но и всего фильма в кинопрокате страны аудитории перевода.

Для того, чтобы взять курс на нужную стратегию, необходимо, во-первых, оценить возможности форенизации, которая позволит сохранить особенности оригинального онима и черты иностранной культуры. Если последнее невозможно, то необходима адаптация кинозаголовка, его подготовка для успешного восприятия аудиторией принимающей культуры.

Очевидна связь между стратегиями, которым чаще отдают приоритетное значение переводчики, и степенью близости или удаленности языков оригинала и перевода, а также сходством или различиями между национальными культурами носителей этих языков. Чем больше сходства в языковых системах, чем ближе культуры носителей языка оригинала и языка перевода, тем больше возможностей для форенизации. И наоборот, удаленность культур, значительное специфическое своеобразие каждой из языковых систем, а также наличие небольшого количества общих или схожих черт, выявляемых при сравнении языка оригинала и языка перевода, требует от переводчика умения пользоваться стратегией доместикации, приемами адаптации онима, переводческими трансформациями.

Несмотря на то, что именно стратегия форенизации ориентирована на более точный перевод фильмонима, который будет передавать как форму, так и содержание оригинала, на наш взгляд, умение выполнять перевод онима в рамках стратегии доместикации требует от переводчика больше профессионализма и также позволяет получить качественный результат.

Дальнейшими перспективами исследования может быть проведение диахронического исследования особенностей перевода англоязычных названий фильмов на русский язык, тем более что в зависимости от политической ситуации в мире происходят изменения в языковой политики Российской Федерации в отношении иностранной лексики, что также оказывает влияние на выбор лингвистами стратегии перевода медиазаголовков.

Библиография

1. Gaut B. A Philosophy of Cinematic Art. Cambridge : Cambridge University Press, 2010.
2. Горшкова В. Е. Название фильма как единица перевода и составляющая образа-смысла // Вестник ПНИПУ. Проблемы языкоznания и педагогики. 2014. №10. С. 37-48.
3. Давыдкина О. Д., Дондик, Л. Ю. Стратегии перевода библионимов (на материале англоязычных библионимов и их перевода на русский язык) // Ученые записки

- НТГСПИ. Серия: История и филология. 2023. № 2. С. 85-97.
4. Прохорова К. В. Медиамаркеры общественного конфликта // Научный журнал международной медиалингвистической комиссии Международного комитета славистов (под патронатом ЮНЕСКО), 2017. №1 (16). С. 84-96.
 5. Захарова Л. И. Феномен языковой игры в современной публицистике (на материале заголовков газет) // Проблемы фразеологической и лексической семантики. Кострома, 2004. С. 104-107.
 6. Дондик Л. Ю. Сопоставительное исследование стратегий перевода авторских неологизмов в романе фэнтези // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2019. № 4(5). С. 46-57.
 7. Москавец М. Н. Классификация газетных заголовков по степени автономности семантики (на материале французской прессы) // Вестник МГОУ. Серия: Лингвистика Московский государственный областной университет. 2015. №3. С. 78-82.
 8. Виноградов В. С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). М.: Издательство института общего среднего образования РАО, 2001. 224 с.
 9. Нелюбин Л. Л. Толковый переводоведческий словарь. М.: Флинта : Наука, 2003. 320 с.
 10. Сдобников В.В. Стратегия перевода: общее определение// Вестник ИГЛУ. 2011. №1. 172 с.
 11. Seruya T. Rereading Schleiermacher : Translation, Cognition and Culture. London, New-York: Springer, 2016. 303 p.
 12. Venuti L. The Translator's Invisibility. A History of Translation. London and New York : Routledge, 2004. 353 p.
 13. Дондик Л. Ю. Коммуникативные стратегии в фильмонимах российского и французского кинодискурса // Ученые записки НТГСПИ. Серия: История и филология. 2021. № 1. С. 35-45.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом профильного анализа данной работы становятся стратегии перевода англоязычных фильмонимов на русский язык. Автор цитатно отмечает, что «с точки зрения современной филологии фильм может изучаться как особая разновидность языка, оперирующая вербальными и невербальными средствами передачи информации, ориентированными не только на репрезентацию основной идеи автора, но и на оказание воздействия на зрителя», «фильмоним предваряет просмотр и до непосредственного восприятия фильма название содержит некий индексальный знак, имеющий значение указателя, который привлекает потенциального зрителя или оставляет его равнодушным и который после просмотра приобретает мотивированную природу...». Отмечу, что вопрос, который рассматривается в статье, достаточно актуален и нов; методология интегративна, ориентир на работы Т. Серуя и Л. Венути оправдан. Исследование построено на анализе выборки, включающей оригинальные англоязычные фильмонимы и их переводные русскоязычные варианты; «цель состоит в изучении особенностей перевода названий фильмов с английского на русский язык и выявлении наиболее частотной стратегии их перевода». Отмечено, что «для достижения цели исследования

применялись методы лингвистического анализа: семантический, прагматический, стилистический, культурологический, сопоставительно-типологический и количественный анализ, а также метод сплошной выборки. Выборка исследования включает 150 англоязычных названий фильмов, вышедших на экраны после 2000 года, а также их переводы на русский язык». Стиль фактически соотносится с собственно научным типом: например, «современные теоретики переводоведения выделяют такие культуро-ориентированные стратегии перевода, как доместикация и форенизация. Доместикация – это перевод, предусматривающий изменение или сокращение иностранного текста для адаптации к ценностям носителей того языка, на который осуществляется перевод. Эта стратегия подразумевает использование различных трансформаций, употребление лексики, близкой для аудитории перевода, отказ от использования заимствований», или «форенизация – перевод, максимально сохраняющий в себе особенности языка и культуры того народа, с языка которого осуществляется перевод. В рамках стратегии форенизации большое значение отводится использованию заимствований, неологизмов, лексем, образованных путем транскрибирования и транслитерации. Проблема выбора той или иной стратегии перевода входит в круг вопросов, относящихся к прагматическому аспекту исследования перевода...» и т.д. Статистическая вариация дана объективно / точно: «несмотря на преимущества, которые дает в прагматическом плане стратегия форенизации при переводе кинозаголовков, содержащих указание на время или место действия фильма, на событие фильма или имя главного героя, согласно результатам количественного анализа выборки нашего исследования, значительно чаще при переводе англоязычного фильмонима на русский язык применяется стратегия доместикации. При этом можно говорить о различной степени доместикации фильмонима, поскольку одни заголовки подвергаются частичной трансформации (27,34 %), а другие претерпевают полную замену (42,00 %)». Аналитический вектор поддерживается на протяжении всего текста; авторский комментарий конструктивен. Например, «оригинальное название четвертой части фильма Die Hard / Крепкий орешек дополнено словосочетанием Live Free: Live Free or Die Hard (2007) / Крепкий орешек 4.0. Как и название первой части, заголовок продолжения фильма переведен на русский язык с использованием трансформации. Русскоязычный фразеологизм крепкий орешек адекватно передает значение англоязычного выражения die hard. Словосочетание live free при переводе на русский язык опущено, так как его эквивалент сложно связать с русскоязычным переводным вариантом основной части заголовка. Поэтому для доместикации названия четвертой серии к уже знакомому для отечественного зрителя названию добавлено 4.0», или «При переводе на русский язык названий 8 частей кинофильма The Fast and the Furious (2001) / Форсаж использована лексическая замена, и эта трансформация вполне оправданна. Лексема форсаж, которая обозначает режим работы реактивных двигателей самолетов, теперь ассоциируется у многих россиян с автомобилями. Для названия последующих серий англоязычные фильмонимы претерпевали небольшие изменения, тогда как в российском кинопрокате сохраняется стратегия доместикации, и к основному названию фильма лишь добавляют цифру, обозначающую номер серии фильма» и т.д. Считаю, что основная цель исследования достигнута; задачи векторно решены. Текст не нуждается в серьезной доработке и правке. Заключительный блок содержитозвучную основной части информацию: «итак, в ходе исследования, проведенного на материале 150 англоязычных названий фильмов, вышедших на экраны после 2000 года, и их переводов на русский язык, удалось выяснить, что переводчики чаще прибегают к стратегии доместикации (69,34 %), реже – к стратегии форенизации (25,34 %). В значительно более редких случаях перевод фильмонима строится на комбинации форенизации и доместикации (5,32 %)», « дальнейшими перспективами исследования может быть проведение диахронического

исследования особенностей перевода англоязычных названий фильмов на русский язык, тем более что в зависимости от политической ситуации в мире происходят изменения в языковой политики Российской Федерации в отношении иностранной лексики, что также оказывает влияние на выбор лингвистами стратегии перевода медиазаголовков». Основные требования издания учтены, правда, цитации могли бы иметь стандартно традиционный вид («...»). Работа имеет явно практический характер, она может стать неким импульсом для новых исследований смежной тематической направленности. Рекомендую рецензируемую статью «Стратегии перевода англоязычных фильмонимов на русский язык» к публикации в журнале «Филология: научные исследования».

Филология: научные исследования*Правильная ссылка на статью:*

Голованивская М.К., Ефименко Н.А. Представление о гневе в русской и китайской культурах // Филология: научные исследования. 2024. № 1. DOI: 10.7256/2454-0749.2024.1.68809 EDN: DMMHKX URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=68809

Представление о гневе в русской и китайской культурах**Голованивская Мария Константиновна**

доктор филологических наук

профессор, кафедра региональных исследований, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова; Факультет иностранных языков и регионоведения

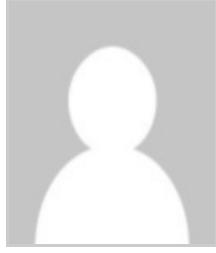
119991, Россия, г. Москва, ул. Ленинские Горы, 1, стр. 13

✉ Golovanivskaya@gmail.com**Ефименко Николай Александрович**

ORCID: 0000-0002-4003-5887

студент, кафедра региональных исследований, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

119991, Россия, г. Москва, ул. Ленинские Горы, 1, стр. 13

✉ efimenko200205@mail.ru[Статья из рубрики "Лингвокультурология"](#)**DOI:**

10.7256/2454-0749.2024.1.68809

EDN:

DMMHKX

Дата направления статьи в редакцию:

25-10-2023

Аннотация: В статье исследуется понятие «гнев» в двух языковых картинах мира – русской и китайской. Исследование является контрастивным, полученные результаты сопоставляются. Описание каждого понятия производится по четкому алгоритму: исследуется этимология слова, мифологические корни понятия, его сочетаемость, из сочетаемости вычленяется вещественная коннотация по В. А. Успенскому, производится сопоставление словарных дефиниций. Цель исследования – на материале семантических полей в русском и китайском языках выявить особенности представления понятия «гнев» в этих культурах. Далее проводится сопоставление с целью увидеть сходства и

различия в мировоззренческой картине разных народов. Научными методами исследования являются такие методы, как: сравнительно-исторический метод, метод обобщения, метод семантического анализа. Данная тема является малоизученной и актуальной, ведь ранее не наблюдалось лингвокультурологических исследований анализирующих это понятие в русском и китайском языках и культурах, что составляет научную новизну работы. Полученные результаты будут содействовать установлению взаимопонимания между культурами, образуя своего рода понятийный мост для представителей разных культур. Данные результаты будут использованы при чтении учебных курсов по регионоведению, сравнительному изучению культур, а также в ходе преподавания соответствующих языков в высших учебных заведениях.

Ключевые слова:

языковая картина мира, гнев, лингвистика, культурология, контрастивный анализ, семантический анализ, понятия, китайский язык, русский язык, Синонимический ряд

Введение

Контрастивное изучение эмоций – важный аспект культурологии, без него трудно понимать невербальную коммуникацию и строить эмоциональную модель собеседника. Эмоции изучает не только психология, но и компаративистика. Русские, европейцы, китайцы, американцы, -- все мы очень по-разному чувствуем и проявляем эмоции. Рассмотрим это на примере такой эмоции как «гнев». Гнев – одно из фундаментальных человеческих чувств, которое проявляется у детей ещё в первый год жизни, наряду с другими эмоциями, такими как страх, радость и отвращение. Гнев, как одна из форм агрессии, включен в список эмоций, которые активно регулируются социально.

В данной статье рассматривается, как культура воздействует на способы выражения гнева, применительно к китайцам и русским.

В европейских культурах, включая русскую, общепринято не выражать открыто гнев и его проявления [5]. Открыто гневаться могут только лица с более высоким социальным статусом, такие как руководители, начальники или родители [8, с. 26-40]. Это, возможно, связано с тем, что стимулирование агрессии табуировано в человеческом обществе, и высшие структуры в обществе обычно не отвечают на агрессию агрессией, что соответствует цивилизационному инстинкту самосохранения. В современной культуре подавление агрессии часто происходит через воспитание [9; 2].

Наше контрастивное исследование включает в себя анализ этимологии слова, мифологических корней понятия, его сочетаемости, а также семантический анализ.

Представление о гневе в русской культуре

В русском языке, термин "гнев" описывает ярко проявленное чувство негодования и возмущения, которое иногда приводит к потере самообладания. Этимологически прослеживается связь заболеваниями гнойного типа, к "состоянию больного с язвами и гнойными ранами" [7].

Владимир Да́ль определяет гнев как интенсивное чувство негодования, страстное влечение, вызванное раздражением (аналогичное слову "сердце", как в фразе "сказать что-нибудь в сердцах", где исходно у русских анатомическое место для таких эмоций,

наивной анатомии, - это все же сердце и душа, а не печень, как у романцев) [3]. Сочетания русского слова "гнев" придают ему образность: мы описываем его как дикий зверь, например, когда говорим "укротить гнев" или "обуздать свой гнев". Когда человек "закипает от гнева" или "задыхается от гнева", это может быть связано с повышением температуры тела или воздуха. Эмоции, связанные с гневом, могут ассоциироваться с различными образами, такими как дикий зверь, жидкость (выплеск), жар, и болезнь. Гнев может вызвать у человека сильные эмоции, и его поведение может напоминать бешенство, сопровождаясь физическими ощущениями, подобными болям, жгучей жаре, эмоциональным выбросом и последующем успокоению.

Особое внимание следует уделить выражению "благородный гнев", которое отражает ожидание в обществе выражать эту эмоцию в случае нарушения социальных норм и правил. В данном контексте гнев является частью более сложной эмоции и оценки, а также демонстративного поведения, и в этом случае оно не вписывается в базовый арсенал рассматриваемых эмоций.

В славянской мифологии мы находим частичный источник этих представлений. Ярость – вышедший из-под контроля сильный гнев, эмоция, проявления которой неконтролируемы. Связь ярости с огнем еще более очевидна, чем гнева. Даль отмечает следующие значения прилагательного «ярый» (глагольные синонимы: «яриться – кипятиться, горячиться» также выражают связь с максимально интенсивным теплоотделением от человека, находящегося в состоянии ярости): огненный, пылкий; сердитый, злой, лютый, горячий, запальный; крепкий, сильный, жестокий, резкий; скорый, бойкий, неудержный, ретивый, рьяный; расплавленный, плавкий, весьма горючий; белый, блестящий, яркий; горячий, похотливый [4].

В славянской мифологии можно найти частичный корень таких представлений. "Ярость" представляет собой высоко интенсивное и неконтролируемое проявление гнева, где эмоция выходит из-под контроля. Связь между яростью и огнем более ещё более очевидна, так как Даль отмечает, что многие значения слова "ярый" (глагольные синонимы: «яриться – кипятиться, горячиться» также выражают связь с максимально интенсивным теплоотделением от человека, находящегося в состоянии ярости) подчеркивают эту связь: огненный, пылкий; сердитый, злой, лютый, горячий, запальный; крепкий, сильный, жестокий, резкий; скорый, бойкий, неудержный, ретивый, рьяный; расплавленный, плавкий, весьма горючий; белый, блестящий, яркий; горячий, похотливый. Эти значения выражают интенсивное тепло и огонь, что соотносится с состоянием ярости. В обозначенных синонимах также можно увидеть связь с максимальной интенсивностью теплоотделения от человека, находящегося в состоянии ярости (красный от ярости, взмокший, огнедышащий)..

Последний аспект связан с основой русской концепции ярости - связью с "ярью" и "яриной", что относится к растительной силе почвы, особенно передаваемой грибам и губкам разного рода. "Грибная ярь" описывает семена или зародыши, находящиеся под старыми грибами в грибных гнездах. Ассоциация между "ярью" и семенами грибов, а также тот факт, что грибы в многих культурах ассоциируются с символами мужского репродуктивного органа [7], позволяет заключить, что изначально ярость рассматривалась исключительно как мужская черта. Ср. их мифологии: "Ярило путешествовал по всему миру, принося урожай на поля и даря детей людям." [6].

Представление о гневе в китайской культуре

В китайской наивной картине мира понятие гнева играет значительную роль, поскольку в китайском языке слова, связанные с гневом, можно классифицировать на три группы, каждая из которых обладает собственными ассоциациями и историей происхождения.

Для более глубокого понимания данной темы, мы воспользуемся методом лингвокультурологии, проведя семантический анализ лексических единиц, которые мы извлекли из «Частотного словаря современного китайского языка» [11]. Примеры совместности будут взяты из различных словарных источников [14; 17; 18; 19; 20], а также из языкового корпуса, предоставленного Центром китайской лингвистики Пекинского университета [10].

Двумя ключевыми лексемами для обозначения гнева являются 憤 fèn и 怒 pù, вокруг которых образуется огромное количество слов, обозначающих разные состояния гнева. Данные две лексемы в сочетании также могут образовывать слово, обозначающее сильное состояние гнева, однако без контекста не будет известна его причина.

Иероглиф 憤 fèn является иероглифом фонетической категории. Имеет значение, связанное с 心 xīn «сердце», фонетически читается как 贲 fèn. Изначальное значение иероглифа – «тоска; подавленность» [13, с. 946].

С помощью данной лексемы в современном китайском языке дается объяснение причин гнева:

怨愤 yuàn fèn	гневаться из-за ненависти
愤恨 fènhèn	гневаться из-за негодования
义愤 yìfèn	гневаться из-за постороннего несправедливого поступка
愤慨 fènkǎi	гневаться из-за бесстыдных поступков
忧愤 yōufèn	гневаться из-за печали
感愤 gǎnfèn	гневаться из-за отрицательного воодушевления
郁愤 yùfèn	гневаться из-за тоски
躁愤 zàofèn	гневаться из-за раздражения
穷愤 qióngfèn	гневаться из-за бедности

Точное разделение гнева по тематике в китайском языке подтверждает тот факт, что гнев для китайского мировоззрения является обычным явлением.

Иероглиф 怒 pù является иероглифом фонетической категории. Имеет значение, связанное с 心 xīn «сердце», фонетически читается как 奴 pù. Изначальное значение иероглифа – «гнев и ярость» [13, с. 943]. В китайском языке нет слов, называющих

слабую степень гнева, но есть большое количество слов, которые означают сильный гнев и сочетаются с лексемой 怒 nù, образуя десятки абсолютно синонимичных по значению слов, обозначающих состояния сильного гнева человека: 大怒 dànnù, 盛怒 shèngnù, 狂怒 kuángnù, 震怒 zhènnù, 吓怒 xiànnù, 奋怒 fènnù, 威怒 wēinù, 横怒 héngnù, 淫怒 yínnù, 暝怒 yùnnù «очень разгневаться».

У лексемы 怒 nù, кроме значения гнева, в современном китайском языке ещё есть значение мощной силы: можно сказать 怒放 nùfàng для обозначения пышного расцвета цветов или 怒涛 nùtāo для обозначения бурных волн.

Таким образом, мы видим, что в данном представлении гнев не может быть беспричинным, он всегда является последствием событий. Также гнев всегда является сильным, ведь даже в самой семантике лексемы заложено его сравнение с мощной энергией, свидетельствуя о специфичности представления о гневе в китайском мировосприятии.

Для нахождения более конкретных ассоциативных образов мы решили обратится к сочетаемости лексемы 愤怒 fènnù, обобщая представление из вышеперечисленных лексем о гневе:

表达愤怒 biǎodá fènnù	выражать гнев
产生愤怒 chǎnshēng fènnù	создавать гнев
安抚愤怒 ānfǔ fènnù	успокаивать гнев
流淌愤怒 liútǎng fènnù	гнев течет
发泄愤怒 fāxiè fènnù	гнев изливается
平息愤怒 píngxí fènnù	утихомирить гнев
抑制愤怒 yìzhì fènnù	сдерживать гнев
压制愤怒 yāzhì fènnù	подавлять гнев
导致愤怒 dǎozhì fènnù	привести к гневу
感到愤怒 gǎndào fènnù	чувствовать гнев
倾泻愤怒 qīngxiè fènnù	гнев хлынул
压抑愤怒 yāyì fènnù	осадить гнев
积攒愤怒 jīzǎn fènnù	копить гнев
积累愤怒 jīlěi fènnù	накапливать гнев
疏泄愤怒 shūxiè fènnù	выпускать гнев
代替愤怒 dàitì fènnù	заменить гнев
激起愤怒 jīqǐ fènnù	гнев нахлынул
带着愤怒 dàizhe fènnù	вести гнев
引起愤怒 yǐnqǐ fènnù	вызвать гнев

Из приведенной сочетаемости мы видим, что гнев имеет следующую вещественную коннотацию:

1. Дикий зверь. Из словарной сочетаемости явно прослеживается образ животного, так как его можно вести за собой, можно его заменить, когда он перестает быть нужным; однако видно, что это животное является диким и непослушным, оно не всегда слушается хозяина, и когда оно недовольно, то человек должен пробовать его успокоить или утихомирить. У этого зверя часто проявляется дикий нрав, и человек должен уметь его сдерживать, чтобы он не ранил людей. Таким образом мы видим образ дикого зверя, которого человек пробует приручить.

2. Оргазм. Мы видим, что гнев может быть активным только при сочетании с описанием жидкости. Это то, что человек может чувствовать, также это всегда мощный поток, ведь он сочетается с такими словами, как хлынул или изливался. Этот процесс является приятным для человека, это показывается сочетанием с лексемой 疏泄 shūxiè, которое также в китайском языке может обозначать психокатарсис, когда человек выплескивает все, что его тревожит, и получает спокойствие.

Другая группа, описывающая гнев, связана с культом бога грома в древности, который показан лексемой 雷霆 léiting. В современном китайском языке она имеет два значения: 1) раскаты грома; 2) очень сильный гнев.

Для понимания причины ассоциации грома с гневом нам нужно обратиться к философскому сочинению «Лунь хэн» китайского философа-энциклопедиста Ван Чуна, жившего в I веке нашей эры. В данном трактате есть глава, называющаяся «雷虚篇» Léi xū piān «О ложности веры в бога грома». Вся глава посвящена популярнейшему в тот момент верованию в бога грома, где автор, используя метод объективной диалектики, доказывает связь грома с природой, а не с божеством. Вся глава критикует связь между гневом божества и громом, пытаясь доказать, что гром не является проявлением гнева божества, а молния не является наказанием бога. Для прояснения своей позиции автор также рассказывает о представлениях народа о громе:

«隆隆之声, 天怒之音, 若人之响吁矣. 世无愚智, 莫谓不然.»

Lónglóng zhī shēng, tiān nù zhī yīn, ruò rén zhī xū xū yǐ. Shì wú yú zhì, mò wèi bùrán.

«Грохочущий гром – это звук гнева неба, потому что подобен реву человека. И во всем мире, не важно, умные или глупые люди, все слепо верили в это» [\[12, с. 134\]](#).

Из этого трактата становится понятно, что в I в. н. э. связь между громом и гневом бога уже была закреплена, поэтому можно сделать предположение, что данный образ появился в китайской культуре значительно раньше описываемого выше периода.

Однако в современном китайском языке данное сочетание используется весьма редко, что привело к максимально низкой сочетаемости лексемы. Зато она часто используется во фразеологических единицах чэньюй, например, 暴跳如雷 bàotiàorúléi, 大发雷霆 dàfāléléítíng, 雷嗔电怒 léichēndiànnù, 雷霆之怒 léítíngzhīnù, 咆哮如雷 páoxiāorúléi, которые все имеют значение «очень сильный гнев».

В последнюю группу входят лексемы, которые обозначают гнев как термин китайской медицины. В данной группе находится три лексемы: 发火 fāhuǒ, 发脾气 fā píqì и 生气 shēngqì. Данные лексемы являются глаголами, которые будут переводиться как «сердиться», однако их анализ необходим, так как влияние, идущее от китайской медицины на формирование понятия гнева в китайском языке, является очень сильным.

Если обратиться к составу первого слова, то лексема 发火 fāhuǒ состоит из двух морфем: 发 fā и 火 huǒ. Иероглиф 发 fā входит в фонетическую категорию с изначальным

значением «выпустить стрелу» [13, с. 1126], а иероглиф 火 huǒ является иероглифом изобразительной категории, изначальное значение иероглифа – «огонь» [13, с. 885].

Для пояснения связи гнева с огнем в китайской культуре нужно обратиться к философскому понятию «五行» wǔxíng «пять стихий». Как написано в основополагающей книге о китайской медицине 黄帝内经 Huángdì nèijīng «Трактат желтого императора», каждый орган тела человека соответствует определенной стихии. Про сердце написано следующее: «雷气通于心» Léi qì tōng yú xīn [16, с. 30], где «雷» léi «гром, гроза» переводится как 雷火 léihuǒ. Так как огонь от молнии считался природным явлением и такой огонь считали самым правильным, дарованным небом и землей, то в современном китайском языке данная фраза должна выглядеть следующим образом: «雷火之气通于心» Léihuǒ zhī qì tōng yú xīn и переводиться как «Ци огня соответствует сердцу человека». Кроме того, имеется ряд фразеологизмов, которые показывают сердце как место накопления гнева:

- «怒从心头起» dù cóng xīntóu qǐ è xiàng dǎn biān shēng прямое значение «гнев, зародившийся в сердце», переносное значение «крайняя степень гнева»
- «怒火中烧» nùhuǒ zhōng shāo «пламя гнева жжет сердце (душу)»
- «义愤填膺» yìfèntiányīng «благородный гнев распирает грудь»
- «满腔义愤» mǎnqiāng yìfèn «сердце полно справедливого гнева».

Таким образом иллюстрируется связь сердца и огня с гневом.

Лексема 发脾气 fā píqì прямо на китайский будет переводиться как «выпускать ци селезенки», однако «селезенка» в данном сочетании используется не только как название органа человека, сколько как особый термин китайской медицины. Так как селезенка является одним из «五脏» wǔzàng «пяти органов», соответствующим пяти стихиям природы, сочетание 脾 pí и 气 qì показывает, что в данном случае нас интересует именно перемещение ци, то есть внутренней энергии человека, из селезенки.

В китайской культуре важным понятием является понятие «七情» qīqíng «семь чувств», где каждое чувство соответствует определенной стихии. Гнев в данном случае будет соответствовать стихии дерева, а из органов человека он будет соответствовать печени. Ещё раз обратившись к «Трактату желтого императора», можно увидеть: «怒伤肝» Nù shāng gān «Гнев ранит печень» и «肝病者, 令人善怒» Gānbìng zhě, lìng rén shàn dù "Когда появляются болезни, связанные с печенью, человек легко сердится" [16, с. 31].

Тогда появляется вопрос: почему в китайском языке люди не говорят «выпускать ци печени», а говорят «выпускать энергию селезенки» – органа, который, казалось бы, не имеет связи с гневом? Это объясняется тем, что в пяти стихиях одна стихия угнетает другую, а именно, дерево угнетает землю. Таким образом, «脾虚肝乘» píxū gānchéng «огонь в печени такой сильный, что через угнетение стихий ослабляет селезенку», т. е. та болезнь, которая должна была появиться из-за гнева в печени, передается в селезенку. Как написано в древнекитайском памятнике китайской медицины «金匱要略» jīn kùi yàolüè «Очерки из золотой комнаты»:

«见肝之病, 知肝传脾»

Jiàn gān zhī bìng, zhī gān chuán pí

«Болезнь, которая появляется в печени, будет передаваться в селезенку» и «实脾则肝自愈» Shípí zé gān zìyù «Если обеспечить здравие селезенки, то печень излечится сама» [15, с. 2].

В современном китайском языке можно сказать 大动肝火 dàdònggānhuǒ для обозначения сильного гнева, но результатом его будет перемещение возможных заболеваний в селезенку, и человек будет тратить ци, которое там было, что и привело к образованию понятия 发脾气 fā píqì.

Последняя лексема 生气 shēngqì напрямую показывает, что гнев для китайского сознания может являться причиной неправильного передвижения ци внутри человека. Иероглиф 生 shēng является иероглифом идеографической категории, изначальное значение – «трава, которая выросла» [13, с. 552]. Поэтому лексему 生气 shēngqì прямо можно будет перевести как «зарождение ци».

В «Трактате желтого императора» написано: «怒则气上» nù zé qì shàng «Когда человек сердится, ци идет к голове» [16, с. 176], что показывает гнев как предмет, способный испортить цикл передвижения ци внутри человека. Также можно данное представление заметить во фразеологизмах, например, «怒发冲冠» nùfàchōngguān «сердиться настолько, что вздыбились волосы», то есть ци вместо правильного передвижения дошло до головы и привело к появлению разных симптомов.

Заключение

Совпадение русской и китайской картины мира в отношении гнева удивительны: в обеих наивных картинах мира гнев ассоциирован с болезнью, мужским проявлением, медициной, иерархией. Будучи базовой эмоцией, свойственной человеку вне зависимости от региона проживания, мы можем утверждать, что единство осмысления этой эмоции восходит к противопоставлению мужского и женского, к некой категориальной универсалии. С той лишь разницей, что в китайской культуре гнев как разновидность цы мыслится позитивно, а в русской картине мира, во многом сформированной христианской моралью -- негативно. На примере этих двух понятий хорошо видно как взаимодействуют в разных культурах базовые и культурные факторы в формировании менталитета того или иного народа.

Сопоставление представлений о гневе в русской и китайской культурах:

Базовые признаки	Русский менталитет	Китайский менталитет
Истоки	Гной, Ярило	Бог грома
Актуальные связи	Начальник, мужчина	Болезнь
Образ	Огонь, болезнь, сперма	Дикий зверь, оргазм, гром, огонь
Членение ситуации	4 слова: гнев – интеллектуальный компонент, бешенство – эмоция, злоба – намерение, ярость – агрессия	3 группы: 愤怒 fènnù – сильный гнев 雷霆 léitíng- гнев бога 发火 fāhuǒ, 发脾气 fā píqì, 生气 shēngqì – гнев из-за проблем в организме

Орган наивной анатомии (локализация)	печень	селезенка
Влияния	Славянское	Китайская медицина

Библиография

1. Большой Китайско-Русский Словарь. URL: <https://bkrs.info/>
2. Буянов М.И. Беседы о детской психиатрии. М.: Просвещение, 1992. 255 с.
3. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М.: М.О. Вольф, 1955. Т. 1-4.
4. Мифы народов мира (энциклопедия). М., 1992, Т. 1-2.
5. Петровская В.А. Европейские системы воспитания // Основы здорового образа жизни и нравственного воспитания в СССР. М., 1968.
6. Топоров В.Н. Семантика мифологических представлений о грибах // Балканский сборник. М., 1978.
7. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. М., 1994. Т. 1-2.
8. Якушенков С.Н. Структура и семантика социальных статусов в аймарской общине // Власть в аборигенной Америке. Проблемы идеалистики. М.: Наука, 2006. С. 26-39.
9. Ясперс К. Общая психопатология. М.: Колибри, 2019. 1056 с.
10. 汉语(现代/古代) 语料库. URL: http://ccl.pku.edu.cn:8080/ccl_corpus/ (дата обращения: 19.12.2022)
11. 现代汉语频率词典. Пекин: Бэйцзинъ юйянъ сюэюань чубаньшэ, 1986. 1491 с.
12. Ван Ч. Лунхэн сяочжу. [王充. 论衡校注.] Шанхай: Шанхай гуцзи чубаньшэ, 2013, с. 134.
13. Ли С. Цзыюань. [李学勤.字源.] Тяньцзинъ: Тяньцзинъ гуцзи чубаньшэ, 2013. 1420 с.
14. Сюэ С. Ханьюй чэньюй цыядянь [汉语成语词典]. Сиань: Шаньси жэньминь цзяоюй чубаньшэ, 2005.
15. Чжан Ч. Цзинькуйяолюэ фанлунь. [张仲景. 金匮要略方论.] Пекин: Чжунго шудянь чубаньшэ, 1993. 119 с.
16. Чжао Ц. Тяньюаньсян.《Схуань шицзинянь: хуанди нэйцзин》[赵建新, 田元祥.《传世经典: 黄帝内经》]. Пекин: Бэйцзин ляньхэ чубаньшэ, 2013. 471 с.
17. Чжунго шэхуэй кэ сюэюань юйянъ янъцюсо. Синъхуа цзыядянь [新华字典]. Пекин: Шануинь шугуань, 2020.
18. Чжунго шэхуэй кэ сюэюань юйянъ янъцю соцыядянь бяньцзиши. Сяньдай ханьюй цыядянь [现代汉语词典]. Пекин: Шануинь шугуань, 2016.
19. Шанъу инь шу гуань цышу янъцю чжунсинь. Синъ хуа чэньюй цыядянь [新华成语词典]. Пекин: Шанъу инь шу гуань, 2015.
20. Ханьюй дацзыядянь бяньцзи вэйюаньхуэй. Ханьюй дацзыядянь [汉语大字典]. Чэнду: Сычуань цышу чубаньшэ, 2018.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В статье предпринята попытка сопоставления объёма, содержания и ассоциативного поля концепта «гнев» в русской и китайской культурах. Тема представляется весьма актуальной в связи с высоким интересом современной науки к сравнительным исследованиям значимых концептах в различных культурах. К сильным сторонам статьи можно отнести интересные примеры из китайского языка и их достаточно подробный анализ. Однако в представленном виде статья не может быть принята к печати, поскольку имеет ряд серьёзных недостатков, которые не могут быть устранены без авторского вмешательства.

1. Статья нуждается в глубинной редактуре носителем языка. Помимо орфографических, и стилистических ошибок в ней немало ошибок логических, смысловых пропусков, которые затрудняют восприятие текста: «В русском языке, термин "гнев" описывает интенсивное чувство негодования и возмущения, которое может привести к потере самообладания и часто имеет этимологическую связь с понятиями "гниль" и "гной". Это связано с тем, что в современном жаргоне выражение "гноиться на кого-то" используется для обозначения раздражения и злости. Старшим значением этого термина может быть "состояние больного с язвами и гнойными ранами", что объясняет связь с понятием "гной" и его значениями, включая ярость», «Оргазм. Мы видим, что гнев может быть активным только при сочетании с описанием жидкости. Это то, что человек может чувствовать, также это всегда мощный поток, ведь он сочетается с такими словами, как хлынул или изливался. Этот процесс является приятным для человека, это показывается сочетанием с лексемой 疏泄 shūxiè, которое также в китайском языке может обозначать психокатарсис, когда человек выплескивает все, что его тревожит, и получает спокойствие», «Тогда появляется вопрос: почему в китайском языке люди не говорят «выпускать ци печени», а говорят «выпускать энергию селезенки» – органа, который, казалось бы, не имеет связи с гневом? Это объясняется тем, что в пяти стихиях одна стихия угнетает другую, а именно, дерево угнетает землю». Подобных фрагментов «тёмного» текста, непонятного читателю, в статье очень много.

2. Есть ощущение, что автору не хватает языковых компетенций для выражения своих мыслей. Например: «Гнев, как одна из форм агрессии, подвержен влиянию воспитания и включен в список эмоций, которые активно регулируются социально» (вероятно, имеется в виду регулирующая функция воспитания по отношению к контролю над гневом), «В европейских культурах, включая русскую, общепринято не выражать открыто гнев и его проявления» (неясно, что имеется в виду под «выражением проявлений»). Такие недочёты в выражении мысли встречаются почти в каждой фразе текста.

3. Нам кажется, что в части, описывающей понимание гнева в русской культуре, автор напрасно переключается с концепта «гнев» на концепт «ярость». Очевидно неуместны в научной статье неподтверждённые сведения и додумывания связей, уводящие автора далеко от исходно заявленного предмета исследования: «Последний аспект связан с основой русской концепции ярости - связью с "ярью" и "яриной", что относится к растительной силе почвы, особенно передаваемой грибам и губкам разного рода. "Грибная ярь" описывает семена или зародыши, находящиеся под старыми грибами в грибных гнездах. Ассоциация между "ярью" и семенами грибов, а также тот факт, что грибы в многих культурах ассоциируются с символами мужского репродуктивного органа [7], позволяет заключить, что изначально ярость рассматривалась исключительно как мужская черта».

4. Необоснованным кажется ограничение словарной работы обращением исключительно к словарю В. И. Даля.

5. Статья не имеет чётко сформулированных выводов.

Статья может быть принята к повторному рассмотрению после глубинной переработки. В представленном виде к печати не рекомендуется.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Представление о гневе в русской и китайской культурах», предлагаемая к публикации в журнале «Филология: научные исследования», несомненно, является актуальной, ввиду обращения автора к изучению особенностей реализации концепта «гнев» в отечественной и китайской культурах, подспудно решая одну из важных задач лингвокультурологии и межкультурной коммуникации.

Автор обращается к контрастивному изучению эмоций как разделу лингвокультурологии, рассматривая как культура воздействует на способы выражения гнева, применительно к китайцам и русским.

С учетом интереса к изучению китайского языка и культуры в наше время, работа является актуальной и призвана восполнить те лакуны, которые имеются.

Статья является новаторской, одной из первых в российской лингвистике, посвященной исследованию подобной проблематики. Цель рецензируемого исследования заключается в том, чтобы проанализировать понятие "гнев" в русском и китайском языках, выявив его особенности в разных культурных и лингвистических контекстах.

В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы.

В работе нет указания на исследуемый корпус русского и китайского языков, а также на принципы его выборки. Теоретические измышления проиллюстрированы языковыми примерами, а также представлены убедительные данные, полученные в ходе исследования.

Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. Отметим, что заключение требует усиления, оно не отражает в полной мере задачи, поставленные автором и не содержит перспективы дальнейшего исследования в русле заявленной проблематики.

Библиография статьи насчитывает 20 источников, среди которых представлены работы как на русском, так и китайском языках. Вызывает удивление транслитерация названий китайских источников в библиографическом списке.

К сожалению, в статье отсутствуют ссылки на фундаментальные работы отечественных исследователей, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации.

Высказанные замечания не являются существенными и не умаляют общее положительное впечатление от рецензируемой работы.

Опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности в тексте работы не обнаружены. В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым, понятным для читателя языком. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Практическая значимость исследования

заключается в возможности использования его результатов в процессе преподавания вузовских курсов по лингвокультурологии, а также курсов по междисциплинарным исследованиям, посвящённым связи языка и общества. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Представление о гневе в русской и китайской культурах» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Хаджи Мусаи С.А., Мадаени Аввал А. Колоратив «желтый» во фразеологической картине мира русского и персидского языков: аксиологический аспект // Филология: научные исследования. 2024. № 1. DOI: 10.7256/2454-0749.2024.1.69563 EDN: DMXLBT URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69563

Колоратив «желтый» во фразеологической картине мира русского и персидского языков: аксиологический аспект

Хаджи Мусаи Светлана Александровна

аспирант, кафедра русского языка и литературы, Тегеранский университет

1439813164, Иран, г. Тегеран, ул. Каргар-Е-Шомали, 15

✉ shsveta21@mail.ru

Мадаени Аввал Али

кандидат филологических наук

доцент, кафедра русского языка и литературы, Тегеранский университет

1439813164, Иран, г. Тегеран, ул. Каргар Шомали, 16

✉ amadayen@ut.ac.ir

[Статья из рубрики "Лингвокультурология"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2024.1.69563

EDN:

DMXLBT

Дата направления статьи в редакцию:

11-01-2024

Аннотация: Данная статья посвящена сопоставительному аксиологическому анализу фразеологических единиц (ФЕ) с цветовым компонентом «желтый» в русской и персидской лингвокультурах. Восприятие цвета у разных народов могут отличаться и напрямую зависят от историко-культурных, социальных, религиозных и природных условий развития данного народа. Объектом исследования являются ФЕ русского и персидского языка содержащие в своем составе колоратив «желтый» (всего 38 ФЕ), выбранные независимо от степени семантической слитности компонентов ФЕ и способа фразеологизации, временной характеристики, речевой или языковой принадлежности,

включаемые в состав пословиц, поговорок, высказываний известных личностей, цитат из художественной литературы и способа фразеологизации, временной характеристики, речевой или языковой принадлежности, отобранные методом сплошной выборки из толковых, фразеологических, этимологических и энциклопедических словарей русского и персидского языков, художественных текстов, а также средств массовой информации. Основными методами исследований, используемыми в настоящей работе, являются сопоставительный метод и аксиологический анализ ФЕ, содержащих в своем составе цветообозначение «желтый» в русском и персидском языках. Изучение понятий выражающих ценностные ориентиры духовной культуры через призму сравнения языковых данных в современной лингвистике проводиться в настоящее время довольно активно. Также следует отметить, что исследования в области сопоставления фразеологических единиц с цветовым компонентом русского и персидского языков немногочисленны. Научная новизна работы состоит в изучении фразеологизмов с колоративом «желтый» в двух языках с точки зрения аксиологии. На основании результатов проведенного анализа оценочных значений фразеологических единиц с компонентом «желтый» делается вывод об отношении к данному цвету в аксиологической картине мира носителей исследуемых языков и выяснили значение цвета «желтый» во фразеологической картине мира русского и персидского языков и подтвердили отсутствие бинарной аксиологической оппозиции.

Ключевые слова:

фразеология, аксиологический анализ, картина мира, оценка, значение, колоратив, ценность, желтый, русский язык, персидский язык

Цвет окружает нас повсюду, он вызывает различные чувства и ассоциации, влияет на наши эмоции и восприятие окружающего мира, задает настроение, а посредством цветообозначения, входящих в языковую картину каждого народа, можно передавать отношение говорящего к окружающей действительности. Языковая картина мира находит свое отражение в языке и складывается в обыденном сознании народа, формируя тем самым коллективную философию с системой универсальных и национально-специфических взглядов, которую осознанно и неосознанно, принимают все носители данного языка.

Особая роль при изучении языковой картины мира отводится лексикологии и в частности фразеологии, поскольку именно фразеологизмы «...ассоциируются с культурно-национальными эталонами, стереотипами, мифологемами и т. п. и в употреблении в речи воспроизводят характерный для той или иной лингвокультурной общности менталитет» [1, с.9].

Фразеологизмы играют важную роль в выявлении национально-культурных особенностей. Фразеологические единицы, отражая в своей семантике длительный процесс развития культуры народа, фиксируют и передают от поколения к поколению культурные установки и стереотипы, эталоны и архетипы. Они всегда играли важную роль в речи любого народа. Они делают речь выразительной и яркой, насыщенной и эмоциональной, конкретной и лаконичной. Фразеологические единицы относятся к одним из основ знаний народа о мире, в котором он живет, а знакомство с ними помогает не только хорошо овладеть иностранным языком, но и лучше понимать особенности мышления и черты характера этого народа [2, с.57]. Ценности определяют «важнейшие смыслы человеческой деятельности, и в этом качестве имеют как универсальную

(психологическую), так и культурно-специфическую природу»^{[\[3, с.26\]](#)}, которые с помощью языковых средств выражают «речевую объективацию оценок, ценностей и основанных на них суждения»^{[\[4, с.92\]](#)}. С помощью аксиологического анализа в исследуемых языках можно определить ценности и оценки в языке и речи.

Работы по сопоставительному анализу ФЕ с цветовым компонентом проводились и ранее: ФЕ русского языка сопоставлялись с итальянскими ФЕ^{[\[5\]](#)}, с немецкими ФЕ^{[\[6\]](#)}, с французскими ФЕ^{[\[7\]](#)}. Исследования по сопоставлению ФЕ с цветовым компонентом русского и персидского языков также проводились, но в качестве цветового компонента исследовались черный и белый цвета^{[\[8\]](#)}, а также желтый, который анализировался с точки зрения лингвокультурологического аспекта^{[\[9\]](#)}. Научная новизна данной работы состоит в изучении и сопоставлении фразеологизмов с колоративом «желтый» в русском и персидском языках с точки зрения аксиологии.

Желтый цвет, помимо красного и синего, входит в группу так называемых «основных цветов». Толковый словарь Ушакова Д. Н. дает следующее определение прилагательного «желтый»: «Обозначение одного из семи основных цветов, расположенного в солнечном спектре между оранжевым и зеленым цветами; сходный с цветом золота»^{[\[10, с. 856\]](#)}, а в толковом словаре персидского языка зāрд (زرد) - это все, что имеет цвет золота, лимона или шафрана^{[\[11, с. 376\]](#)}. Отметим, что персидское слово «зāрд» (زرد) имеет общий корень со словом «зāр» (زر), т.е. золото. Желтый цвет воспринимается в сопоставимых языках как солнце, как светлый и сверкающий, он легкий, сияющий, возбуждающий и поэтому согревающий^{[\[12, с. 361\]](#)}. Желтый цвет совпадая визуально с цветом золота и отождествляя собой власть и силу, часто использовался в геральдике государственных символов двух стран. Примером этого служат следующие факты: российский император Александр II во второй половине XIX века утвердил рисунок «с расположением гербовых черно-желто-белого цветов империи на знаменах, флагах и других предметах для украшений на улицах при торжественных случаях»; официальный герб Ирана (1956-1979 гг). включал в себя изображения желтых львов и солнца, ставших национальной эмблемой Ирана в эпоху династии Каджаров, где лев символизирует храбрость и величие, а солнце – теплоту, источник энергии и жизни, непрерывность^{[\[13, с. 69\]](#)}. Еще в своем труде Гете И.В. «Ученье о цвете» утверждал, что желтый цвет относится к группе «положительных» цветов, а чисто желтый цвет является цветом приятным для глаза: «Опытом проверено: желтый цвет создает впечатление тепла и уюта. Глаз радуется, сердце переполняет восторг, душа поет и кажется, что на нас повеяло настоящим теплом», но при его «загрязнении», т.е. при добавлении других более темных цветов приобретает негативное звучание и отрицательный символический смысл^{[\[14, с. 30, 57\]](#)}. Этой же точки зрения придерживается в своей книге и французский историк М Пастуро говоря, что «желтый воспринимают позитивно только в одном случае – когда уподобляют его золотому; желтый как таковой, сам по себе, всегда расценивается негативно»^{[\[15, с. 49\]](#)}.

Колоратив «жёлтый», имея много оттенков, является также и одним из самых противоречивых цветов: желтый цвет в светофоре был выбран в 1920 г. по причине того, что он хорошо виден в различных погодных условиях и воспринимается как цвет способный сконцентрировать внимание; в спортивных играх, в частности в футболе, желтая карточка, показанная игроку, означает предупреждение; желтый флаг на

кораблях означает, что на борту судна все здоровы; желтый цвет по шкале кодов погодной опасности служит предупреждением о потенциальной опасности. В палитре смыслов желтый цвет вновь указывает на свою противоречивость: желтая осень – прекрасная пора перед похолоданием, время когда листва на деревьях окрашивается во все оттенки желтого перед тем как закончить свой жизненный цикл, но в то же время желтый цвет напоминает об увядании и приближении смерти:

Пройдет и осень желтая // С снопом, с скирдом и с братчиной.

(Островский А. Н., Снегурочка, 1873)

На основе анализа языкового материала были выявлены следующие аспекты семантики фразеологических единиц с цветообозначением «желтый» в русском и персидском языках:

- **природа.** Ярко светящее солнце в зените, в персидском языке имеет образное выражение *рубакх-е зāрд* (رُبَّكْه زَرْد)*, которое буквально означает «жёлтая лиса» [\[11, с. 618\]](#).

* Здесь и далее перевод и русская транскрипция из персидских источников выполнен авторами статьи

- **название.** Русский фразеологизм желтая *ráca* [\[16, с. 233\]](#) и персидский фразеологизм *zārdpust* (*زَرْدْبُسْت*) [\[17, с. 759\]](#), буквально переводимый как «желтокожий», служат названием монголоидной расы или представителя монголоидной расы. Медицинский термин макула, называющий особенно чувствительное к свету место сетчатки глаза у выхода зрительного нерва, имеет одинаковые названия как в русском, так и в персидском языках жёлтое пятно и *lākekх zārd* (*لَّاکِهٔ زَرْد*) соответственно.

- **помещение.** В конце 18 века в Санкт-Петербурге было открыто первое психиатрическое учреждение города, внешние стены здания которого были выкрашены в грязно-желтый цвет [\[18\]](#). Крылатое выражение желтый дом стало употребительным в отношении неофициального названия психиатрических лечебниц в России (сумасшедшего дома) после выхода сатирического стихотворения Войкова А. Ф. "Дом сумасшедших":

Снилось мне, что в Петрограде / Чрез Обухов мост пешком /

Перешел, спешу к ограде / И вступаю в Желтый Дом

(1814–1830)

- **заболевание.** Глаукому, глазную болезнь, при которой зрачок делается желтоватым в народе называют желтая вода [\[10, с. 324\]](#). В персидском языке данное заболевание называют *абэ сābz* (آب سبز), буквально означающее «зеленая вода». Выражение жёлтая лихорадка называет острое вирусное геморрагическое заболевание, распространенную в тропических странах, передаваемое инфицированными комарами [\[10, с. 856\]](#).

- **находящийся под влиянием.** Нам известно, что профсоюз является общественной организацией, призванной представлять интересы работников и защищать их. Но выражение желтые профсоюзы, заимствованное в русский язык путем калькирования с французского языка, служит нарицательным названием профсоюзов, лидеры которых

проводят политику сотрудничества с предпринимателями, находясь под его влиянием, т.е. защита работников в таких профсоюзах носит формальный характер, преследуя цели работодателей [\[19, с. 58\]](#).

- опасность. Русский фразеологизм жёлтая опасность и персидский - *хātār-e zārd* (خط زرد) являются выражением империалистической идеологии европейцев, которое подразумевает угрозу европейской культуре со стороны желтой расы [\[10, с. 856\]](#). Данное выражение вошло в русский и персидский языки способом калькирования с английского языка, в котором «желтая опасность» была термином, используемым в политике и популярной фикции в конце 19-го и начале 20-го века, чтобы описать предполагаемую экономическую и культурную опасность, которую представляют китайская иммиграция в Европу и Америку.

- низкопробное издание. Из английского языка в русский и персидский языки пришло выражение жёлтая пресса и *moxtāvi-e zārd* (محظوظ زرد), буквально переводимое как «жёлтое содержание», означающее издания печатной прессы, распространяемых по достаточно низкой цене и, в погоне за сенсацией, специализирующихся на слухах, сенсациях (зачастую мнимых), скандалах, сплетнях о жизни известных людей. Данный фразеологизм стал крылатым, после того как в 1896 году Эрвин Уордмэн, редактор третьего издания New York Press, напечатал в своем журнале статью, в которой презрительно называл две конкурировавшие газеты «желтой прессой».

- напоминание о терпении. Персидскую поговорку *хане шохār-e xāft xomre zārd-ab dārād* (خانه شوهر هفت خمره زرد/ب دارد), дословно переводимую как «в доме мужа семь хомре* желчи есть» может произнести мать, провожая свою дочь-невесту в дом мужа, предупреждая ее о неизбежной участи и призывая к терпению [\[20, с. 53\]](#).

*глиняный сосуд с выпуклыми стенками для вина, воды и т.п.

- ценный, дорогой. Выразить что-либо как что-то являющееся очень дорогим, имеющим высокую ценность можно при помощи выражения желтей желта золота [\[21, с. 303\]](#).

- неопытный. Молодого, неопытного в жизни и наивного человека характеризует, часто пренебрежительно, фразеологизм желторотый птенец [\[22, с. 79\]](#). Данное выражение возникло по аналогии с недавно вылупившимися птенцами, у которых клюв имеет желтый цвет.

- символ наживы. Фразеологизм желтый дьявол служит названием золота, которое порабощает людей, а также характеризует дух наживы и стяжательство [\[23, с. 220\]](#). Данное выражение получило широкое распространение после выпуска в 1906 г. очерка М.Горького «Город желтого дьявола».

- жадность. Персидская пословица *adām-e tāmā'kar rāngesh zārd ast* (آدم طمکار رنگش زرد است), буквально переводимая как «жадный человек желтого цвета», говорит о том, что чрезмерная жадность и стремление к наживе могут привести к потере разума и мудрости [\[24, с. 91\]](#). Данный фразеологизм соответствует русскому: жадность последнего ума лишает.

- близость к смерти, шаткое положение. Персидское выражение *aftābesh zārd shode* (آفتباش زرد شد), дословно переводимое как «его солнце уже пожелтело», приводиться в значении «подходит конец» и 1) часто употребляется в отношении лиц преклонного

возраста, намекая на наступившую старость и близость к смерти. Данное значение фразеологизма соответствует русским выражениям не жилец на белом свете, на ладан дышит или одной ногой в могиле. 2) иногда данный фразеологизм употребляется, когда хотят сказать о непрочном положении чиновника или начальника [\[20, с. 87\]](#).

- **усталость.** Пословица *گهام بیناواران رخم زرد کرد* (غنم بینواران رخم زرد کرد), буквально означающая «печаль бедных сделала мое лицо желтым», говорит о том, что человек чувствует усталость не от работы, а от беспокойства и соответствует русскому: не работа сушит, а забота [\[20, с. 182\]](#).

- **неудача.** Пословица *رنگ زردم را ببین*, *را بین*, (*رنگ زردم را ببین*, *را مپرس احوال زارم را*), дословно переводимая как «посмотри на мой желтый цвет, не спрашивай, как я», говорит о плохом положении дел, неудаче в делах и соответствует русскому: дела, как сажа бела [\[24, с. 73\]](#).

- **схожесть.** Говоря о людях, которые своими плохими поступками или поведением похожи друг на друга можно использовать персидскую пословицу *سگ-ه است* (*شغال است*, *شغال زرده است*), которая буквально переводится как «жёлтая собака – брат шакала». Данному выражению в русском языке соответствуют: друг друга стоят (в негативном смысле), два сапога пара [\[24, с. 72\]](#).

- **внешний вид.** Фразеологизм *شغالی که مرغ* (*شغالی که میگیره بیخ گوشش زرده*), дословно переводимая как «у шакала, который берёт кур, жёлтые уши», говорит нам о том, что по внешнему виду человека можно понять, что он сделал что-то плохое и соответствует русской поговорке: муку красть – убелиться [\[24, с. 152\]](#). Использование выражения *زارد چهره* (*زرد چهره*), буквально означающее «желтолицый», передает нам такие внешние характеристики человека как цвет лица жёлтый и иссохший; бледность; вялость и подавленность [\[17, с.759\]](#). Персидский фразеологизм *زارد شدآن* (*زرد شدن*), буквально переводимый как «становиться желтым», используется в значении бледнеть [\[17, с.759\]](#).

- **черты характера.** Вспыльчивого, злого, желчного человека характеризует персидский фразеологизм *زارداب* (*زرداب*), буквально переводимый как «желтая вода», а человека лицемерного, страшного, безработного или раскаивающегося называет фразеологизм *زاردگوش* (*زردگوش*), дословно переводимый как «желтоухий». Фразеологизм *زاردداст* (*زرد دست*) применяют в отношении к скопому, жадному человеку (букв. «жёлтые руки») [\[17, с.760\]](#).

- **состояние.** Фразеологизм *زارداب ریختان* (*زرداب ریختن*), дословно переводимое как «лить жёлтую воду», указывает на то, что тот к кому обращено данное выражение, находится в плохом, злобном, раздражительном настроении и данный фразеологизм близок к русскому: метать гром и молнии [\[17, с.759\]](#). Персидские фразеологизмы *زارد روخ* (*زرد رخ*) и *زارد رو* (*زرد رو*), буквально означающие «жёлтое лицо», характеризуют состояние человека как пристыженного от страха или стыда, побледневшего в следствии стыда или смущения, сконфуженного. Помимо указанных значений выражение *زارد رو* (*زرد رو*) может служить и описанием болезненного состояния [\[17, с.759\]](#). Фразеологизм *زارد کاردان* (*زرد کردن*), дословно переводимый как «стать жёлтым», говорит о том, что человек в отношении которого применяют данное выражение испытывает грусть от печали или

любви. Близка к русскому (2): потерять себя.

У меня от беспомощности пол-лица побледнело || Горе бедняков вызывает на лице моем грусть.

(Саади)

من از بی نوائی نیم روی زرد || غم بی نوابان رخمنزد کرد

(سعدی)

Не оправдать надежд или оказаться в глупом положении – данные состояния характеризует персидский фразеологизм *то зāрд dāравордāн* (توزرد درآوردن), буквально означающий «ты принес желтое»), который соответствует русскому: сесть в калошу [25, с. 301]. Фразеологизм *зāрдāнбу* (زردنبو), буквально переводимый как «желтого цвета», имеет два значения: 1) бледный (о цвете лица); 2) хилый, слабый [17, с. 759]. Выражение *rāng zārdi kešidān* (رنگ زردی کشیدن) [111, с. 598] означает испытывать смущение, стеснение (букв. «рисовать жёлтой краской») и соответствует русскому: краснеть.

- **оценивание.** Персидская поговорка *nā xār an chiz ke u zārd budān, bāshād zār* (نَهْرِ آنْ چیزِ که او زرد بود، باشد زر), дословно переводимая как «не всё что жёлтое будет золото», напоминает нам о том, что оценивать кого-то или что-то нужно по внутреннему содержанию, а не по внешним признакам [24, с. 170]. Данный фразеологизм аналогичен русскому: не всё то золото, что блестит.

- **обращение к огню.** Персидское выражение *zārdi-e mān az to, sorkhi to az mān* (زردی از تو، سرخی تو از من), дословно переводимое как «моя желтизна — от тебя, твоя краснота — от меня», говорят иранцы, прыгая через огонь в праздник Чаршамбе Сури, который проходит в последнюю среду года, в надежде, что от огня придет только хорошее, а всё плохое - болезни, невзгоды и боль - уйдет в огонь.

По итогам проведенной работы, в которой анализу были подвергнуты 12 ФЕ в русском и 26 ФЕ в персидском языках с цветовым компонентом «желтый». можно прийти к выводу, что фразеологизмы с колоративом «желтый» можно представить в виде следующих семантических групп:

- колоратив «желтый» входит в состав фразеологизмов, имеющих следующие положительные значения ФЕ

в русском языке	в персидском языке
природа (1 ФЕ)	природа (1 ФЕ)
ценный, дорогой (1 ФЕ)	

- колоратив «желтый» входит в состав фразеологизмов, имеющих следующие отрицательные значения ФЕ

в русском языке	в персидском языке
помещение1) * ФЕ)	оценивание (1 ФЕ)
находящийся под влиянием (1 ФЕ)	опасность (1 ФЕ)
опасность (1 ФЕ)	низкопробное издание (1 ФЕ)

низкопробное издание (1 ФЕ)	напоминание о терпении (1 ФЕ)
неопытный (1 ФЕ)	жадность (1 ФЕ)
символ наживы (1 ФЕ)	близость к смерти, шаткое положение (1 ФЕ)
	усталость (1 ФЕ)
	неудача (1 ФЕ)
	схожесть (1 ФЕ)
	внешний вид (3 ФЕ)
	черты характера (3 ФЕ)
	состояние (7 ФЕ)
	обращение к огню (1 ФЕ)

*Фразеологизм *желтый дом* может иметь как отрицательную, так и положительную коннотацию в зависимости от контекста, в котором он применен.

ФЕ русского и персидского языков, имеющие значение названия монголоидной расы или представителей монголоидной расы (по 1 ФЕ), медицинского термина (по 1 ФЕ) и названия заболеваний (2 ФЕ в русск.), можно отнести к нейтральным, так как они не отражают ни положительной, ни отрицательной коннотации.

На основании изложенного выше анализа можно сделать вывод, что колоратив «желтый» как в русском, так и в персидском языках выражает, в подавляющем большинстве отрицательное значение (75% и 95,5% соответственно). Нами выявлено, что отрицательная коннотация цветообозначения «желтый» в русском языке наблюдается в ФЕ, заимствованных из других языков (английского, французского) или образованных путем сравнения (желторотый птенец) или в следствии метонимии (желтый дом). Также в ходе проведенного анализа ФЕ персидского языка содержащих в своем составе колоратив «желтый» установлено, что их число достаточно многочисленно, а отрицательную коннотацию имеют ФЕ, характеризующие внешнее и внутреннее состояние человека, черты его характера, служат напоминанием о терпении и обращение к высшим силам. Из всего выше сказанного можно сделать вывод, что в семантике ФЕ, входящих в лингвокультуру как русского, так и персидского языков и имеющие в своем составе колоратив «желтый», наблюдается, в основном, отрицательное коннотативное значение. Но стоит отметить, что персидские фразеологизмы с цветообозначением «желтый» в большинстве случаев характеризуют в отрицательных значениях черты характера человека, его состояние и отношение к окружающей действительности.

Библиография

1. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры». 1996. 288 с.
2. Белолюбская В.Г. Концепт "цвет" как компонент национальной картины мира на материале эвенского языка. Филология: научные исследования. 2020. № 1. С. 56-65.
3. Лебедева Н.М. Ценностно-мотивационная структура личности в русской культуре.

- Психологический журнал. 2001. №3. С. 26-36.
4. Милованова М. С. (отв. ред.), Сигал К. Я., Карасик В. И., Слышкин Г. Г., Фоминых Б. И., Боженкова Н. А., Гончарова, Л. М., Матрусова А. Н., Шамсутдинова Р. Р. Общая и русская лингвоаксиология: Коллективная монография. Ияз РАН, Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина. М.: Ярославль «Канцлер», 2022. 390 с.
 5. Вагизова Л.Г., Федорова К.М. Обозначение цвета во фразеологии русского и итальянского языков. М.: Сборник материалов международной студенческой научной конференции. Выпуск 3. 2023. С. 50-56.
 6. Зольникова Ю.В. Цветообозначения во фразеологической картине мира немецкого и русского языков. Вестник Челябинского государственного университета. № 30 (168) 2009. С. 88-93.
 7. Шевчук-Черногородова М.А. Отражение цветовой картины мира во французской и русской фразеологии. Крымский научный центр НАН и МОН Украины. Вопросы духовной культуры. Филологические науки. №1. 2005. С. 121-127.
 8. Хадеми Могаддам М., Резаи М. Сопоставительный анализ персидских фразеологизмов с компонентом черного и белого цветов и их русские эквиваленты. Журнал Филологические науки в МГИМО. Литературоведение и и лингвокультурология. 2018. №16-4. С. 114-119.
 9. Рахеле Х. Фразеологизмы с колоративным компонентом «желтый» в русском и персидском языках: лингвокультурологические аспекты. Вестник Полоцкого государственного университета. Гуманитарные науки. Языкоznание. 2013. № 2. С. 106-110.
 10. Толковый словарь русского языка: в 4 томах. Под ред. Д. Н. Ушакова. М. Государственный институт «Советская энциклопедия» Т. 1. 1935. 1565 с.
 11. Декххода Али-Акбар Толковый словарь персидского языка. Рузане, Тегеран, Иран, 1994. 2455 с.
 12. Иванова Д. Тайный язык цвета. М.: Журнал факультета иностранных языков и регионоведения МГУ им. М.В. Ломоносова. №80. 2021. С. 35-40.
 13. Баранов А.В. Мнемонизация исторической памяти в государственной символике Ирана. М.: Журнал «История и историческая память». 2020. С. 63-81.
 14. Браэм Г. Психология цвета. Перевод с немецкого Крапивки М.Н. М.: Артель. 2011. 158 с.
 15. Пастуро М. Желтый. История цвета. М. Новое литературное обозрение. 2022. 124 с.
 16. Толковый словарь русского языка // Под ред. Шведова Н.Ю. /М.: Азбуковник. 2011. 1175 с.
 17. Рубинчик Ю.А. Персидско-русский словарь: в 2 томах // М.: Русский язык, 1985. Т. 1. 800 с.
 18. Большая Медицинская Энциклопедия (БМЭ) в 29 томах // Под ред. Петровского Б.В. 3-е издание. Том 17. 1974-1988.
 19. Петрова Ю. Стачка-менеджмент. М.: ИД Коммерсанть. Секрет Фирмы. № 10. 2014. С. 56-60.
 20. Курагали Халег Персидские пословицы, поговорки и крылатые слова. Тегеран. Изд. «Кия» 1992. 625 с.
 21. Завьялова Н. А. Фразеологические единицы с колоративным компонентом как составляющая дискурса повседневности Японии, Великобритании и России. Изд. Уральского университета. 2011. 321 с
 22. Фразеологический словарь русского языка // Под ред. А.Н. Тихонова; сост. А. Н.

- Тихонов, А.Г. Ломов, Ломова Л.А. З-е изд., стереотип. М.: «Русский язык-Медиа». 2007. 334 с.
23. Мокиенко В.М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских поговорок. М.: Медиагрупп Алма. 2007. 785 с.
24. Фарсадманеш Сафар-Али, Ежова Л. Русско-персидский словарь пословиц и поговорок . Иран, Тегеранский университет. 2005. 320 с.
25. Голева Г.С. Фарси-русский фразеологический словарь. М.: Грааль, 2000. 555с

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Колоратив «желтый» во фразеологической картине мира русского и персидского языков: аксиологический аспект», предлагаемая к публикации в журнале «Филология: научные исследования», несомненно, является актуальной, ввиду возрастающего интереса к изучению реализации цветового концепта в языковой картине мира. Работа ценна тем, что автор обращается к языковому материалу родного русского языка, а также одному из восточных языков – персидскому. Работа носит сопоставительно-сравнительный характер. Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью более глубокого изучения языковой презентации аспекта желтого цвета в сопоставляемых языках для выяснения общих и специфических черт мировосприятия представителей сопоставляемых лингвокультур, особенностей национально-культурного менталитета.

Автор выбрал интересную и мало исследованную тему, а именно реализация стилистического потенциала цветообозначения. Работа является существенной как для общей теории стилистики, лингвокультурологии, так вносит вклад практическое изучение языков. Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Отметим скрупулёзный труд автора по отбору практического материала и его анализу. Однако, автор не приводит информацию насколько обширен языковой корпус, взятый для изучения, каковы критерии отбора текстового материала, к какому временному периоду относится материал, какими методами проводил отбор: сплошной выборкой или специализированными. В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. Однако, недостатком является отсутствие информации о разработанности темы в языкознании, что помогло бы понять авторский вклад в решение заявленного вопроса. Библиография статьи насчитывает 25 источников, среди которых представлены труды исключительно на русском языке. Считаем, что обращение к трудам зарубежных исследователей на языке оригинала, несомненно, внесло бы весомый вклад в исследуемый вопрос.

Кроме того, в статье отсутствуют ссылки на фундаментальные работы, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации. Однако, данные замечания не являются существенными и не относятся к научному содержанию рецензируемой работы. В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым, понятным для

читателя языком. Опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности в тексте работы не обнаружены. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Колоратив «желтый» во фразеологической картине мира русского и персидского языков: аксиологический аспект» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Филология: научные исследования*Правильная ссылка на статью:*

Баребина Н.С., Бреева А.П., Глызина В.Е., Косяков В.А. К вопросу о лингвокультурной обусловленности техногенных стереотипов // Филология: научные исследования. 2024. № 1. DOI: 10.7256/2454-0749.2024.1.69637 EDN: EDFSLO URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69637

К вопросу о лингвокультурной обусловленности техногенных стереотипов

Баребина Наталья Сергеевна

ORCID: 0000-0001-5883-6773

доктор филологических наук

доцент, кафедра "Иностранные языки", Иркутский государственный университет путей сообщения
664074, Россия, Иркутская область, г. Иркутск, ул. Чернышевского, 15

✉ svirel23@rambler.ru**Бреева Анна Павловна**

старший преподаватель, департамент гуманитарных наук, Байкальский институт БРИКС; Иркутский национальный исследовательский технический университет
664074, Россия, Иркутская область, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83

✉ annabreeeva@mail.ru**Глызина Вера Евгеньевна**

ORCID: 0009-0004-2445-7547

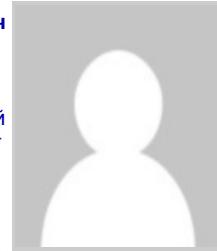
кандидат филологических наук

доцент, кафедра иностранных языков для профессиональных целей, Байкальский государственный университет
664003, Россия, Иркутская область, г. Иркутск, ул. Ленина, 11

✉ GlyzinaVE@bgu.ru**Косяков Виталий Александрович**

кандидат филологических наук

доцент, департамент гуманитарных наук, Байкальский институт БРИКС, Иркутский национальный исследовательский технический университет
664074, Россия, Иркутская область, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83

✉ irkutvital@yandex.ru[Статья из рубрики "Лингвистика"](#)**DOI:**

10.7256/2454-0749.2024.1.69637

EDN:

EDFSLO

Дата направления статьи в редакцию:

21-01-2024

Аннотация: Объект исследования – фрагменты непрофессионального дискурса об искусственном интеллекте и новых технологиях, выражающие антипатию. Предмет исследования – оценочные и эмоциональные суждения о технологиях и формы их языковой объективации, закрепленной в дискурсе как продукте лингвокультуры. Авторы рассматривают вопрос пессимистического восприятия технологического прогресса в западном обществе. Продуктивным способом исследования этого вопроса является стереотип как когнитивно-языковой феномен. Принималось, что стереотипы играют особую роль, представляя общие особенности национальных, социальных и других черт характера человека. Авторы обобщают данные о функциях стереотипов и приходят к выводу о том, что одной из главных его функций является ориентирующая функция, в связи с чем стереотип может побудить человека к принятию решений, которые противоречат его собственным интересам. В работе были использованы общенаучные методы: наблюдение, анализ, интроспекция, сравнение, лингвистические методы: анализ словарных дефиниций, описательно-интерпретативный метод, метод дискурсивного анализа, который представлен объектным (или тематическим) подходом к интерпретации дискурса. Данный метод, в сочетании с приемами текстовой разметки и методом сплошной выборки, позволил выявить значимые для анализа фрагменты дискурса. Материалом исследования послужили тексты новостных агрегаторов The Guardian, The New York Times, материалы журналов MIT Technology Review и Neuroscience News на английском языке. Выводы работы состоят в том, что техногенные стереотипы в английском дискурсе имеют мифологический базис в виде религиозных мотивов и специфических лингвокультурных образов. Это контрастирует с рационально-критическим взглядом на информационно-технологические инновации. К промежуточным выводам следует отнести вывод о роли медиа, СМИ, социальных сетей, которые являются ключевым актором дискурса ажиотажа о технологической экспансии. Новизна исследования заключается в том, что выделен новый участок общественной дискуссии, который рассмотрен в свете данных об ориентирующей функции стереотипа, что требует научной рефлексии со стороны специалистов из разных областей.

Ключевые слова:

стереотип, техногенный стереотип, технофобия, дискурс, мифологическое мышление, искусственный интеллект, роботы, религия, лингвокультура, критическое мышление

Введение. Технологические инновации составляют неотъемлемую часть современности, однако восприятие новых технологий в разных социумах еще мало изучено. Взаимодействие человека с технологиями описывается в литературе в широком спектре явлений от технофобского эскапизма и неолуддизма до сотрудничества. Пока наиболее исследованным вопросом, связанным со степенью принятия технологий в обществе, является возрастной и профессиональный факторы [7; 15]. Нельзя отрицать того, что

технофобские настроения с одной стороны исключают из активной жизни целые слои общества, а с другой – тормозят ответственное применение новых технологий, что тоже бессмысленно. Технологии представляют собой область, в большой степени подверженную предрассудкам и стереотипам. Целью статьи является анализ роли стереотипа в формировании технофобий и рассмотрение вопроса о том, прослеживается ли корреляция между лингвокультурой и техногенными стереотипами. Изложение мы дополним новыми данными из лингвистического понимания ориентирующей функции стереотипа как когнитивно-языкового феномена.

Стереотип как механизм ориентирующего воздействия в социуме. Природа стереотипа зависит от понимания и интерпретации человеком окружающего мира. Стереотипы существуют в силу того, что они способны удовлетворять психологическую потребность экономить познавательные усилия, сокращая процесс познания и, упрощая до простых и понятных сложные явления и феномены. В изложении В. А. Косякова, использование стереотипов в виде шаблонов дают человеку возможность почувствовать себя членом социально-культурной группы. Необходимо отметить, что стереотип часто не отвечает требованию точности и дифференцированности восприятия личностью той социальной действительности, в которой она находится, давая ей возможность резко сократить время реагирования на изменяющуюся реальность. Поддержание определенных стереотипов является необходимым условием для функционирования общества [4].

Несмотря на то, что единой классификации стереотипа в современных гуманитарных науках пока не существует, ученые пришли к единому мнению, что это механизм категоризации человеческого опыта. Человек при рождении не ассоциирует себя с определенной этнической группой, а становится русским, немцем и т.д., пребывая в той или иной национальной среде. Через воспитание и язык ребенок получает представление о мире и обществе, морали, поведении, системе ценностей той культуры, членом которой он стал [8]. В языке отражаются культурные особенности многочисленных этносов, национальностей, народов. Именно язык формирует для человека ту среду обитания, в которой он может существовать как личность [2]. Именно языковая деятельность формирует определенные стереотипы, которые личность впоследствии воспринимает как истинно верные и будет руководствоваться ими при встрече с объектами действительности. На сегодняшний день наиболее изученными являются этнические стереотипы, поскольку они составляют самосознание и менталитет нации и имеют выраженную связь с национальным характером.

В своей работе мы рассматриваем стереотип с точки зрения био-когнитивной теории языка, которая была разработана во второй половине двадцатого века биологами У. Матураной и Ф. Варелой [6]. Широкое распространение данная теория получила в и других науках, в том числе в лингвистике. Био-когнитивная теория рассматривает язык как биологическую особенность человека как вида, основная функция которого направлена на то, чтобы повлиять на других членов социума с целью изменить их поведение и обеспечить наиболее комфортные условия для своего выживания. В таком контексте на первый план выходит не функция категоризации человеческого опыта, а ориентирующая функция: поскольку язык является важнейшим связующим звеном между людьми, воздействуя или изменяя его, можно оказать эффективное ориентирующее воздействие не только на отдельных людей, но и на общество в целом.

Мифологическое мышление и дискурс о роботах. Для того, чтобы понять ориентирующую суть стереотипа, целесообразно обратиться к мифологическому

мышлению. Но сразу оговоримся, что мы не рассматриваем вопрос о соотношении мифа и стереотипа, понимая, что такой сложный вопрос следует изучить в рамках отдельной статьи. Речь идет именно о мифологическом мышлении, которое противопоставлено мышлению логическому и рациональному. Мифологическое мышление отличается от научного с точки зрения критического осмысления, сравнения и оценки множественных источников информации. В целом, такой тип мышления представляет собой эффективный познавательный процесс, объясняющий все многообразие окружающего нас сложного мира. В частности, он базируется на системе стереотипов.

В разделе мы рассмотрим, как представлены те или иные стереотипы о технологических рисках в языковом поле; для этого мы задействуем лингвистический конструкт дискурс. Одним из наиболее обсуждаемых вопросов и стимулом для необоснованной технофобии сегодня является вопрос искусственного интеллекта и роботов. Искусственный интеллект наиболее часто сопровождается стереотипами и неправильными представлениями, которые искажают его реальные возможности. По данным независимого научного журнала *Neuroscience News*, существует три категории страхов, связанных с искусственным интеллектом:

- потеря контроля (этот стереотип связан с представлением, что искусственный интеллект стать угрозой для человечества, так как роботы получат контроль над технологиями);
- утрата конфиденциальности (использование открытых данных, нарушение приватности, хранения, а также продажа и обмен персональной информацией о действиях человека);
- кризис человеческой ценности (этот стереотип подразумевает, что техника может стать умнее человека, системы искусственного интеллекта станут способны выполнить все задачи и функции, которые раньше выполнялись только людьми) [\[14\]](#).

Имеются обстоятельные и аргументированные опровержения специалистов. Например, И.М. Дзялошинский в ходе детального анализа особенностей интеллекта человека и интеллекта сложных компьютерных систем доказывает, «что человеческий интеллект представляет собой продукт многотысячелетней истории развития и взаимодействия сложных процессов (развитие личности, сложные отношения внутри социального сообщества, совместная деятельность людей), тогда как искусственный интеллект лишь имитирует когнитивные процессы человека, следовательно, за все, что делает искусственный интеллект, отвечают люди» [\[3\]](#). Несмотря на мнения специалистов, стереотипы о технологических угрозах удивительно живучи.

Известен случай, описываемый в статье О. Шварца, о том, как исследователи, изучающие коммуникацию ботов (bot сокр. от англ. robot), обнаружили странную фразу "*Balls have zero to me to*". Для специалистов эта фраза не являлась чем-то нестандартным, она показывала, что не было включено некоторое ограничение. СМИ и лидеры общественного мнения, напротив, интерпретировали этот случай как то, что роботы создали свой язык общения. Американский журнал и веб-сайт о бизнесе и инновациях *Fast Company* опубликовал статью "AI Is Inventing Language Humans Can't Understand. Should We Stop It?" [\[18\]](#). Материал статьи, в котором говорилось, что боты время от времени отклоняются от стандартного английского языка, и болтают на своем языке, имел виральный потенциал, который реализовался в Сети в виде контента вокруг искусственного интеллекта, его развития и выхода из-под контроля.

Можно сказать, что вокруг искусственного интеллекта сложился своеобразный дискурс ажиотажа. По мысли авторов монографии "Wording Robotics", дискурсы о роботах играют роль в том, какой разрыв сейчас существует между технологиями и теми интеллектуальными конструкциями, какими их видит общество [19]. Дискурсивными маркерами являются фразы типа "AI apocalypse", "artificial brains", "artificial superintelligence" and "creepy Facebook bot AIs". Еще до появления действующей модели искусственного интеллекта, этот вопрос интересовал писателей-фантастов и кинорежиссеров, одним из первых фильмов на эту тему был "2001: A Space Odyssey", вышедший на экраны в 1968 году. За ним последовали: "Blade Runner", "Terminator", "Matrix", "Alien", где действующими персонажами являлись человекоподобные роботы или искусственный интеллект, с далеко не всегда предсказуемым поведением. В пессимистическом ключе этого дискурса, робототехника – что-то чужое, далекое от жизни, неизвестное, фантастическое, сильно отличающееся от привычного, это дискурс о противоположности человека и робота [13].

Сделаем небольшую ретроспекцию в вопрос стереотипа об интеллекте компьютеров. Преувеличенные заявления об опасностях были задолго до появления «умных» компьютеров. Известно, что англоязычная культура наделяет роботов антропными свойствами. Об этом можно судить по анекдотам о роботах, которые ходят в школу: общаются со своими девушкиами, умирают (примеры 1-3):

(1) *Griffin: Why did the robot go back to robot school?*

Brent: Tell me.

Griffin: Because his skills were getting a little rusty!

(2) *Billy: What did the man say to his dead robot?*

Bob: What?

Billy: "Rust in peace."

(3) *Jack: What did the robot say to his girlfriend?*

Ben: Beats me.

Jack: I'm sparking all over you! [16].

Однако, как показывает исследование М. Л. Лисецкого и А. Л. Сопиной, в англоязычном публицистическом дискурсе появляются «конкурирующие концептуальные метафоры: ROBOT IS SERVANT, ROBOT IS FRIEND, ROBOT IS ENEMY, что говорит о неопределенности позиций общества по отношению к роботам в целом» [5, с. 29].

Приведем мнение Ж. Белл о том, что спекулятивные заявления о вредоносности искусственного интеллекта и ботов происходят из-за того, что в публикациях рассматриваются не столько технологии, внимание к которым весьма поверхностное, сколько наши культурные надежды и тревоги [9]. Эту идею более тридцати лет назад высказал Ф. Л. Шодт, анализируя роль робототехники в японской культуре и предположив, что стремление внедрить роботизированные системы повсюду имеет квазирелигиозные основания [17]. Это мнение разделяют и современные исследователи, отмечая, что японская культура имеет совершенно другое отношение к технологиям, и, в частности, к роботам. Так, Х. Найт утверждает, что корень «синдрома Терминатора», а

также разница между отношением японцев и американцев к роботам коренится в чем-то гораздо более древнем, чем сама идея роботов [11, p. 7]. С. Мимз фиксирует вывод о фундаментально разных статусах искусственных помощников в двух культурах: если для японцев робот – это миловидный и доброжелательный помощник, то для американцев – опасная конструкция [12]. Дж. Ито также объясняет это в контексте религии в дихотомии «христианство – буддизм», где последняя более способствует вере в гармоничное сосуществование [10].

Обобщив взгляды авторов на то, как влияет религиозный контекст на отношение к технологиям в разных культурах, отметим, что речь идет о том, что анимизм, присущий синтоистской вере и в последующем – буддизму, соотносится с представлением о том, что все объекты имеют дух, в том числе искусственные объекты, созданные человеком. Эта сторона религиозной мысли влияет на отношение японцев к природе и духовному существованию. Считается, что духи существуют во всех предметах, они всегда наделяются сознанием, волей и другими человеческими свойствами, к ним следует относиться уважительно.

Монотеистические религии, напротив, придерживаются доктрины, согласно которой только Бог может дать жизнь, а любой человек, вдыхающий жизнь в неодушевленный предмет, уподобляет себя Создателю. Возвысившись, человек пытается противопоставить себя Господу, что в постулатах христианства, является одним из смертных грехов.

Расширяют наше понимание культурных различий в восприятии технологий и данные из области мифологичности мышления, связанные с концепцией культурного героя. Так, Дж. Ито приводит в пример супергероя *Astro Boy* или *Tetsuwan Atom* (androид, живущий вместе с людьми), который стал частью культуры для поколения японцев [10]. Р. Айлет продолжает эту мысль и высказывает свою точку зрения о том, что в западной культуре идея о враждебности роботов связана с «унаследованной западным обществом идеей гибисса», высокомерием в попытке превзойти богов, наглядным примером этого является образ монстра, созданного доктором Франкенштейном, история о котором стала лейтмотивом для многих рассказов о роботах [11].

Основные результаты. Как видим, техногенные стереотипы, на первый взгляд странные и поверхностные, имеют мифологический базис, который позволяет членам лингвокультурного сообщества взаимодействовать с технологическим объектом, полагаясь не на собственный опыт, а на опыт языковых взаимодействий носителей языка, то есть на образы, услышанные от родителей или друзей, смыслы, проявляющиеся в религиозных верованиях, истории, заимствованные из книг, газет и телепередач. На примере двух лингвокультур мы показали разную мифологию техногенных стереотипов.

Ориентирующий стереотип выступает в качестве механизма воздействия, поскольку личность ориентируется не на собственный опыт и критическое мышление, а полностью подчиняется тем образам, которые сформированы опосредованно, с помощью языка.

Заключение. В настоящей статье нами было рассмотрено явление стереотипа как когнитивно-языкового феномена. В лингвистическом плане стереотипы характеризуются устойчивыми описаниями стереотипируемого объекта или ситуации, которые состоят из ее речевого портрета, описания действий, типичных диалогов, сценариев и т.п. Изучив и проанализировав англоязычный дискурс, в котором выражены тревожные умонастроения

об искусственном интеллекте и технологиях как об опасности для человечества, приходим к выводу, что в английском языке эксплицируется идея, которая отличается от восточного понимания внедрения новых технологий. Очевидно, что западная (так же, как и восточная) точка зрения на риски, связанные с возможным негативным сценарием, не основана на аналитико-критических суждениях, а укоренена в лингвокультурном сообществе в виде системы стереотипов. Благодатной почвой для закрепления стереотипов являются медиаплатформы, пресса, социальные сети, которые дают продуманную и эмоционально окрашенную информацию, дополняя ее нужными комментариями, формируя тем самым определенный стереотип. Такой стереотип не позволяет применять индивидуальные установки и, подменяя феноменологический опыт, становится мнением общества, которое, ориентируясь на определенную языковую политику, может предсказывать и даже управлять поведением людей, оказывая эффективное ориентирующее воздействие. Информационно-экологические вопросы все чаще волнуют исследователей, теоретиков и практиков из различных стран и культур, принимается, что какие-либо стратегии алармизма в этом вопросе являются малопродуктивными. Считаем, что настало время для упорядоченной дискуссии о том, что мы можем, и что не можем изменить, и как человечество может исправить сложившуюся ситуацию.

Библиография

1. Айлетт Р., Шарки Н., Варгас П. Жизнь с роботами. Что нужно знать каждому беспокоящемуся человеку; пер. И. Д. Голыбина. М.: АСТ. 2022. 288с.
2. Гумбольдт В. Избранные труды по языкоznанию. М. : Прогресс, 2000. 400 с.
3. Дзялошинский И. М. Когнитивные процессы человека и искусственный интеллект в контексте цифровой цивилизации. М. : Ай Пи Ар Медиа, 2022. 538 с.
4. Косяков В. А., Николаева Н. Н., Шастина И. А. Ориентирующая функция языка. Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2011. 317 с.
5. Лисецкий М.Л., Сопина А.Л. Персонификация роботов в публицистическом дискурсе: friend or foe // Актуальные проблемы языкоznания. 2019. Т. 1. С. 29–34.
6. Матурана У. Р, Варела Ф. Х. Древо познания. М. : Прогресс-Традиция, 2001. 223 с.
7. Моторина И.Е., Акимова И.А., Кондаурова К.И., Малолетнева И.В. Технофобия как реальность современного мира // МНИЖ. 2021. № 4–3 (106). С. 159–164.
8. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. М. : Слово, 2000. 624 с.
9. Bell G. No More SMS from Jesus: Ubicomp, Religion and Techno-spiritual Practices // UbiComp 2006: Ubiquitous Computing. UbiComp 2006. Lecture Notes in Computer; P. Dourish, A. Friday (eds). Vol 4206. Springer, Berlin, Heidelberg. 2006. Pp 141–158.
https://doi.org/10.1007/11853565_9
10. Ito J. Why Westerners Fear Robots and the Japanese Do Not // Wired. July, 2018.
URL: https://www.wired.com/story/ideas-joi-ito-robot-overlords/?mbid=social_twitter_onsiteshare
11. Knight H. How Humans Respond to Robots: Building Public Policy through Good Design // The project of Civilian Robotics. Brookings. 2014. URL:
<https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2014/07/humanrobot-partnershipsr2.pdf>
12. Mims C. Why Japanese Love Robots (And Americans Fear Them) // MIT Technology Review. October 12, 2010. URL:
<https://www.technologyreview.com/2010/10/12/120635/why-japanese-love-robots-and-americans-fear-them/>

13. Mori M. The Uncanny Valley: The Original Essay // Robotics & Automation magazine. 2017. URL: <https://web.ics.purdue.edu/~drkelly/MoriTheUncannyValley1970.pdf>.
14. Neuroscience News Communications. Artificial Intelligence, and Our Fears: A Journey of Understanding and Acceptance Featured // Neuroscience. June 23, 2023. URL: <https://neurosciencenews.com/artificial-intelligence-fear-neuroscience-23519/>
15. Nyholm S. A new control problem? Humanoid robots, artificial intelligence, and the value of control // AI and Ethics. 2022. 3(4):1-11. Pp. 1229–1239.
DOI:10.1007/s43681-022-00231
16. Robot jokes. URL: <https://scoutlife.org/about-scouts/merit-badge-resources/robotics/19223/robot-jokes/>
17. Schodt F. L. Inside the Robot Kingdom: Japan, Mechatronics and the Coming Robotopia. Tokio, New York: Kodansha International Inc. 1990. 256 p.
18. Wilson M. AI Is Inventing Language Humans Can't Understand. Should We Stop It? // Fast Company. 30 Sept. 2017. URL: <https://www.fastcompany.com/90132632/ai-is-inventing-its-own-perfect-languages-should-we-let-it>
19. Wording Robotics: Discourses and Representations on Robotics; J.-P. Laumond, E. Danblon, C. Pieters (eds.). Springer, 2019. 168 p.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «К вопросу о лингвокультурной обусловленности техногенных стереотипов», предлагаемая к публикации в журнале «Филология: научные исследования», несомненно, является актуальной, ввиду обращения автора к изучению культурных особенностей стереотипов в языковом дискурсе.

Целью статьи является анализ роли стереотипа в формировании технофобий и рассмотрение вопроса о том, прослеживается ли корреляция между лингвокультурой и техногенными стереотипами. Изложение мы дополним новыми данными из лингвистического понимания ориентирующей функции стереотипа как когнитивно-языкового феномена.

В рецензируемой работе автор рассматривает стереотип с точки зрения био-когнитивной теории языка, которая была разработана во второй половине двадцатого века биологами У. Матураной и Ф. Варелой

Отметим наличие сравнительно небольшого количества исследований по данной тематике в отечественной филологии. Статья является новаторской, одной из первых в российской лингвистике, посвященной исследованию подобной проблематики. В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы. В статье используются в том числе общелингвистические методы наблюдения и описания, а также методы дискурсивного и когнитивного анализа, семиотическая методика и методика моделирования языка. Теоретические измышления проиллюстрированы языковыми примерами на английском языке, а также представлены убедительные данные, полученные в ходе исследования. Однако автор не приводит данных какой языковой корпус исследования, принципы и методологию осуществленной выборки.

Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного

исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. Отметим, что заключение требует усиления, оно не отражает в полной мере задачи, поставленные автором и не содержит перспективы дальнейшего исследования в русле заявленной проблематики.

Библиография статьи насчитывает 19 источников, среди которых представлены работы как на русском языке, так и иностранном. Высказанные замечания не являются существенными и не умаляют общее положительное впечатление от рецензируемой работы. К сожалению, в статье отсутствуют ссылки на фундаментальные работы, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации. Опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности в тексте работы не обнаружены. В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым, понятным для читателя языком. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в процессе преподавания вузовских курсов по теории текста, стилистике и русской литературе, а также курсов по междисциплинарным исследованиям, посвящённым связи языка и общества. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «К вопросу о лингвокультурной обусловленности техногенных стереотипов» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Сивцева Н.А. Бытийные конструкции в якутском языке: модель каузации начала существования // Филология: научные исследования. 2024. № 1. DOI: 10.7256/2454-0749.2024.1.69520 EDN: EDOQVB URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69520

Бытийные конструкции в якутском языке: модель каузации начала существования

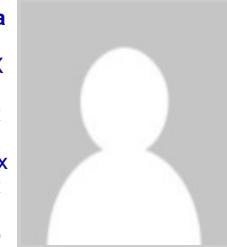
Сивцева Наталия Александровна

ORCID: 0000-0001-5569-022X

кандидат филологических наук

старший научный сотрудник, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук

677027, Россия, республика Саха (Якутия), г. Якутск, ул. Петровского, 1, каб. 205

✉ sivna@mail.ru

[Статья из рубрики "Лингвистика"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2024.1.69520

EDN:

EDOQVB

Дата направления статьи в редакцию:

09-01-2024

Аннотация: Статья посвящена исследованию моделей бытийных конструкций в якутском языке. В ней рассматривается модель каузации начала существования в соответствии с принципами функционально-семантического анализа. Актуальность данной статьи обусловлена современными подходами в изучении якутского языка как системы, представленной разноуровневыми средствами ее выражения. Предложение, как основная синтаксическая единица, отображается в модели, "объединяющей инварианты минимальных структурных схем, обеспечивающих завершенность предложения, и соотнесенные с ними обобщенные пропозиции". Структурная схема модели каузации начала существования в якутском языке состоит из субъекта, объекта и предиката экзистенциального типа, выраженного глаголами начальной фазы бытия, существования. Типовое значение модели – «давать (дать) начало какому-либо событию, явлению, способствовать появлению, возникновению кого-чего-либо». Основу данного исследования составляет функционально-семантический подход в

изучении явлений языка, предполагающий целостную организацию универсальных семантических категорий. В исследовании применены метод сплошной выборки при формировании материала из лексикографических источников, метод моделирования, метод глоссирования для представления иллюстративного материала. Новым является представление модели каузации начала существования как составляющей функционально-семантического поля бытийности в якутском языке. Выявлено, что субъект и объект рассматриваемой модели могут быть изложены именем существительным, местоимением, обозначающими одушевленное либо неодушевленное лицо. В соответствии с формами субъекта и объекта, входящих в структурный состав указанной модели, определены варианты ее структурного типа. Установлено, что в данной модели в качестве предиката могут быть такие глаголы бытия как төрүттээ 'основывать, создавать что-либо; начинать что-либо, приступать к чему-либо', олохтоо 'заселять, поселять, вселять; устанавливать; обосновывать', са□алаа 'приступать к какому-либо действию; начинать', терэт 'рождать, рожать, родить, производить на свет'.

Ключевые слова:

функциональная грамматика, категория, бытийность, семантика, функция, модель, конструкция, глагол, средство, якутский язык

Введение. Предложение, как основная синтаксическая единица, выражается в модели. Модель – это образец, объединяющий инварианты минимальных структурных схем, обеспечивающих завершенность предложения, и соотнесенные с ними обобщенные пропозиции [11, с. 64-76; 17, с. 56-61; 18, с. 6; 19, с. 46-57]. В данной статье, основанной на положениях теоретических исследований, посвященных бытийным синтаксическим единицам [1, с. 229-238; 2, 198 с.; 9, 25 с.; 10, с. 149-154; 15, с. 26 с.; 20, с. 78-81; 21, с. 203-206; 22, 22 с.; 23, с. 115-123], рассматривается одна из моделей бытийных конструкций как конституент соответствующего функционально-семантического поля в якутском языке. Целью этой статья является представление модели каузации начала существования в соответствии с принципами функционально-семантического анализа. Актуальность данной статьи обусловлена современными подходами в изучении якутского языка как системы, представленной разноуровневыми средствами ее выражения. Основу данного исследования составляет функционально-семантический подход в изучении явлений языка, предполагающий целостную организацию универсальных семантических категорий, представлена их определенным содержанием и средствами выражения [3, с. 52-53; 4, 208 с.]. В исследовании применены метод сплошной выборки при формировании материала из лексикографических источников, метод моделирования, метод глоссирования для представления иллюстративного материала. Статья является продолжением изысканий, посвященных изучению глаголов бытия в якутском языке, их текстообразующей функции [12, 13, 14]. В исследовании впервые рассматривается модель каузации начала существования в соответствии с принципами функционально-семантического анализа.

Модель каузации начала существования. Типовое значение модели – «давать (дать) начало какому-либо событию, явлению, способствовать появлению, возникновению кого-чего-либо» [5, с. 366]. В состав модели входят следующие компоненты: 1) субъект; 2) объект; 3) предикат экзистенциального типа, выраженный глаголами начальной фазы бытия, существования. Субъект в указанной модели может быть выражен именем

существительным или местоимением в основном падеже, объект – именем существительным или местоимением в винительном падеже, предикат – глаголом бытия, обозначающим начальную фазу бытия, существования.

Структурная схема модели выглядит следующим образом:

N(PRON) N-ACC(PRON-ACC) Vex,

где N – имя существительное в основном падеже, PRON – местоимение в основном падеже, N-ACC – имя существительное в винительном падеже, PRON-ACC – местоимение в винительном падеже, Vex – глагол бытия.

В рассматриваемой модели в качестве предиката могут быть глаголы: *төрүттээ* 'основывать, создавать что-либо; начинать что-либо, приступать к чему-либо', *олохтоо* 'заселять, поселять, вселять; устанавливать; обосновывать', *са□алаа'* приступать к какому-либо действию; начинать', *төрөт* 'рождать, рожать, родить, производить на свет'. Субъект и объект могут быть изложены именем существительным, местоимением, обозначающими одушевленное либо неодушевленное лицо.

Структурные типы модели каузации начала существования. В соответствии с формами субъекта и объекта, входящих в состав рассматриваемой модели, ее варианты подразделяются на следующие структурные типы:

1) N N-ACC Vex, где N – имя существительное в основном падеже, N-ACC – имя существительное в винительном падеже, Vex – глагол бытия. Пример:

Маннык бынныы кытаанах үгэх-и олохтоо-то

Подобный обстоятельство строгий привычка-ACC обосновать-PRET-3SG

'Подобное обстоятельство обосновало строгую привычку'.

2) N PRON-ACC Vex, где N – имя существительное в основном падеже, PRON-ACC – местоимение в винительном падеже, Vex – глагол бытия. Пример:

Дъахтар кини-ни төрө-п-пүт-э

Женщина он (она)-ACC родить-CAUS-NPST-3SG

'Женщина родила его (её)'.

3) PRON N-ACC Vex, где PRON – местоимение в основном падеже, N-ACC – имя существительное в винительном падеже, Vex – глагол бытия. Пример:

Кини утуө бынныы-ны төрүттээ-бит-э

Он (она) добрый обычай-ACC основать-NPST-3SG

'Он основал добрый обычай'.

4) PRON PRON-ACC Vex, где PRON – местоимение в основном падеже, PRON-ACC местоимение в винительном падеже, Vex – глагол бытия. Пример:

Кини биниги-ни төрө-п-пүт-э

Она мы-ACC родить-CAUS-NPST-3SG

'Она родила нас'.

К указанным структурным типам модели каузации начала существования формально можно отнести и варианты, в которых субъект и объект излагаются субстантивированным именем прилагательным, причастием. Подобные варианты не являются активно употребляемыми в якутском языке, их применение допустимо лишь в узко контекстуальном аспекте. В рассматриваемой модели и ее структурных типах субъект всегда представлен в форме основного падежа во множественном или единственном числе. Объект, выражаемый в ее вариантах в форме винительного падежа во множественном или единственном числе, в некоторых случаях понимается как определенный, с указанием конкретного выделения [2, с. 133], иногда может восприниматься как неопределенный, когда существительное обозначает предмет в обобщенно-родовом значении.

Глагол в моделях каузации начала существования. Базовыми глаголами лексико-семантической группы глаголов, обозначающей начальную фазу бытия, существования, являются глаголы төрүттээ 'основывать, создавать что-либо; начинать что-либо, приступать к чему-либо', олохтоо 'заселять, поселять, вселять; устанавливать; обосновывать', са□алаа'приступать к какому-либо действию; начинать', төрөт 'рождать, рожать, родить, производить на свет'.

Конструкции с глаголом бытия төрүттээ 'основывать, создавать что-либо; начинать что-либо, приступать к чему-либо' используются в значении 'положить начало чему-либо, основать, создать что-либо' [7, с. 567]:

Күрэнчэ Боотур оболоро ууhaан-тэнийэн, Өргүет нэhилиэгин төрүттээбittэрэ

Күрэнчэ Ботур ребенок-POSS.3PL размножиться-CVB.PAST распространиться- CVB.PAST Ергет наслег-POSS.3SG-ACC основать-NPST-3PL

'Дети Күрэнчэ Ботура, размножаясь-распространяясь, основали Ергетский наслег'.

Конструкции с глаголом бытия олохтоо 'заселять, поселять, вселять; устанавливать; обосновывать' используются в следующих значениях [7, с. 559-560]:

ЛСВ1: 'заселять; вселять, поселять, размещать, определить место для проживания', например:

Омо□ой Баай уолун Эллэй уолаттара көйгөлөөн, илин булт сиригэр Аллан үрэ□э олохтууллар

Омогой Баай сын-POSS.3SG Эллэй уол-PL-POSS.3SG притеснять-CVB.PAST, восток охота земля-POSS.3SG-DAT Аллан речка-POSS.3SG-DAT олохтоо-PRES-3PL

'Сыновья Элляя, притесняя сына Омогой Бая, поселили на восточных охотничьих землях, на речке Аллан'.

ЛСВ2: 'помочь кому-л. обзавестись семьей, хозяйством'. Пример:

Оболорбутун дьиэ-үот тэрийэн олохтуохпут

Ребенок-POSS.3PL-ACC дом-очаг организовать-CVB.PAST обосноваться-FUT-3PL

'Организовав дом-очаг, поможем обосноваться нашим детям'.

ЛСВ3: 'устанавливать, организовывать что-либо':

Биниги тэрилтэбитин 1935 сүллаахха олохтообуттара

Мы организация-3PL-ACC 1935 год-PROPR-DAT основать-NPST-3PL

‘Нашу организацию основали в 1935 году’.

ЛСВ4: ‘основать’. Пример:

Хара тордох буруу тыннаах собуоттардаах Баараатай куораттары олохтоотубут

Черный копоть дым дух-PROPR завод-PL-PROPR громадный город-PL-ACC основать-PRET-3PL

‘Основали громадные города с заводами с духом черной копоти, дыма’.

Конструкции с глаголом бытия *саҗалаа* используются в значении ‘приступать к какому-либо действию; начать, начинать’ [\[6, с. 134\]](#):

Эн муннъабы саҗалаа

Вы собрание-ACC начать-PRES-2SG

‘Вы начинайте собрание’;

Эн аабаргын саҗалаа

Вы читать-PRES-POSS.2SG-ACC начать-PRES-2SG

‘Вы начинайте свое чтение’.

В некоторых случаях при помощи глагола *саҗалаа* в значении ‘начинать действие с кого-чего-либо или откуда-либо’ передается ситуация каузации начала действия с определенного места, времени, предмета или понятия:

Үлэбинн аантан саҗалаа

Работа-POSS-2SG дверь-ABL начать-PRES-2SG

‘Начни свою работу с двери’;

Үлэбинн судургуттан саҗалаа

Работа-POSS-2SG простой-ABL начать-PRES-2SG

‘Начни свою работу с простого’;

Үлэбинн үс чаастан саҗалаа

Работа-POSS-2SG три час-ABL начать-PRES-2SG

‘Начни свою работу с трех часов’;

Үлэбинн сана сирэйтэн суруйан саҗалаа

Работа-POSS-2SG новый страница-ABL начать-PRES-2SG

‘Начни писать свою работу с новой страницы’;

Үлэбинн эбэрдэттэн саҗалаа

Работа-POSS-2SG поздравление-ABL начать-PRES-2SG

'Начни свою работу с поздравления'.

Конструкции с глаголом бытия төрөт 'рождаться, рожать, родить, производить на свет' встречаются в следующих значениях [7, с. 559-560]:

ЛСВ1: 'произвести на свет, родить кого-либо (о женщине, самках животных)':

Ыт тиэтэй-эн-тиэтэй-эн икки хараба суюх обо-ну төрө-төр

Собака торопиться-CVB.PAST-торопиться-CVB.PAST два глаз-POSS.3SG ребенок-ACC родить-CAUS-PRES-3SG

'Собака, торопясь-торопясь, рожает слепого щенка'.

Кини уон икки обо-ну төрө-т-тө

Она двенадцать ребенок-ACC родить-CAUS-PRET-3SG

'Она родила двенадцать детей'.

Кыыс-тара кыыс обо-ну төрө-п-пут

Дочь-POSS.3PL дочь ребенок-ACC родить-CAUS-NPST-3SG

'Их дочь родила девочку'.

ЛСВ2: 'давать начало возникновению, зарождению чего-либо, создавать что-либо (о мысле, чувстве, явлении)':

Таптал төрөтөр бары ырааны, Таптал төрөтөр бары улууну

Любовь родить-CAUS-PRES-3SG все чистота-ACC, Любовь родить-CAUS-PRES-3SG великий-ACC

'Любовь рождает все чистое, Любовь рождает все великое'.

Күнгүйн күнгүйн төрөтөр

Плохое плохое-ACC родить-CAUS-PRES-3SG

'Плохое рождает плохое'.

«Кыңыл Ойуун» ситэ өйдөммөккө, элбэх мөккүөрү, сыйха-халты санаалары, сыналары төрөллүтэ

«Красный Шаман» до конца понять-PASS-INF.NEG много спор-ACC ошибка-неверность мысль-PL-ACC суждение-PL-ACC родить-CAUS-NPST-3SG

'«Красный Шаман», будучи до конца не понятым, породило много споров, ошибочных-неверных мыслей, суждений'.

Таким образом, глагол төрүттээ 'основывать, создавать что-либо; начинать что-либо, приступать к чему-либо' обозначает ситуацию каузации начала существования в значении 'положить начало чему-либо, основать, создать что-либо'. Глагол олохтоо 'заселять, поселять, вселять; устанавливать; обосновывать' выражает указанную ситуацию в трех лексико-семантических вариантах: 1) 'заселять; вселять, поселять,

размещать, определить место для проживания'; 2) 'устанавливать, организовывать что-либо'; 3) 'основать'. Ситуация каузации начала существования обозначается глаголом *са_{II}алаа* в следующих двух значениях: 1) 'приступать к какому-либо действию; начать, начинать'; 2) 'начинать действие с кого-чего-либо или откуда-либо'. Глагол *төрөт* 'рождать, рожать, родить, производить на свет' представляет форму побудительного залога от глагола *төрөө* 'рожать, родиться, появляться, возникать' с аффиксом -т, обозначающим действие, побуждаемое или допускаемое грамматическим субъектом со стороны другого действующего лица [8, с. 254-255; 13]. В значении данного залога подразумевается наличие двух субъектов действия, один из которых является непосредственным исполнителем (логическим субъектом), другой – субъектом грамматическим (подлежащим предложения) и связан со значением аффикса побудительного залога [16, с. 62]. Глагол *төрөт* 'рождать, рожать, родить, производить на свет' обозначает ситуацию каузации начала существования в двух значениях: 1) 'произвести на свет, родить кого-л. (о женщине, самках животных)'; 2) 'давать начало возникновению, зарождению чего-л., создавать что-л. (о мысле, чувстве, явлении)'.

Заключение. Модель каузации начала существования с типовым значением «давать (дать) начало какому-либо событию, явлению, способствовать появлению, возникновению кого-чего-либо» [5, с. 366] в якутском языке состоит из субъекта, объекта и предиката экзистенционального типа, выраженного глаголами начальной фазы бытия, существования. В рассматриваемой модели в качестве предиката могут быть такие базовые глаголы, представляющие подгруппу каузации начала существования лексико-семантической группы глаголов бытия в якутском языке, как *төрүттээ* 'основывать, создавать что-либо; начинать что-либо, приступать к чему-либо', *олохтоо* 'заселять, поселять, вселять; устанавливать; обосновывать', *са_{II}алаа'* 'приступать к какому-либо действию; начинать', *төрөт* 'рождать, рожать, родить, производить на свет'. Субъект и объект могут быть изложены именем существительным, местоимением, обозначающими одушевленное либо неодушевленное лицо. В соответствии с формами субъекта и объекта, входящих в состав рассматриваемой модели, ее варианты подразделяются на 4 структурных типа. Выявлено, что в рассматриваемой модели и ее структурных типах субъект всегда представлен в форме основного падежа во множественном или единственном числе. Объект, выражаемый в ее вариантах в форме винительного падежа во множественном или единственном числе, в некоторых случаях понимается как определенный, с указанием конкретного выделения, либо как неопределенный, когда существительное обозначает предмет в обобщенно-родовом значении.

Условные обозначения

2 – второе лицо, 3 – третье лицо, ABL – исходный падеж, ACC –винительный падеж, CAUS – побудительный залог, CVB.PAST – прошедшее деепричастие, DAT – дательный падеж, FUT – будущее время, INF.NEG – инфинитная форма в отрицательном аспекте, N – имя существительное, NPST – преждепрошедшее повествовательное время, PL – множественное число, POSS – имя притяжательное, принадлежность, PRES – настояще будущее время, PRET – недавнoproшедшее время, PRON – местоимение, PROPR – проприетив, SG – единственное число, Vex – глагол бытия.

Сокращение

ЛСВ – лексико-семантический вариант.

Библиография

1. Арутюнова Н.Д. Бытийные предложения в русском языке // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1976. № 3. С. 229-238.
2. Арутюнова Н.Д., Ширяев Е.Н. Русское предложение. Бытийный тип: структура и значение. М.: Русский язык, 1983. – 198 с.
3. Бондарко А.В. Бытийность. Вступительные замечания // Теория функциональной грамматики. Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность / А.В. Бондарко, М.Д. Воейкова, В.Г. Гак, И.Б. Долинина. СПб.: Наука, 1996. Т. 6. С. 52-53.
4. Бондарко А.В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. 2-е изд. М.: Эдиториал УРСС, 2011. 208 с.
5. Большой толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы / Под ред. проф. Л.Г. Бабенко. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 1999. 576 с.
6. Большой толковый словарь якутского языка: в 15 т. Т. 8 / под ред. П.А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2011. 572 с.
7. Большой толковый словарь якутского языка: в 15 т. Т. 10 / под ред. П.А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2013. 576 с.
8. Грамматика современного якутского литературного языка. Фонетика и морфология. М.: Наука, 1982. 495 с.
9. Дурова М.В. Модели бытийно-пространственных элементарных простых предложений в японском языке: автореф. канд. д. филол. наук. Новосибирск, 2016. 25 с.
10. Ефремов Н.Н. Бытийные конструкции в эпическом тексте (по материалам эпического героического эпоса олонхо) // Гуманитарный вектор. 2013. № 4. С. 149-154.
11. Кошкарева Н.Б. Метод моделирования структуры и семантики элементарного простого предложения как единицы языка // Вестник Новосибирского государственного университета. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2006. Т. 4. Вып. 2. С. 64-76.
12. Сивцева Н.А. Текстообразующие возможности глаголов бытия *баар* 'быть', *существовать*', *сырыт* 'жить, быть, пребывать, находиться где-либо' в инициальных формулах якутских волшебных сказок // Мир науки. Социология, филология и культурология. 2020. № 4. Том 11.[Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://sfk-mn.ru/PDF/41FLSK420.pdf>
13. Сивцева Н.А. Текстообразующий потенциал глагола начала существования *төрөө* 'рожать, родиться, рождаться' в якутском языке // Мир науки. Социология, филология и культурология. 2022. № 2. Т. 13. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://sfk-mn.ru/49flsk222.html>
14. Сивцева Н.А. Глагол бытия *өл* 'умирать, кончаться, погибать' в концовке якутской волшебной сказки // Мир науки. Социология, филология и культурология. 2022. № 3. Т. 14. Режим доступа: <https://sfk-mn.ru/PDF/36FLSK322.pdf>
15. Тазранова А.Р. Бивербальные конструкции с глаголами бытия в алтайском языке: автореф. дис. канд. филол. наук. Новосибирск, 2002. 26 с.
16. Харитонов Л.Н. Залоговые формы глагола в якутском языке. М.-Л.: изд-во АН СССР, 1963. 123 с.
17. Черемисина М.И. Исследование моделей ЭПП в тюркских языках Южной Сибири // Гуманитарные науки в Сибири. 1997. № 4. С. 56-61.
18. Черемисина М.И., Озонова А.А., Тазранова А.Р. Элементарное простое

- предложение с глагольным сказуемым в тюркских языках Южной Сибири. Новосибирск: изд-во «Любава», 2008. 205 с.
19. Черемисина М.И., Скрибник Е.К. О системе моделей элементарных простых предложений в языках Сибири // Гуманитарные науки Сибири. 1996. № 4. С. 46-57.
20. Чугунекова А.Н. Бытийно-перцептивные модели предложений в хакасском языке // Вестник Череповецкого государственного университета. 2014. № 2. С. 78-81.
21. Чугунекова А.Н. Модели простого предложения с семантикой существования субъекта в пространстве (на материале хакасского языка) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. №3. Ч. 1. С. 203-206.
22. Шилова В.В. Система пространственных моделей элементарных простых предложений в ненецком языке: автореф. дис. канд. филол. наук. Новосибирск, 2002. 22 с.
23. Шилова В.В. Бытийно-перцептивные модели элементарных простых предложений в ненецком языке: модели исчезновения // Языки коренных народов Сибири. Новосибирск: изд-во НГУ, 2002. Выпуск 12. С. 115-123.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Бытийные конструкции в якутском языке: модель каузации начала существования», предлагаемая к публикации в журнале «Филология: научные исследования», несомненно, является актуальной, ввиду обращения автора к изучению грамматических особенностей регионального языка одной из народносей Российской Федерации.

Целью этой статья является представление модели каузации начала существования в соответствии с принципами функционально-семантического анализа. Актуальность данной статьи обусловлена современными подходами в изучении якутского языка как системы, представленной разноуровневыми средствами ее выражения.

В исследовании впервые рассматривается модель каузации начала существования в соответствии с принципами функционально-семантического анализа.

Статья является новаторской, одной из первых в российской филологии, посвященной исследованию подобной проблематики. В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы, а именно к методу сплошной выборки при формировании материала из лексикографических источников, методу моделирования, методу глоссирования для представления иллюстративного материала.

К сожалению, в статье отсутствуют данные об отобранным языковом корпусе для проведения исследования, принципах выборке и объеме для того, чтобы сделать вывод насколько данные могут быть верифицируемы.

Теоретические измышления проиллюстрированы языковыми примерами на якутском языке, а также представлены убедительные данные, полученные в ходе исследования. Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающейся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные

автором. Отметим, что заключение требует усиления, оно не отражает в полной мере задачи, поставленные автором и не содержит перспективы дальнейшего исследования в русле заявленной проблематики. Библиография статьи насчитывает 23 источника, среди которых представлены работы исключительно российских исследователей.

Высказанные замечания не являются существенными и не умаляют общее положительное впечатление от рецензируемой работы. В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым, понятным для читателя языком. Опечатки, грамматические и стилистические ошибки не выявлены. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в процессе преподавания вузовских курсов теории грамматике, а также курсов по междисциплинарным исследованиям, посвящённым связи языка и общества. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Бытийные конструкции в якутском языке: модель каузации начала существования» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Власова В.В. Англоязычные заимствования коронавирусной эпохи и их функционирование в немецких онлайн-изданиях // Филология: научные исследования. 2024. № 1. С. 93-103. DOI: 10.7256/2454-0749.2024.1.69680 EDN: EEVYEL URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69680

Англоязычные заимствования коронавирусной эпохи и их функционирование в немецких онлайн-изданиях

Власова Влада Владимировна

ORCID: 0000-0002-3339-0063

Аспирант кафедры теории и практики иностранных языков института иностранных языков, лаборант кафедры иностранных языков филологического факультета; Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

117198, Россия, Московская область, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

✉ 1142230126@pfur.ru

[Статья из рубрики "Лингвистика"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2024.1.69680

EDN:

EEYVEL

Дата направления статьи в редакцию:

26-01-2024

Дата публикации:

05-02-2024

Аннотация: В постковидных условиях становится возможным оценить то влияние, которое пандемия коронавируса оказала на лексический запас немецкого языка. Большое количество англоязычных заимствований проникло в немецкий язык, вызвав интерес лингвистов к вопросу влияния нового пласта лексики на язык-реципиент и став предметом изучения отечественных и зарубежных лингвистов. Например, на основе исследований неологизмов эпохи ковида выпускаются словари и справочники лексики коронавирусной эпохи на разных языках, в том числе на немецком языке. Предметом данного исследования являются англоязычные заимствования, посвященные Covid-19, в современном немецком языке онлайн средств массовой информации (журналы, газеты), а целью представляется выявление влияния пандемии на обогащение лексики

немецкого языка англоязычными заимствованиями. Актуальные труды (не старше пяти лет) отечественных и зарубежных учёных в области лексикологии, лексикографии, ономастики, социолингвистики составляют методологическую базу исследования. Анализ влияния коронавируса на процесс ассимиляции англоязычных заимствований в немецком языке осуществляется на основе текстов онлайн-медиа за период февраль 2020 г. – октябрь 2021 г., что делает исследование новаторским и отражающим тенденции современной лингвистической науки. В результате исследования выявлено, что пандемия коронавируса оказала влияние на немецкий язык, в большинстве случаев язык-реципиент стал активнее объединять англоязычные компоненты слов с коренными немецкими словами, образуя тем самым новые гибридные лексические образования. Дальнейшая перспектива исследования лежит в области сравнения влияния пандемии коронавируса на лексический состав немецкого и русского языков, определение роли англоязычных заимствований в лексике как немецкого, так и русского языков.

Ключевые слова:

заимствование, немецкий язык, английский язык, коронавирус, онлайн-издание, англицизм, неологизм, лексический запас, пандемия, медиа

Во время пандемии лексический запас немецкого языка существенно пополнился англоязычными заимствованиями [1]. Это привело к увеличению исследований по этой теме и составлению разнообразных словарей неологизмов эпохи ковида, например, онлайн-словаря Owid.de [2] и словаря ковидных неологизмов DWDS [3]. Цель данного исследования — классифицировать англоязычные заимствования, посвященные пандемии коронавируса Covid-19, из немецких онлайн-изданий, и выявить влияние пандемии коронавируса на словарный запас немецкого языка.

В соответствии с целью определены следующие задачи исследования: описать особенности англоязычных заимствований периода пандемии коронавируса; провести выборку англоязычных заимствований в текстах немецких онлайн-изданий за период февраль 2020 г. – декабрь 2021 г. и осуществить их классификационное описание; провести анализ результатов и выявить самые распространенные виды заимствований по классификации Э. Хаугена.

Теоретико-методологическую базу исследования составляют труды по процессу заимствования новой лексики в язык-реципиент отечественных (Л. А. Нефедова, М. И. Дойникова, В. В. Власова) и зарубежных (Э. Хауген, Н. Лавидас, А. Бергс, И. Ситариду, Э. ван Гельдерен, Х. Ельсен) учёных; англоязычным заимствованиям в эпоху ковида в немецком языке отечественных (Н. А. Воскресенская, Т. А. Иванченко, Е. А. Редкозубова, Е. В. Москвитин, Р. Ф. Брылева, З. В. Тодосиенко, Г. Р. Гарипова, В. В. Катермина) и зарубежных (труды сотрудников института немецкого языка в Мангейме — А. Клоса-Кюкельхауз, Г. Цифонун, К. Мехрс, С. Вольфер; Т. Торн) учёных.

На настоящий момент существуют инновационные методики изучения языковых изменений, которые исследуют такие зарубежные исследователи, как Н. Лавидас, А. Бергс, И. Ситариду, Э. ван Гельдерен [4]. Но в данном исследовании применяются традиционные методы исследования, доказавшие свою эффективность, например, метод сплошной выборки, описательный метод, сравнительно-исторический метод, лингвостатистический метод, структурный метод, метод изучения словарных дефиниций.

Научная новизна исследования заключается в том, что англоязычные заимствования современного немецкого языка по тематическому блоку, посвященному пандемии коронавируса Covid-19, рассматриваются в составе актуальных текстов онлайн-изданий. Практическая ценность работы состоит в возможности использования результатов исследования на занятиях по практическому курсу немецкого языка; на занятиях семинарского типа по лексикологии немецкого языка и лингвокультурологии, а также в дальнейшей научно-исследовательской работе как студентов, так и исследователей-лингвистов.

Заимствованием считается любая лексическая единица, перешедшая в язык-реципиент из другого языка [5, 6]. До сих пор нет одной общепринятой классификации заимствований, но большинство отечественных ученых, таких как, например, Л. А. Нефедова и М. И. Дойникова, сходятся во мнении, что каждая из классификаций отражает отдельную черту заимствований (путь их перехода в язык-реципиент, способ ассимиляции в другом языке и т.д.) и поэтому рационально иметь не одну общую классификацию, а несколько, но раскрывающих всю суть данного языкового явления [7, 8].

Технические инновации и исторические события больше всего влияют на пополнение лексического состава языка неологизмами и заимствованиями [9, 10]. Например, в связи с пандемией коронавируса заимствование «Social Distancing» стало одним из часто используемых в немецкоязычных СМИ [11].

По мнению исследователя института немецкого языка в Мангейме Гизельы Цифонун англизмы и лексемы с англоязычными композитами не являются доказательствами бедности словарного запаса немецкого языка, т.к. они образуют определенную группу лексики внутри языка. При этом автор отмечает, что хотя англизмы употребляются для более достоверной передачи семантики, они являются «слабым звеном» немецкого языка, поскольку не каждый адресат способен «расшифровать» информацию, состоящую из англизмов. Однако в случае с корона-англизмами Гизела Цифонун приходит к выводу, что такие заимствования, как, к примеру, «Coronahotspot» и «Coronahype», гораздо привычнее для немецкоговорящего населения, чем более «ориентированные на немецкий язык» «Sieben-Tage-Inzidenz» и «Reproduktionszahl» [12].

Аннет Клоса-Кюкельхауз провела исследование лексики коронавирусной эпохи, в котором проанализировала насколько часто используются схожие по семантике заимствования «Lockdown» и «Shutdown» в немецкоязычных онлайн-изданиях. Оба заимствования обозначают «закрытие почти всех магазинов и общественных мест, а также перевод большинства сотрудников на дистанционную работу». Но, учитывая полную синонимичность в контексте пандемии коронавируса, по данным проведенного исследования, заимствование «Lockdown» в 13-ти проанализированных интернет-СМИ встречается чаще, чем заимствование «Shutdown» [13].

Кристин Мехрс обращает в своей работе внимание на тот факт, что кроме словообразовательного образца «Corona» + сущ. распространены и другие варианты, примерами которых могут служить глагол «coronisieren» и прилагательное «Corona-frei» [14].

Саша Вольфер, Александр Копленик, Франк Микаэлис, Каролин Мюллер - Шпитсер, исследователи института немецкого языка в Мангейме, считают, что пандемия коронавируса оказала значительное влияние на все сферы жизни и нашла свое

отражение в немецком языке. Они провели масштабное исследование и, проанализировав названия и описания статей 13-ти немецкоязычных онлайн-изданий, пришли к выводу, что употребление англоязычных заимствований не статично — оно то увеличивается, то уменьшается в зависимости от происходящих в мире событий [15].

В свою очередь, отечественные ученые, исследовавшие влияние коронавируса на пополнение словарного запаса немецкого языка, обращают внимание на тот факт, что производная лексика имеет больше шансов закрепиться в языковой системе языка-реципиента [16, 17].

По данным современных исследований, например, исследования Брылевой, Мингазетдиновой и Тодосиенко, использование немцами англицизмов в корона-эпоху продиктовано глобальностью проблемы ковида и единением всего мира против него [18]. Другой причиной увлечения англоязычными заимствованиями ученые считают стремление сохранить однозначное понимание одних и тех же социальных явлений, которое может «разбить» перевод слова на немецкий язык или иная форма языковой адаптации заимствования в языке-реципиенте [19]. Еще одна причина, особенно характерная для интернет-пространства, — это стремление быть «в тренде» и быть правильно понятым в социальных сетях [20]. В данном исследовании считаются актуальными все перечисленные причины, но все же более значительным отмечается факт влияния английского языка как языка мировой коммуникации, откуда заимствуются слова для описания новых явлений в жизни общества.

В настоящей работе исследуются англоязычные заимствования, посвященные пандемии коронавируса Covid-19, и их функционирование в немецком языке. Для подбора примеров англоязычных заимствований проведен анализ публикаций онлайн-изданий «Focus» www.focus.de, «Der Spiegel» www.spiegel.de и «Süddeutsche Zeitung» www.sueddeutsche.de за период февраль 2020 г. – октябрь 2021 г.: тематический блок, посвященный Covid-19. Всего проанализирована 21 статья (по 7 статей в онлайн-изданиях «Süddeutsche Zeitung», «Focus» и «Der Spiegel» соответственно) тематического блока, посвященного пандемии коронавируса Covid-19, выделено 60 англоязычных заимствований.

Классификационное описание англоязычных заимствований проводилось по классификации Э. Хаугена, который выделяет три вида заимствований: слова без морфологической замены (*loan words*); т.е. полностью соответствующие их прототипам в языке-источнике; слова с частичной морфологической заменой (*loan-blends*), или гибридные образования, т. е. слова, лишь частично состоящие из иноязычных элементов; слова с полной морфологической заменой, т. е. кальки (*loan-shifts*), или семантические заимствования (*semantic loans*) [21].

Кристин Мехрс в своем исследовании отмечала, что лексема «Corona» стала популярным словообразовательным компонентом для заимствований периода пандемии коронавируса [14]. Отечественный ученый Е. В. Моквитин также подтверждает тот факт, что «Corona», наряду с «Lockdown» и «Pandemie», часто встречается в качестве части заимствованных англицизмов в немецком языке [22]. Во время анализа статей для практической части исследования удалось обнаружить достаточное количество заимствований, составной частью которых являлась лексема «Corona». Их можно разделить на две группы, показанные в данных примерах:

Пример 1.

Заимствования: Corona-Hotspot

«Triage im **Corona-Hotspot?** [\[23\]](#) »

«Распределение больных в зоне наибольшего распространения ковида?»

Тип заимствования: *Тип 1:* Слова без морфологической замены (loan words).

Пример 2.

Заимствования: Corona-Fall

«Wie die Behörden in Rom mitteilten, wurden 24.991 neue **Corona-Fälle** registriert [\[24\]](#).»

«Власти Рима сообщили, что был зарегистрирован 24.991 новый случай заражения коронавирусом.»

Тип заимствования: *Тип 2:* слова с частичной морфологической заменой (loan-blends), или гибридные образования, т. е. слова, лишь частично состоящие из иноязычных элементов.

Самым частотным в употреблении оказалось заимствование «Lockdown», оно в проанализированном материале встретилось шесть раз, а заимствование «Shutdown», напротив, только один раз. Таким образом, стало возможным подтвердить гипотезу Аннет Клоса-Кюкельхауз, которая в своем исследовании пришла к выводу, что заимствование «Lockdown» в интернет-СМИ встречается чаще, чем заимствование «Shutdown» [\[13\]](#).

Пример 3.

Заимствование: Lockdown

«Seit Mitte Januar – mitten im **Lockdown** – steigen die Infektionszahlen in Flensburg erheblich [\[25\]](#).»

«С середины января – в разгар локдауна – число случаев заражения во Фленсбурге значительно возросло.»

Тип заимствования: *Тип 1:* Слова без морфологической замены (loan words).

Пример 4.

Заимствование: Shutdown

«Mit dem "Wellenbrecher **Shutdown**" werde man die zweite Welle der Pandemie brechen und aus dem exponentiellen Wachstum herauskommen [\[24\]](#).»

«Уменьшение волны заболеваемости путем карантина позволит преодолеть вторую волну пандемии и выйти из экспоненциального роста.»

Тип заимствования: *Тип 1:* Слова без морфологической замены (loan words).

Определенную популярность у немецких СМИ имеют англоязычные заимствования, связанные с дистанционной работой и дистанционным обучением.

Пример 5.

Заимствование: Homeoffice

«Im **Homeoffice** kann jeder mit dem Laufen beginnen [\[26\]](#).»

«Работая дома любой желающий может начать ходить на пробежки.»

Тип заимствования: *Тип 1: Слова без морфологической замены (loan words).*

Как отмечает в своем исследовании Е. А. Редкозубова, англоязычное заимствование «Coronavirus», успевшее закрепиться в немецком языке, имеет колебание в роде, может употребляться с артиклем как среднего («das»), так и мужского рода («der») [\[27\]](#). Заимствования с лексемой «Coronavirus» и аббревиатурами «Cov» и «Covid-19» не так популярны, как с лексемой «Corona», но также встречаются в текстах СМИ:

Пример 6.

Заимствование: Covid-19-Regel

«Es gebe keine **Covid-19-Regeln** die davon abweichen würden [\[23\]](#).»

«По его словам, нет никаких правил, продиктованных коронавирусом, которые бы отклонялись от этого.»

Тип заимствования: *Тип 2: слова с частичной морфологической заменой (loan-blends), или гибридные образования, т. е. слова, лишь частично состоящие из иноязычных элементов.*

Немецкий язык заимствовал англоязычную лексику по разнообразным причинам, часть из которых была обоснована в теоретической части исследования. О разнообразии англоязычных заимствований периода пандемии коронавируса свидетельствуют следующие примеры лексем из СМИ:

Пример 7.

«Der Landrat des **Hotspot-Kreises** Görlitz, wo nach Landkreisangaben die 7-Tage-Inzidenz heute auf über 700 geklettert ist, äußerte sich im Zusammenhang mit den Triage-Fällen auch zu Corona-Kritikerin und **Querdenkern** [\[23\]](#).»

«Ландрат района Герлиц с большим уровнем распространения коронавируса, где, по данным округа, семидневная заболеваемость сегодня превысила 700, также высказался в отношении критиков короны и сторонников «ковидного инакомыслия» в связи со случаями распределения больных.»

Заимствования: Hotspot-Kreis

Тип заимствования: *Тип 2: слова с частичной морфологической заменой (loan-blends), или гибридные образования, т. е. слова, лишь частично состоящие из иноязычных элементов.*

Заимствование: Querdenker

Тип заимствования: *Тип 3: слова с полной морфологической заменой, т. е. кальки (loan-shifts), или семантические заимствования (semantic loans)*

В Таблице 1 приведена классификация англоязычных заимствований, отобранных на материале статей онлайн-изданий и распределённых по трем типам согласно классификации Э. Хаугена (см. Таблицу 1).

Таблица 1 — Классификация англоязычных заимствований в статьях онлайн-изданий «Focus», «Der Spiegel» и «Süddeutsche Zeitung» за период февраль 2020 г. – октябрь 2021 г.: тематический блок, посвященный Covid-19.

Тип заимствования (по Э. Хаугену)	П р и м е р ы идентифицированных англоязычных заимствований
1 . Слова без морфологической замены (loan words)	Corona-Hotspot/ Superspread/ Warn-App/ News, Lockdown, Zoom-meeting, Homeoffice, Remote Work, Super-Hotspot, Superspreading-Event, Superspread, QR-Code, Hotspot, Shutdown.
2 . Слова с частичной морфологической заменой (loan-blends), или гибридные образования	Corona-Fall/ Patient/ Kritiker /Regel /Maßnahme /Zahl /Einschränkung/ Situation/ Uni /Semester /Zeit /Leitlinie /Gastro-Regeln /Auflage / Angst/ Infizierte/ Gewinn/ Beschluss/ Pandemie/ Neuinfektion/ Infektionswelle/ Tot/ Infektionszahl/ Bestimmung/ Test/ Ausbruch/ Welle/ Beschränkung/ Schutzmaßnahme/ Infection, Coronakrise, Coronaschutzimpfung, Onlineklausur, Open-Book-Klausur, Proctoring Programm, Homeoffice-Infrastruktur, Covid-19-Regel, Coronavirus-Variant, Covid-19-Ausbruch, Covid-19-Thema, CovPass-App, Hotspot-Kreis, Pooltest, Lollitest.
3. Слова с полной морфологической заменой, т. е. кальки (loan-shifts), или семантические заимствования (semantic loans)	Querdenker, Selbstisolation.

Наибольшее количество англоязычных заимствований – 73% (44 из 60) принадлежит ко второму типу: словам с частичной морфологической заменой (loan-blends), или гибридным образованиям. Первый тип — слова без морфологической замены (loan words) — составляют 23 % (14 из 60); третий тип — слова с полной морфологической заменой, т. е. кальки (loan-shifts) или семантические заимствования (semantic loans) — представлены в меньшинстве (4%; 2 из 60).

В ходе проведенного исследования выявлено, что влияние пандемии коронавируса не обошло стороной немецкий язык. В ковидное и постковидное время немецкий язык в большей степени адаптирует англоязычные компоненты под свои функциональные потребности, например, объединяя с уже существующей и функционирующей в языке лексической единицей и образуя таким образом заимствования второго типа по классификации Э. Хаугена.

Библиография

- Гарипова Г. Р., Изимириева З. Н., Шпар Т. В. Лингвистические особенности социальной рекламы в английском и немецком языках в период пандемии //

- Преподаватель XXI века. 2021. № 3-2. [Электронный ресурс]. DOI: 10.31862/2073-9613-2021-3-407-416 (дата обращения: 04.01.2024).
2. Owid.de – Wörterbuch für der neuen Wortschatz rund um die Coronapandemie [Электронный ресурс]. URL: <https://www.owid.de/docs/neo/listen/corona.jsp#> (дата обращения 20.01.2024).
 3. DWDS-Themenglossar zur COVID-19-Pandemie. 2022. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dwds.de/themenglossar/Corona> (дата обращения 20.01.2024).
 4. Internal and External Causes of Language Change. The Naxos Papers/ Nikolaos Lavidas, Alexander Bergs, Elly van Gelderen, Ioanna Sitaridou et.al, Palgrave Macmillan, 2023. [Электронный ресурс]. DOI: 10.1007/978-3-031-30976-2 (дата обращения: 04.01.2024).
 5. Власова В. В. Классификационное описание англоязычных заимствований в немецких онлайн-изданиях // Языковая личность и эффективная коммуникация в современном поликультурном мире: материалы VI Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию Белорусского государственного университета, Минск, 29–30 октября 2020 г. / Белорусский государственный университет; редакция: С. В. Воробьева (главный редактор) [и др.]. – Минск: БГУ, 2020. – 274 с.
 6. Власова В. В. Проблема классификации английских заимствований в современном немецком языке // Актуальные проблемы лингвистики, переводоведения, языковой коммуникации и лингводидактики. Сборник материалов XX Всеросийской научно-практической конференции, СибГУ им. М. Ф. Решетнева. Красноярск, 2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46293767> (дата обращения: 20.01.2024 г.)
 7. Дойникова М. И. Основные тенденции в изменении общего словаря немецкого языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики, 2022. № 2. [Электронный ресурс]. DOI: 10.30853/phil20220053 (дата обращения: 20.01.2024 г.)
 8. Нефедова Л. А. Активные процессы в лексике немецкого языка 2020-2021 гг. // Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык. 2021. № 3. [Электронный ресурс]. DOI: 10.51955/2312-1327_2021_3_151 (дата обращения: 20.01.2024 г.)
 9. Elsen H. Neologismen. Ein Studienbuch. Tübingen, 2022.
 10. Elsen H. Neologismen im Gegenwartsdeutschen-Probleme in Theorie und Praxis // Lublin Studies in Modern Languages and Literature. 2021. Vol. 45 (1).
 11. Klosa-Kückelhaus A. Neue Wörter in der Coronakrise – Von Social Distancing und Gabenzaun [Электронный ресурс]. URL: https://www.ids-mannheim.de/fileadmin/aktuell/Coronakrise/Klosa_web.pdf (дата обращения: 25.02.2024 г.)
 12. Zifonun G. Anlizismen in der Coronakrise [Электронный ресурс]. URL: https://www.ids-mannheim.de/fileadmin/aktuell/Coronakrise/zifonun_anglizismen.pdf (дата обращения: 25.01.2024 г.)
 13. Klosa-Kückelhaus A. Shutdown, Lockdown und Exit [Электронный ресурс]. URL: https://www.ids-mannheim.de/fileadmin/aktuell/Coronakrise/Klosa_shutdown_neu.pdf (дата обращения: 25.01.2024 г.)
 14. Möhrs C. Ein Wortnetz entspinnst sich um «Corona» [Электронный ресурс]. URL: https://www.ids-mannheim.de/fileadmin/aktuell/Coronakrise/IDS_Sprache_Coronakrise_Moehrs_Wortnetz_Corona.pdf (дата обращения: 25.01.2024 г.)
 15. Wolfer S., Koplenig, A., Michaelis, F., Müller-Spitzer, C. cOWIDplus Analyse: Wie sehr

- schränkt die Corona-Krise das Vokabular deutschsprachiger Online-Presse ein? [Электронный ресурс]. URL: https://www.ids-mannheim.de/fileadmin/aktuell/Coronakrise/mueller-spitzer_2.pdf (дата обращения: 25.01.2024 г.)
16. Воскресенская Н. А., Гулик О. О., Малышева Т. С. Семантическая типология лексики пандемии: ковид-неологизмы в английском, французском и немецком языках // Научный диалог. 2022. Т.11. №3. [Электронный ресурс]. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-3-48-61 (дата обращения: 25.01.2024 г.)
 17. Иванченко Т. А. Англоязычное влияние на процесс возникновения новых слов в современном немецком языке (на материале словарей неологизмов, связанных с тематикой пандемии коронавируса) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. №6. [Электронный ресурс]. DOI: 10.30853/phil20220316 (дата обращения: 09.01.2024).
 18. Тодосиенко З. В., Брылева Р. Ф., Мингазетдинова Р. Ф. Интеграция англоязычных заимствований и неологизмов в разноструктурные языки (на материале лексических единиц коронавирусной эпохи) // Филология: научные исследования. 2023. №1. [Электронный ресурс]. DOI: 10.7256/2454-0749.2023.1.39704 (дата обращения: 09.01.2024).
 19. Катермина В. В., Липириди С. Х. Лингвокультурный аспект новой лексики пандемии коронавируса // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2021. №2. [Электронный ресурс]. DOI: 10.29025/2079-6021-2021-2-49-59 (дата обращения: 09.01.2024).
 20. Thorne T. #CORONASPEAK – the language of Covid-19 goes viral. [Электронный ресурс]. URL: <https://lan-guage-and-innovation.com/2020/04/15/coronaspeak-part-2-the-language-of-covid-19-goes-viral> (дата обращения 20.01.2024).
 21. Хауген, Э. Процесс заимствования // Новое в лингвистике. Выпуск 4. Языковые контакты. 1972. 400 с.
 22. Москвитин Е. В. Немецкие неологизмы в период пандемии коронавируса SARS-CoV-2 // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. №9. [Электронный ресурс]. DOI: 10.30853/phil210464 (дата обращения: 09.01.2024).
 23. Döbber Ch. Triage in Corona-Hotspot? // Focus. 16.12.2020. [Электронный ресурс]. URL: https://www.focus.de/politik/deutschland/lals-hotspot-landrat-ueber-triage-in-seinen-kliniken-spricht-kommen-ihm-die traenen_id_12781573.html (дата обращения: 14.01.2024).
 24. Corona-News am Mittwoch// Spiegel 28.10.2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.spiegel.de/wissenschaft/coronavirus-news-am-mittwoch-emmanuel-macron-kuendigt-fernsehansprache-an-a-aad44705-84d1-4e34-942e-3818167de55b> (дата обращения: 14.01.2024).
 25. Fast jede Neuinfektion im Super-Hotspot Flensburg geht auf Mutante B.1.1.7 zurück // Focus 20.02.2021. [Электронный ресурс]. URL: https://www.focus.de/gesundheit/news/grenzen-dicht-ausgangssperre-kontaktverbot-fast-jede-neuinfektion-im-super-hotspot-flensburg-geht-auf-mutante-b-1-1-7-zurueck_id_13003016.html (дата обращения: 14.01.2024).
 26. Kleiß M. Es gibt keine Ausreden mehr! Im Homeoffice kann jeder mit dem Laufen beginnen // Focus 01.10.2020. [Электронный ресурс]. URL: https://www.focus.de/gesundheit/so-laeuft-es/nutzen-sie-ihre-chance-im-homeoffice-hat-jeder-gelegenheit-mit-dem-laufen-zu beginnen_id_12494538.html (дата обращения: 14.01.2024)

27. Редкозубова Е. А. Covid-лексика: этимологический и словообразовательный аспекты (на материале русского, английского и немецкого языков) // Гуманитарные и социальные науки. 2020. №4. [Электронный ресурс]. DOI: 10.18522/2070-1403-2020-81-4-193-200 (дата обращения: 09.01.2024).

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Англоязычные заимствования коронавирусной эпохи и их функционирование в немецких онлайн-изданиях», предлагаемая к публикации в журнале «Филология: научные исследования», несомненно, является актуальной, ввиду рассмотрения адаптации англоязычных неологизмов, которые были порождены в период пандемии в виртуальном пространстве. В современных реалиях часть жизни проходит в виртуальном пространстве, а сегодня интернет контент играет большую роль в жизни людей, в особенности после событий 2019 года, когда, ввиду объявленного локдауна; обучение, работа и общение перешли в виртуальную сеть. Автор предпринимает попытку описать новые англоязычные языковые элементы и их адаптацию в немецком языке.

Цель данного исследования — классифицировать англоязычные заимствования, посвященные пандемии коронавируса Covid-19, из немецких онлайн-изданий, и выявить влияние пандемии коронавируса на словарный запас немецкого языка.

Статья является новаторской, одной из первых в российском языкоznании, посвященной исследованию подобной тематики в 21 веке.

Практическим материалом исследования явились тексты немецких онлайн-изданий за период февраль 2020 г. – декабрь 2021 г., однако автор не указывает объем выборки и принципы ее осуществления.

В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы. В данном исследовании автор обращается к методу сплошной выборки, описательному методу, сравнительно-историческому методу, лингвостатистическому методу, структурному методу, методу изучения словарных дефиниций.

Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. Библиография статьи насчитывает 27 источников, среди которых теоретические работы как на русском, так и на иностранных языках. К сожалению, в статье отсутствуют ссылки кандидатские и докторские диссертации. Высказанные замечания не являются существенными и не умаляют общее положительное впечатление от рецензируемой работы.

Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Практическая ценность работы состоит в возможности использования результатов исследования на занятиях по практическому курсу немецкого языка; на занятиях семинарского типа по лексикологии немецкого языка и лингвокультурологии, а также в дальнейшей научно-исследовательской работе как студентов, так и исследователей-лингвистов. Статья «Англоязычные заимствования коронавирусной эпохи и их функционирование в немецких онлайн-изданиях » может

быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Филология: научные исследования*Правильная ссылка на статью:*

Шигуров В.В., Шигурова Т.А., Пулов Е.В. Типы употребления периферийных форм творительного падежа в аспекте адвербиализации (субстантивная словоформа "шепотом") // Филология: научные исследования. 2024. № 1. С. 104-117. DOI: 10.7256/2454-0749.2024.1.69688 EDN: EHGVC URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69688

Типы употребления периферийных форм творительного падежа в аспекте адвербиализации (субстантивная словоформа "шепотом")

Шигуров Виктор Васильевич

ORCID: 0000-0002-0765-0482

доктор филологических наук

профессор, кафедра русского языка, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева

430010, Россия, республика Мордовия, г. Саранск, ул. Серова, 3, кв. 12

[✉ shigurov@mail.ru](mailto:shigurov@mail.ru)

Шигурова Татьяна Алексеевна

ORCID: 0000-0002-4898-6484

доктор культурологии

профессор, кафедра культурологии и библиотечно-информационных ресурсов, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева

430010, Россия, республика Мордовия, г. Саранск, ул. Серова, 3, кв. 12

[✉ shigurova_tatyana@mail.ru](mailto:shigurova_tatyana@mail.ru)

Пулов Евгений Викторович

ORCID: 0000-0002-1946-9760

кандидат филологических наук

доцент, кафедра русского языка как иностранного, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева

430021, Россия, республика Мордовия, г. Саранск, ул. Волгоградского, 33, кв. 74

[✉ puool@yandex.com](mailto:puool@yandex.com)

[Статья из рубрики "Языкознание"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2024.1.69688

EDN:

EHGVC

Дата направления статьи в редакцию:

27-01-2024

Дата публикации:

05-02-2024

Аннотация: Исследуется ступенчатая природа адвербиальной транспозиции существительных без предлогов. Объект изучения – формы творительного падежа существительных без предлогов, представляющие первый этап транспозиции в наречия, предмет рассмотрения – комбинаторика и пропорция субстантивных и адвербиальных признаков в структуре словоформ типа «шепотом», функционирующих в зоне периферии класса существительных. Актуальность исследования обусловлена необходимостью развития такого направления научных исследований, как транспозиционная грамматика русского языка, а также выявления закономерностей функционирования языковых единиц в переходных зонах между частями речи и межчастеречными семантико-сintаксическими разрядами. Целью статьи является комплексный анализ субстантивных словоформ, демонстрирующих на двух подступенях зоны существительных разную степень проявления признаков взаимодействующих при функциональной адвербиализации существительных и наречий. В рамках предлагаемого подхода к синкетичным образованиям применяются методы оппозиционного анализа (со шкалой адвербиализации), элементы компонентного, дистрибутивного анализа, лингвистический эксперимент. Новизна исследования состоит в описании формализованной методики установления ступеней адвербиализации субстантивных словоформ, демонстрирующих разную степень отхода от существительных и приближения к наречиям. Установлено, что субстантивная словоформа «шепотом», например, характеризуется многоступенчатой транспозицией в адвербиальный класс. В зоне периферии существительных она делает первый, собственно синтаксический шаг в сторону наречий. Он связан с ее употреблением вначале в синкетичной функции дополнения и обстоятельства, а затем только в функции обстоятельства. Наличие зависимых слов в виде адъективных и присубстантивных распространителей, а также функция объектного дополнения, сдерживают дальнейшее продвижение словоформы «шепотом» по направлению к классу наречий. Утрата объектного значения у рассматриваемой словоформы сопряжена со сдвигом на уровне присловных подчинительных связей: слабое управление как способ связи словоформы «шепотом» с главным словом заменяется на падежное примыкание. Объектно-обстоятельственные отношения трансформируются в обстоятельственные. Но основные категориальные признаки существительных в зоне периферии данного класса слов сохраняются. Теоретическая значимость работы состоит в том, что в ней содержится осмысление переходных явлений в области частей речи в системно-языковом аспекте. Практическая значимость исследования определяется возможностью применения ее результатов в преподавании лингвистических дисциплин – русского языка, общего языкоznания, теоретической грамматики.

Ключевые слова:

русский язык, грамматика, адвербиализация, часть речи, существительное, периферия, тип употребления, наречие, шкала переходности, стадия

Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках научного проекта № 24-28-00674 «Исследование адвербиализации как типа ступенчатой транспозиции субстантивных словоформ в системе частей речи русского языка».

1. Вводные замечания

Адвербиализация как особая разновидность транспозиции субстантивных словоформ в класс адвербальных лексем имеет ступенчатый характер. В разных контекстуальных условиях степень нейтрализации (утраты) семантико-грамматических признаков существительных и формирования на основе десубстантивации и адвербиализации признаков адвербальных единиц у словоформ неодинакова, что дает основание для выделения разных ступеней (стадий) адвербиализации существительных (обсуждение проблем теории транспозиции (трансляции, конверсии, синтаксической / лексической деривации, переходности) и синкетизма в грамматическом строе языка можно найти в: [\[1; 2; 3, с. 57–71; 4; 5, с. 25–38; 6; 7; 8, с. 13–26; 9; 10; 11, с. 237–245\]](#)). Адвербальная транспозиция языковых единиц также была предметом исследования в работах российских и западных ученых (см., напр.: [\[12; 13, с. 313–350; 14, с. 499–538; 15\]](#)). Неоднократно предпринимались попытки градуирования степеней онаречивания существительных (см.: [\[16; 17\]](#)). Однако единодушия во многих вопросах, касающихся предпосылок, причин, признаков и предела адвербиализации, до сих пор не существует. В связи с этим одни и те же факты, в частности, касающиеся адвербиализации форм творительного падежа вроде *зимой*, *весной*, *летом* (*поехать отдохнуть на море*), трактуются трояко: (а) как наречия, (б) как существительные в творительном падеже, (в) как гибридные, субстантивно-адвербальные образования. Сказанным определяется актуальность настоящего исследования. Целью статьи является характеристика адвербиализации как ступенчатого типа транспозиции субстантивных словоформ в наречия. Объект анализа – формы творительного падежа существительных, в той или иной мере подверженные адвербиализации. Предмет рассмотрения – словоформа *шепотом*, эксплицирующая первую стадию адвербиализации существительных. Материалом для исследования послужили типовые контексты, извлеченные из Национального корпуса русского языка, а также собственные примеры авторов статьи. Новизна исследования состоит, прежде всего, в том, что в нем проводится системно-языковой анализ ступенчатой адвербальной транспозиции языковых единиц, порождающей в речи большое количество синкетичных структур, которые позволяют экономно, но емко представлять разноспектрную информацию [\[18, с. 82; 19; 20, с. 152–158\]](#). Для достижения поставленной цели в работе применялись такие методы, как оппозиционный анализ, лингвистический эксперимент, элементы компонентного и дистрибутивного анализа.

Мы исходим из того, что адвербиализацию существительных можно представить в виде нескольких стадий, зафиксированных в типовых контекстах. Каждая из них характеризуется определенной степенью отхода от класса существительных и приближения к классу наречий. Такие стадии адвербиализации целесообразно изобразить графически как звенья на шкале переходности: **А** / **С(ущ)** (ядро существительных) --> **АБ** / **С(ущ) н(ареч)** (периферия существительных) **аб** / **с(ущ) н(ареч)** (гибриды, полусуществительные-полунаречия) --> **аБ** / **с(ущ) Н(ареч)** (периферия наречий) --> **Б** / **Н(ареч)** (ядро наречий).

Установлено, что одна и та же субстантивная словоформа в своем развитии способна эксплицировать ряд таких стадий адвербиализации (см. также: [\[21, с. 51–62; 22, с. 161–165;](#)

[23, с. 177-191](#)). Примечательна в этом плане, например, словоформа **шепотом**, достигающая при адвербиализации ступени периферии наречий, не выходя, в то же время, за пределы семантической зоны исходного слова. Проиллюстрировать основные этапы ее движения по направлению к наречиям можно, воспользовавшись следующими примерами.

- (1) Смех детей неожиданно сменился **шепотом** (ядерная субстантивная словоформа) (чем?);
- (2) Врач умел каким-то гипнотическим **шепотом** останавливать кровь (периферийная субстантивная словоформа) (чем? каким способом?);
- (3) Врач умел **шепотом** останавливать кровь (гибридная, субстантивно-адвербиальная словоформа) (чем? каким способом?);
- (4) Врач и пациент разговаривали **шепотом** (периферийная адвербиальная словоформа, не нарушающая тождества исходной лексемы) (как?).

Пределом адвербиализации словоформы **шепотом** является зона периферийных, собственно грамматических (функциональных) наречий. До зоны ядерных наречий вроде *даром* (*потрачено время*) она не доходит.

2. Результаты исследования и обсуждение

В данной статье внимание сосредоточено на специфике периферийных существительных; см. выше пример (2).

Сфера периферийных существительных, соотносительная со звеном **Аб / С(ущ) н(ареч)** на шкале адвербиализации, представлена двумя типами контекстов с субстантивной словоформой (**шепотом**).

Во-первых, это типовые контексты употребления периферийного существительного **шепотом** в синкетической функции дополнения и обстоятельства способа действия [подзвено **Аб1**]. Оно употребляется в этом случае при глаголах определенной семантики. Речь идет о глаголах вроде *прогнать*, *выгнать*, *отогнать*, *изгонять*, *выпроводаживать* и нек. др. с типовым значением 'перемещать какой-либо объект или заставлять какой-либо объект перемещаться в пространстве откуда-либо'; *напугать*, *забавлять*, *дразнить*, *досаждать*, *волновать*, *пугать*, *смешить* и др. с типовым значением 'вызывать у кого-либо эмоциональное состояние; приводить (привести) кого-либо в какое-либо эмоциональное состояние'; *нарушать*, *останавливать*, *отменять*, *прекращать*, *прерывать* и т.п. в типовом значении 'прекращать какое-либо действие, существование чего-либо'; *убаюкивать*, *выматывать*, *дурманить*, *залечивать*, *изнурять*, *оживлять*, *усыплять* в типовом значении 'приводить какое-либо живое существо в какое-либо физиологическое состояние' (см.: [\[24, с. 66, 378, 423 и др.\]](#)):

- (5) (а) Сиплым **шепотом** прогнал он от себя Перфишку и заперся в своей комнате [И. Тургенев. Конец Чертопханова (1872)];
- (б) «Ты где находишься!» Напуганный ее **шепотом**, я замираю на табурете [С. Шаргунов. Ура! (2003)];
- (в) Ее туфли без каблуков не скрипели на песке дорожек, а шелест шелковых юбок заглушался **шепотом** каштановых деревьев [З. Гиппиус. Без талисмана (1896)];
- (д) Несмотря на количество ожидающих, в зале царила глубокая тишина, нарушаемая

лишь изредка порывистым **шепотом** старших чинов. [Н. Гейнце. Аракчеев (1898)];

(е) Дремучие ели как черный полог наклоняются над ним и убаюкивают его своим непонятным **шепотом** [М. Лермонтов. Вадим (1833-1834)].

В приведенных примерах периферийное существительное **шепотом** выступает в качестве синкетического объектно-обстоятельственного компонента высказывания (о полифункциональности лексических единиц см., напр.: [\[25, с. 434-439\]](#)). В этом случае оно представляет одновременно функцию объектного дополнения и функцию обстоятельственного компонента, обозначающего прием, способ осуществления глагольного действия: чем убаюкивают медведя, какими способом, каким путем, при помощи чего (см., например, о семантике обстоятельства способа действия в исследовании: [\[26, с. 28-31\]](#)).

Во-вторых, это типовые контексты, демонстрирующие (в подзвене **А62**) периферийное существительное **шепотом** в функции обстоятельства образа действия (или качества – по иной терминологии). Оно употребляется в таких случаях обычно при глаголах речи типа сказать, проговорить, ответить, спросить, требовать, просить, произнести, предупредить и т.п. Например:

(6) (а) «Значит, ты согласен?» – проговорила она жарким радостным **шепотом**, и глазищи ее замаячили совсем близко, как вот маячат при головокружении радужные пятна [О. Славникова. Прыжок в длину (2014-2016)];

(б) «Это кто? Буржуй?» – радостным, истосковавшимся **шепотом** спросила она. – «А я почем знаю?» [М. Алданов. Бегство (1930)];

(в) «Поспешайте, – испуганным **шепотом** сказал паренек. – Там на ричци немцив багато-багато, а разведчикив двенадцать человек...» [Э. Казакевич. Звезда (1946)];

(г) Слабея, но не выказывая голосом надлома, подавляя нахлынувшую горькую тошноту от чужой крови, Бурнашов протянул почти веселым натужным **шепотом**, едва побарывая задышку: «Беги, сволочь» [В. Личутин. Любостай (1987)];

(д) И мои сестры злым **шепотом** требовали, чтобы я приглашал их скучающих вдоль стен подруг [С. Голицын. Записки уцелевшего (1980-1989)].

Как видим, функция дополнения для периферийной словоформы, эксплицирующей вторую подступень в зоне периферии существительных (**А62**), исключена. Для нее характерна исключительно функция обстоятельства, причем, в отличие от словоформы **шепотом** на первой ступени зоны периферии (**А61**), со значением не способа, а образа действия. Она выражает качественную специфику главным образом речевого действия, степень слышимости звучания, имеющую зачастую эмоционально-экспрессивную окраску (в прилагательных).

Периферийному существительному (в подзвене **А61**) присуще употребление только в сочетании с зависимыми словами, оттеняющими его субстантивную природу, а именно с адъективными и присубстантивными распространителями (7). При отсутствии зависимых слов оно грамматически перерождается в гибридную структуру, синтезирующую примерно в равной пропорции свойства существительного и наречия (8). Ср. контексты с периферийным существительном **шепотом** в подзвене **А 6 1** и гибридом **шепотом**, эксплицирующим на шкале переходности зону **а6**:

(7) Люда встречала их ласковым **шепотом**: «Митенька, ты же всю ночь работал,

голодный, наверное, давай я борщ разогрею... [М. Баконина. Девять граммов пластина (2000)];

*(8) Ей хочется не угодничество принимать, а самой угождать, не себе добывать удовольствие, а другому его доставлять – и вот уже она, а не он, прикосновениями и **шепотом** владычествует – покоряясь, желая лишь одного: чтобы безумно счастлив с нею стал этот человек... [А. Слаповский. Гибель гитариста (1994-1995)].*

Что касается периферийного существительного (из подзвена **А62**), то ему также не свойственно употребление в одиночной позиции, т.е. без зависимых слов. Абсолютивная позиция для него служит синтаксической базой для обязательной функциональной адвербиализации. Однако это периферийное существительное при употреблении без зависимых слов минует зону гибридности, а сразу транспонируется в класс грамматических наречий со значением образа действия (или качества). Ср. типовые контексты употребления периферийного существительного *шепотом* в подзвене **А62** (9) и отсубстантивного наречия *шепотом* (в зоне периферии **аБ**) (10), не выходящего за пределы семантической зоны исходной лексемы:

*(9) Начальники лабораторий...обошли все столы и стыдливым **шепотом** предупреждали каждого в отдельности [А. Солженицын. В круге первом, т.1, гл. 26-51 (1968) // «Новый Мир», 1990];*

*(10) Днем ему очень хотелось хоть на несколько минут заглянуть к Спиридовону. Но он все же пересилил себя, поехал на командный пункт 64-й армии, хотя инструктор армейского политотдела **шепотом** предупредил его: «Торопиться вам сейчас к члену Военного совета незачем» [В. Гроссман. Жизнь и судьба, часть 2 (1960)].*

Типичное окружение периферийного существительного в виде адъективных и присубстантивных распространителей «сдерживает» дальнейшее продвижение *шепотом* по направлению к наречиям. Особенно часто при периферийной субстантивной словоформе *шепотом* встречаются качественные прилагательные, выражающие признаки действия (*шепот*), связанные с их эмоциональной оценкой (*шепотом – радостным, ласковым, ликующим, трагическим, доверительным, страшным, злым, ехидным, стыдливым, испуганным, жутким, ненавидящим, страстным и т.п.*)(11); какими-либо внешними параметрами – степенью громкости, скоростью протекания процесса (*шепотом – еле слышным, тихим, громким, огромным, слабым, бешеным, медленным*) (12), физиологически или социально обусловленными параметрами звучания (*шепотом – вибрирующим, свистящим, беззвучным, легким, четким, сумбурным, хриплым, гудящим, звонким, чужеземным, театральным*)(13) и др. См. примеры из Национального корпуса русского языка:

*(11) (а) «Здравствуйте, – ответил старичик **трагическим шепотом**, – я вас специально здесь ожидаюсь» [И. Грекова. На испытаниях (1967)];*

*(б) «Седня я к нему пойду», – сообщил он мне **доверительным шепотом** [В. Чигир. Марцелл // «Дальний Восток», 2019];*

*(в) Федор с криком бросил бечеву и подбежал к нему. «Батя!.. Чего ты?!» **Страшным хрипящим шепотом**, давясь словами, Наум выкрикивал: «В груди... меня... вдарил... Сломил кость... Пропадаю!...» [М. Шолохов. Батраки (1928)];*

*(г) «Ну да!» – **ласковым** шелестящим **шепотом** отвечал призрак ставшей русалкою девушки [А. Кондратьев. На берегах Ярыни. Демонологический роман. (1930)];*

- (д) В ушах еще звучит прощальная Гаврилина фраза, **ехидным шепотом** [И. Васюченко. Хромые на склоне // «Ковчег», 2014];
- (е) Лера тоже притихла и тоже стала осматриваться, потом дернула Надеждин рукав и **страшным шепотом** вскричала... [М. Зосимкина. Ты проснешься. Книга первая (2015)];
- (ж) По неписаному регламенту поминок после окончания его речи и до того момента, когда кто-нибудь непременно начнет предостерегать **испуганным шепотом**: «Не чокаться, мужики!» [А. Волос. Недвижимость (2000) // «Новый Мир», 2001];
- (з) Опять?! – **жутким шепотом** произнес Андрей и отступил к двери [Е. Колина. Дневник измены (2011)];
- (и) Сказав это, она посмотрела на меня, будто просила милости, но в ярости за причиненный мне позор, я **ненавидящим шепотом** возразил, что нежности телячи эти нам не ко двору... [М. Агеев. Роман с кокаином (1934)];
- (й) «Феедь?!» – «Тихо ты! – **яростным шепотом** откликнулся Федька. – Вон она идет» [А. Олейников. Велькино детство (2007)];
- (к) Мгновенно изменив выражение лица, улыбаясь, как будто во время самого обычного светского разговора, Царь напоминает Кате: «А он... наш ребенок?» Катя – **страстным шепотом**: «Да, я хочу, чтоб он был, – хочу видеть его, держать, целовать!» [Е. Замятин. Царь в пленах (1934)];
- (12) (а) Уже совсем захмелевший королевич читал свою поэму, еле держась на ногах, делая длинные паузы, испуганно озираясь и выкрикивая излишне громко отдельные строчки, а другие – **еле слышным шепотом** [В. Катаев. Алмазный мой венец (1975-1977)];
- (б) Взглянул на филолога побелевшими глазами и **тихим шепотом** молвил... [С. Довлатов. Иная жизнь (1984)];
- (в) Муж **громким**, зловещим **шепотом** что-то подсказывает ей [А. Пантелейев. Анечка (1942)];
- (г) Прощай, прощай, мой августейший август, прощай славный лета убыток! – молвлю и я в ответ на его деликатное, утонченное расставание, произносимое каким-то **огромным шепотом** повсеместно отстранившегося и уходящего в запределье свое мира [В. Володин. Повесть временных лет // «Волга», 2011];
- (д) Несут на носилках еле живого, исковерканного разрывом бомбы солдата, и он коснеющим языком, **слабым шепотом** едва выговаривает: «Отца-то нашего, генерала Л., поберегите...» [А. Куприн. Последние рыцари (1934)];
- (е) «А какой же я?» – **бешеным шепотом** отвечал Маринелли [Д. Быков. Орфография (2002)];
- (13) (а) «Инструкция», – прочитал Костя **свистящим шепотом** надпись на обложке тетради и перевернул первую страницу... [В. Медведев. Баракин, будь человеком! (1957)];
- (б) В огромном зале Ленинской библиотеки я читал **беззвучным шепотом** стихи из роскошных «Аполлона» и «Золотого руна»... [С. Голицын. Записки уцелевшего (1980-1989)];

- (в) Ветерок пробежал по листьям, зашелестели вербы, **четким шепотом** отзвались тополи [Ф. Крюков. Зыбь (1909)];
- (г) ... В эту ночь **сумбурным шепотом** с самодельного топчана в углу комнаты Любка в подробностях рассказала свою жизнь [Д. Рубина. Любка (1987)];
- (д) Анна – обернувшись к Степанову – **отрывистым шепотом**: «Подожди – это свитский...» [Е. Замятин. Царь в плену (1934)];
- (е) Кроме них, пшеннную кашу, называемую в коммуне «кирзовкой», поглощали иссохший, прозрачный от слабости Фельдман, молчаливый Теремных и крестьянский поэт Конкин, тип отчаянно неприятный, неряшливый и все время улыбающийся щербатой улыбкой отъявленной шельмы. – Ловецкого? – **шелестящим шепотом** переспросил Фельдман... [Д. Быков. Орфография (2002)];
- (ж) Вся в длинных покровах, она склонялась затемненным силуэтом над одинокой королевной. Нашептывала своим **гудящим шепотом** странные речи. Это было выше счастья и горя [А. Белый. Северная симфония (1917)];
- (з) «*Pronto?*» (Готово?) – озабоченно спросил он **звонким шепотом**, указывая глазами на страшную дверь в конце коридора [И. Бунин. Господин из Сан-Франциско (1915)];
- (и) Заметив, что Нержин, уставясь в синюю лампочку, не спит, Руська хриплым **шепотом** попросил: Глеб! У тебя есть близко папиросы? Дай» [А. Солженицын. В круге первом, т.1, гл. 1-25 (1968) // «Новый Мир», 1990]; (й) В железных словно кончился завод, в них, еще молодых, заскреблись утробными вздрогиваниями материнские песни, набухли крохи мелкобуржуазного чернозема под ногтями, кровь наполнилась теперь уже **чужеземным шепотом** батюшки-матушки... [А. Терехов. Каменный мост (1997-2008)];
- (к) Давайте начинать!» – **театральным шёпотом**, со сжатыми губами, предложил Борис Наумович [С. Шуляк. Квартира номер девять. Роман с чертовщиной // «Волга», 2013].

Из приведенных примеров видно, что в некоторых из них представлена комплексная, разноспектная характеристика процесса (шепотом), с актуализацией в смысловой структуре прилагательных тех или иных семантических компонентов.

Присубстантивные распространители в форме, например, родительного падежа имени при исследуемой словоформе шепотом используются значительно реже; ср.:

- (14) (а) Гоните нас – мы уйдем в катакомбы и там, в темноте, задыхаясь, будем жить **шепотом цифр**, шелестом бумажек [И. Эренбург. Необычайные похождения Хулио Хуренито (1921)];
- (б) Но господин в котелке был такой диковиной, что вся «Ротонда» дрогнула, на минуту замолкла, а потом разразилась **шепотом удивления и тревоги** [И. Эренбург. Необычайные похождения Хулио Хуренито (1921)].

В целом словоформа шепотом на двух подступенях зоны периферии существительных характеризуется важнейшими признаками исходной части речи – общеграмматической семантикой предмета, категориями рода, числа и падежа в фиксированных грамматических формах творительного падежа и единственного числа, флексийной морфемой -ом, выражающей значения мужского рода, единственного числа и творительного падежа, первичной функцией дополнения (в подзвене **АБ1**) и типичными распространителями существительного – согласуемыми адъективными словами (слева) и

управляемыми формами косвенных падежей существительных (справа), лексико-грамматическими разрядами нарицательных, неодушевленных и абстрактно-конкретных существительных.

Первый, по сути, синтаксический шаг в сторону наречия у этой словоформы связан с ее употреблением в функции обстоятельства способа действия (подзвено **аБ1**), сопряженной с функцией объектного дополнения, а в подзвене **аБ2** зоны периферии существительных – с единственной функцией обстоятельства образа действия, что подтверждается невозможностью задать вопрос дополнения *чем?*

Периферийное существительного *шепотом*, эксплицирующее первое подзвено в зоне периферии существительного **аБ1**, синтаксически связано с главным, глагольным компонентом словосочетания способом слабого управления, реализующего объектно-обстоятельственные отношения (*убаюкивать ребенка ласкающим шепотом* – *чем?* и *каким способом?* при помощи *чего?*). Двойственность приведенных вопросов к словоформе *шепотом* свидетельствует о ее функциональном синкремизме.

Периферийное же существительное *шепотом*, представляющее вторую подступень **аБ2** на шкале адвербиализации, реализует иной тип присловной подчинительной связи в словосочетании с главным компонентом глаголом (*говорить тихим шепотом*) – падежное примыкание, которое имеет непредсказуемый характер и обусловлено исключительно коммуникативными потребностями говорящего (см.: [27, с. 75–79]).

Как и в зоне ядра, на периферии существительных словоформа *шепотом*, независимо от подступеней **аБ1** и **аБ2** имеет лексическое значение ‘тихая, незвонкая речь, при которой звуки произносятся без участия голосовых связок’, в той или иной степени модифицируемое, особенно при метафорическом переосмыслении, при помощи согласуемых прилагательных.

Периферийное существительное, делающее, условно говоря, первый шаг в сторону наречия, имеет определенную сочетаемость с адъективными словами разных типов – в основном с качественными прилагательными, с местоимениями-прилагательными (*шепотом* – **е е** заворожительным, каким-то непонятным, тем же, этаким, таким) (15). Может оно быть употреблено и с причастными формами глаголов, в том числе подвергшимися в той или иной мере адъективации (*шепотом* – прерывающимся, шипящим, свистящим, задыхающимся, истосковавшимся, захлебывающимся, раздраженным, таящимся, затравленным, озабоченным, умоляющим, плюющимся) (16). Например:

(15) (а) *К зеркалу подойдет – локоны, ресницы, то-се. Себе подмигнет по-потешному. Переимчива была как обезьяна: одну бровь поднимет, и человек готов. Или о тряпках говорит этаким грудным, таинственным шепотом, на манер голливудской звезды: «Фасончик вери найс»* [И. Грекова. Летом в городе (1962)];

(б) *Наконец, Делюкин кончил разговор и тем же шепотом объяснил... [С. Довлатов. Чемодан (1986)];*

(в) *Александра Андреевна теперь называла меня просто «Борей», доказывая: мне-де жить в Петербурге; Москва-де нервит; здесь-де будет теплей; все поглаживая по плечу, наклоняясь и глядя глазами в глаза; приговаривала с таким ласковым шепотом... [А. Белый. Между двух революций (1934)];*

(16) (а) *Мы ж ей того, помешали, – задыхающимся шепотом* зачастил Федька [А.

Олейников. Велькино детство (2007)];

(б) *Потом, придя в себя, вдруг выталкивает языком мокрый, горячий от слюны кляп, но не кричит, а мелким, захлебывающимся шепотом просит...* [М. Шолохов. Поднятая целина. Книга 1 (1932)];

(в) «*Нет, уж вы, Прасковья Юдишна, княжеский стол оставьте, – сказал он раздраженным шепотом, – здесь вам не место*» [А. Апухтин. Между жизнью и смертью (1892)];

(г) *Он говорил тяющимся шепотом, лохматая голова низко опущена, на телеграммы капали слезы* [В. Шишков. Угрюм-река. Ч. 5-8 (1913-1932)];

(д) «*Я не могу отвернуться*», – отвечал он затравленным шепотом [Ф. Искандер. Тринадцатый подвиг Геракла (1966)];

(е) *Ох, нет, барин, – промолвила она озабоченным шепотом, – не переводите меня в больницу, не трогайте меня* [И. Тургенев. Живые мосхи (1874)];

(ж) *Николай Сергеевич руки сложил умоляюще, прошипел умоляющим шепотом...* [Б. Пильняк. Заштат (1923-1928)];

(з) «*Что-то произошло*», – сказал он быстрым плюющимся шепотом [В. Набоков. Король, дама, валет (1927-1928)].

Глаголы, с которыми синтаксически связывается периферийное существительное шепотом способом падежного примыкания или слабого управления, употребляются в четырех основных формах грамматической репрезентации. Таковы:

Личные формы глаголов:

(17) *Было похоже, что Николай Васильевич и впрямь его достал – вместо прежнего спокойного, вальяжного, хорошо одетого и, судя по всему, удачивого риэлтора в ухомне, похрустывая суставами пальцев, взволнованным шепотом бухтел* взъерошенный нервный человек [А. Волос. Недвижимость (2000) // «Новый Мир», 2001].

Инфинитивные формы глаголов:

(18) *И уже после всего этого можно в правую руку взять ножницы для срезания цветов и медленно идти... нет, плыть в сад, чтобы возле зарослей жасмина вдруг охнуть, выронить из рук зонтик, ножницы и пролепетать прерывающимся шепотом:* «*Мишель, ну я же вас просила, я умоляла вас больше не приходить сюда!*» [М. Бару. Замок с музыкой // «Волга», 2013].

Деепричастные формы глаголов:

(19) *Появилась она весьма кстати – у Андрея засиделась однокурсница Марина, изрядно ему надоевшая: льнула к нему с пугающим бесстрашием, укромным шепотом выкладывая* все свои семейные тайны, и так втерлась в доверие к тетке, что ходила с нею на рынок [А. Азольский. Лопушок // «Новый Мир», 1998].

Причастные формы глаголов:

(20) *Слух словно вытягивался в ровную нитку, оплетенную, как телеграфные провода спичечными голосами, шепотом небесных сфер* [И. Полянская. Прохождение тени (1996)].

Следует отметить, что для многих случаев употребления периферийного существительного *шепотом* характерно так называемое семантическое согласование (или, иными словами, смысловая координация) с глаголом, проявляющееся в наличии у них общих сем в смысловой структуре. Имеется в виду сема говорения (звучания); ср.: *говорить тихим шепотом*. Слово *шепот*, как уже сказано, предполагает очень тихую речь. Аналогичное семантическое согласование можно наблюдать и в случаях типа *ехать верхом*, особенно в тавтологических сочетаниях отсубстантивных словоформ с однокоренными глаголами *бежать бегом*, *набить битком*, *кинуть кивком*, *дать даром*. Нечто схожее имеет место при адвербиализации деепричастий с отрицанием в сочетаниях типа *говорить не переставая* (предполагается: не переставая именно говорить) (см.: [28, с. 129]). Подобного рода смысловая координация глагола и отсубстантивного адвербального образования, тем не менее, не является фактором, препятствующим или, наоборот, благоприятствующим процессу адвербиализации существительных типа *верхом*, *шепотом*. Она может как быть (*говорить ласковым шепотом*), так и отсутствовать (*останавливать шепотом*) на разных стадиях адвербиализации субстантивных словоформ; ср.: **сменяться шепотом** (ступень ядра существительного) --> **говорить тихим шепотом**; **останавливать кровь каким-то странным шепотом** (ступень периферии существительного) --> **останавливать кровь шепотом** (ступень гибридных, субстантивно-адвербальных образований) --> **разговаривать шепотом** (ступень периферии наречий).

3. Заключение

Проведенное исследование свидетельствует о том, что в зоне периферии существительных словоформ (*шепотом*) характеризуется двумя типами употребления, демонстрирующими ступенчатое движение в сторону наречий. Первый тип употребления словоформы связан с реализацией объектно-обстоятельственных отношений: будучи полифункциональной, она выступает в качестве дополнения и обстоятельства способа действия. Способ ее присловной связи с главным компонентом словосочетания – слабое управление. Для второго типа употребления периферийного существительного характерна функция обстоятельства образа действия. Способ ее присловной подчинительной связи – падежное примыкание. Наличие облигаторных распространителей в виде согласуемых и / или управляемых компонентов, равно как и функция дополнения, препятствуют дальнейшему продвижению исследуемой словоформы в сторону наречий.

Благодарность.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках научного проекта №24-28-00674 «Исследование адвербиализации как типа ступенчатой транспозиции субстантивных словоформ в системе частей речи русского языка».

Библиография

1. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М.: Изд-во иностранной литературы, 1955. 416 с.
2. Теньер Л. Основы структурного синтаксиса. М.: Прогресс, 1988. 656 с.
3. Курилович Е. Деривация лексическая и деривация синтаксическая // Курилович Е. Очерки по лингвистике. М., 1962. С. 57–71.
4. Мельчук И. Русский язык в модели «Смысл – Текст». Москва – Вена: Школа «Языки русской культуры», Венский славистический альманах, 1995. 682 с.
5. Урысон Е.В. Синтаксическая деривация и «наивная» картина мира // Вопросы

- языкознания. 1996. № 4. С. 25–38.
6. Гак В.Г. Языковые преобразования. М. : Языки русской культуры, 1998. 768 с.
 7. Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Рос. академия наук. Ин-т языкознания. М. : Языки славянской культуры, 2004. 560 с.
 8. Marchand H. Expansion, transposition and derivation // La Linguistique. 1967. Т. 3. № 1. Рр. 13–26.
 9. Eihinger Ludwig M. Syntaktische Transposition und semantische Derivation: die Adjektive auf-isch im heutigen Deutsch. Tübingen. 1982. 241 p.
 10. Stekauer P. A theory of conversion in English. Frankfurt am Main: Peter Lang, 1996. 155 p.
 11. Shigurov V.V., Shigurova T.A. Theoretical Basics of the Transpositional Grammar of Russian language // International Journal of Applied Linguistics and English Literature. 2016. Vol. 5. No. 5. Pp. 237–245.
 12. Виноградов В.В. Русский язык: Грамматическое учение о слове. М.: Высш. шк., 1986. 640 с.
 13. Тихомирова Т.С. Процесс адвербализации творительного падежа (на материале польского языка) // Творительный падеж в славянских языках. М.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 313–350.
 14. Евтухин В.Б. Наречие // Морфология современного русского языка: Учебник для высших учебных заведений Российской Федерации / С.И. Богданов, В.Б. Евтухин, Ю.П. Князев и др. Санкт-Петербург : Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2013. С. 499–538.
 15. Вихованець І.Р. Частини мови в семантико-грамматичному аспекті. Київ: Наукова думка, 1988. 256 с.
 16. Бабайцева В.В. Явления переходности в грамматике русского языка. М.: Дрофа, 2000. 640 с.
 17. Высоцкая И.В. Синкетизм в системе частей речи современного русского языка. М.: МПГУ, 2006. 304 с.
 18. Воротников Ю.Л. Слово и время. М.: Наука, 2003. 168 с.
 19. Падучева Е.В. Эгоцентрические единицы языка. 2-е изд. М.: Издательский Дом ЯСК, 2019. 440 с.
 20. Шигуров В.В. Два вектора развития русского причастия в контексте предикативации и / или адъективации: семантика и грамматика // Научное обозрение: гуманитарные исследования. 2012. № 3. С. 152–158.
 21. Шигуров В.В. Функциональная транспозиция пространственных наречий в императивно-эмотивные междометия (на материале образований *вон*, *прочь*, *долой*) // Филологические науки. 2006. № 3. С. 51–62.
 22. Шигуров В.В., Шигурова Т.А. О модальности глагольных инфинитивов в русском языке // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2014. № 8-3. С. 161–165.
 23. Shigurov V.V., Shigurova T.A. Core Modalates Zone Correlative with Short Adjectives and Predicates in the Russian Language // Man in India, 2017, Т. 97. № 25. С. 177–191.
 24. Большой толковый словарь русского языка / Рос. акад. наук, Ин-т лингвистических исследований [авт. и рук. проекта, гл. ред. С.А. Кузнецов]. Санкт-Петербург: Норинт, 2007. 959 с.

25. Панков Ф.И. Полифункциональность лексических единиц в устной речи (на материале слова «еще») // Динамика языковых и культурных процессов в современной России. 2016. № 5. С. 434–439.
26. Никитин В.М. Разряды обстоятельств в современном русском языке. Рязань. 1973. 119 с.
27. Чикина Л.К. Присловные и предложенные связи в русском синтаксисе / Л.К. Чикина, В.В. Шигуров. М.: Флинта: Наука, 2009. 192 с.
28. Шигуров В.В. Типология употребления атрибутивных форм русского глагола в условиях отрицания действия. Научн. ред. Л.Л. Буланин. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 1993. 385 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Типы употребления периферийных форм творительного падежа в аспекте адвербиализации (субстантивная словоформа "шепотом")», предлагаемая к публикации в журнале «Филология: научные исследования», несомненно, является актуальной, ввиду обращения автора к изучению адвербальной транспозиции языковых единиц, которая была предметом исследования в работах российских и западных ученых, однако, несмотря на наличие трудов, данный вопрос не исследован полностью.

Целью статьи является характеристика адвербиализации как ступенчатого типа транспозиции субстантивных словоформ в наречия. Объект анализа – формы творительного падежа существительных, в той или иной мере подверженные адвербиализации. Предмет рассмотрения – словоформа шепотом, эксплицирующая первую стадию адвербиализации существительных.

Статья является новаторской, одной из первых в российском языкознании, посвященной исследованию подобной тематики в 21 веке. В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы. Используются следующие методы исследования: методы, как оппозиционный анализ, лингвистический эксперимент, элементы компонентного и дистрибутивного анализа, а также общенаучные методы описание, наблюдение.

Практическим материалом исследования послужили типовые контексты, извлеченные из Национального корпуса русского языка, а также собственные примеры авторов статьи. Считаем, что подобный корпус вполне достаточен для проведения исследования. Теоретические положения иллюстрируются текстовым материалом.

Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором.

Библиография статьи насчитывает 28 источников, среди которых теоретические работы как на русском, так и на иностранных языках.

Технически при оформлении библиографического списка нарушены общепринятые требования ГОСТа, а именно несоблюдение алфавитного принципа оформления

источников, а также смешение русскоязычных и зарубежных источников.

К сожалению, в статье отсутствуют ссылки на фундаментальные работы, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации.

В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым, понятным для читателя языком. Опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности в тексте работы не обнаружены. Высказанные замечания не являются существенными и не влияют на общее положительное впечатление от рецензируемой работы. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в процессе преподавания вузовских курсов по теоретической грамматике и практическому курсу русского языка. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Типы употребления периферийных форм творительного падежа в аспекте адвербиализации (субстантивная словоформа "шепотом")» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Фомина Ю.А. Оценочная репрезентация политического образа Китая в современных российских СМИ // Филология: научные исследования. 2024. № 1. DOI: 10.7256/2454-0749.2024.1.44168 EDN: EIBPUK URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=44168

Оценочная репрезентация политического образа Китая в современных российских СМИ

Фомина Юлия Алексеевна

ORCID: 0000-0001-8284-6322

кандидат филологических наук

доцент кафедры иностранных языков и русской филологии Нижнетагильского государственного социально-педагогического института (филиала) ФГАОУ ВО "Российский государственный профессионально-педагогический университет"

622031, Россия, Свердловская область, г. Нижний Тагил, ул. Красногвардейская, 57

[✉ ufomina@yandex.ru](mailto:ufomina@yandex.ru)

[Статья из рубрики "Семантика"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2024.1.44168

EDN:

EIBPUK

Дата направления статьи в редакцию:

29-09-2023

Аннотация: Объектом исследования являются оценочные характеристики образа Китая, представленные в современных российских СМИ. Предмет исследования – содержательные и языковые особенности оценочной репрезентации политического образа Китая как одной из ведущих геополитических сил мира. Материалом работы послужили публикации российских интернет-СМИ (2020–2023 гг.). Автор подробно рассматривает особенности оценочной репрезентации образа главы государства, Си Цзиньпина, а также реализации внутренней и внешней политики Китая. Выявляются положительные и отрицательные оценочные характеристики политического образа Китая. Особое внимание обращается на формирование частнооценочных значений. Характеризуются языковые средства выражения оценки, используемые в текстах современных российских СМИ. Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что в современных российских интернет-СМИ формируется в целом положительный

политический образ Китая (81% положительных оценок). С положительной стороны оцениваются личностные качества главы государства, которые проявляются при осуществлении им политической деятельности. Также в основном положительно оцениваются экономическая ситуация в стране, характер внешней политики по отношению к США, участие в решении конфликта между Россией и Украиной. Отрицательная оценка присутствует только при характеристике завоевательных стратегий в политике Си Цзиньпина. В большинстве случаев положительная абсолютная оценка политики Китая призвана сформировать образ стабильного государства и сильного «игрока» на политической арене. Новизна проведенного исследования заключается в обращении к изучению информационного поля, актуального для российской общественности в связи с высокой динамикой развития международных российско-китайских отношений. Особенности оценочной репрезентации образа государства и реализуемой им политики в СМИ позволяют делать выводы о механизмах формирования оценочных смыслов и воздействия на массовую аудиторию в современном информационном пространстве.

Ключевые слова:

оценка, аксиология, языковая оценка, оценочная семантика, общая оценка, частная оценка, текст, журналистский текст, интернет-СМИ, лексика

В настоящее время информация о большинстве значимых политических, социальных, экономических событий становится известна благодаря СМИ (в том числе интернет-СМИ), которые не просто освещают происходящее в общественной жизни, но и по-своему интерпретируют его, формируют социально-культурные ценности в обществе, создают идеологизированное информационное пространство. Отмечается тенденция к субъективизации языка СМИ [1–4 и др.], их аксиологичность и прагматичность [5–8 и др.]. Проблемы информационного воздействия, выбора языковых средств, соответствующих интенции автора, оценочность медиадискурса находят отражение в работах многих современных исследователей [9–12 и др.].

Важный компонент текстов СМИ – оценка, которая является основным способом транслирования системы ценностей в языке. По словам В. Н. Телии, оценка представляет собой «связь, устанавливаемую между ценностной ориентацией говорящего / слушающего и обозначаемой реалией, оцениваемой положительно или отрицательно по какому-либо основанию в соответствии со "стандартом" бытия вещей или положения дел в некоторой картине мира, лежащим в основе норм оценки» [\[13, с. 22\]](#). Применительно к языку СМИ оценку можно интерпретировать как «результат транслируемого положительного либо отрицательного отношения автора к освещаемым событиям и явлениям, его одобрение или неодобрение, выраженное посредством языка» [\[11, с. 42\]](#), основным назначением которого является воздействие на массовую аудиторию.

Китайская Народная Республика как одна из ведущих геополитических сил мира традиционно представляет большой интерес для России, поэтому ее образ часто находит отражение в российских СМИ. В настоящее время изучение данного информационного поля является особо актуальным в связи с высокой динамикой развития международных российско-китайских отношений. Особенности оценочной репрезентации образа государства и реализуемой им политики в СМИ позволяют делать выводы о механизмах

формирования оценочных смыслов и воздействия на массовую аудиторию в современном информационном пространстве. В связи с этим целью настоящего исследования стало изучение оценочной репрезентации политического образа Китая в современных российских СМИ. В ходе данной работы в публикациях российских интернет-СМИ было выявлено и проанализировано 109 текстовых фрагментов, содержащих оценку образа Китая. Основными объектами оценки, формирующими образ государства на политической арене, являются глава государства (его личностные качества, поведение, деятельность), а также особенности внутренней и внешней политики страны в целом.

Образ главы государства является одним из важных компонентов, создающих полноценный имидж страны. Китайский лидер выступает как представитель страны с большим демографическим показателем, огромным экономическим потенциалом, хорошим военным вооружением и научными достижениями. В прессе оценка образа главы государства формируется за счет интерпретации личных качеств, внешних особенностей или особенностей его характера, а также по результатам ведения внешней и внутренней политики, отражающим способности главы государства руководить страной и добиваться поставленных целей. При этом стоит отметить, что в СМИ политической направленности интерес русских журналистов сосредоточен в большей степени на отображении деятельности руководства Китая по урегулированию конфликта с Украиной и борьбы с американской пропагандой.

Для характеристики образа главы Китая Си Цзиньпина авторы журналистских текстов используют чаще всего положительную оценку (79 %), например:

«Председатель КНР Си Цзиньпин предложил идею "модернизации в китайском стиле", продемонстрировав мудрость, размах и ответственность великого политика» (RG.Ru, 23.03.23). В данном фрагменте слова «мудрость», «размах», «ответственность» характеризуют проявление личностных качеств Си Цзиньпина при проведении внутренней политики, а оценка приобретает положительное значение за счет семантики слов («мудрость — глубокий ум, опирающийся на жизненный опыт»; «размах (перен.) — широта, объем деятельности, работ»; «ответственность — высокоразвитое чувство долга, добросовестное отношение к выполнению своих обязанностей» [14]). Прилагательное «великий» выражает общую положительную оценку политика, подчеркивает его значимость.

«Председатель КНР Си Цзиньпин производит впечатление живого человека... На его лице — добродушие» (РИА Новости, 13.02.21). В данном фрагменте оценивается характер Си Цзиньпина. Так, существительное «добродушие» в значении «доброта, мягкосердечие; незлобивость» [14] и прилагательное «живой» в значении «полный жизненной энергии; деятельный, активный (перен.)» [14] выражают положительную оценку качеств главы государства.

В проанализированных текстах встречается и отрицательная оценка главы Китая (21 %), например: «Амбициозный Си Цзиньпин, конечно, заинтересован в том, чтобы получить всю полноту власти сразу <...>» (Известия, 14.10.22). В данном примере оценка выражается за счет использования прилагательного «амбициозный» (от слова «амбition» — обостренное самолюбие, чрезмерное самомнение; чванство, спесь) [14] и передает отрицательное отношение к политическому деятелю.

Частная и общая оценка главы Китая формируются на основе характера оценочного признака, обусловленного взаимодействием объективных и субъективных факторов [15–17 и др.]. При этом выражаемые частнооценочные значения направлены на отображение

одного аспекта оценки (67 %), а общеоценочные значения отражают отношение к объекту в целом, выражаются в тексте как явная, неоспоримая оценка (33 %).

Рассмотрим примеры с общеоценочным и частнооценочным значением.

«Председатель КНР очень интересный собеседник, он глубоко погружен во все проблемы, в мировые дела, в экономику своей страны и в наши отношения, до деталей все знает, хорошо подготовлен, — оценил российский лидер» (RG.Ru, 29.03.23). В данном фрагменте текста присутствует лексика как с общеоценочным, так и с частнооценочным значением. Так, например, общеоценочное значение содержится в лексеме «хорошо», выражающей общую, явную, выраженную лексически оценку уровня подготовленности Си Цзиньпина к ведению политических дел, а частнооценочное значение содержится в лексеме «интересный» (с интенсифицирующим значение наречием «очень») — дается интеллектуальная психологическая оценка китайского лидера как собеседника.

«Си Цзиньпин — президент Китайской Народной Республики, талантливый политик и человек, которого называют «большим папой» китайского народа» (RG.Ru, 09.10.20). Частнооценочное значение (психологическая интеллектуальная оценка) выражается с помощью прилагательного «талантливый» в значении «обладающий талантом; одаренный, даровитый» [14] и характеризует Си Цзиньпина с одной стороны (как талантливого политика).

«Си считают жестким и неуступчивым политиком» (Известия, 01.06.23). Прилагательные «жесткий» и «неуступчивый» в значении «решительный, упорный» [14] содержат частную оценку (интеллектуальная психологическая оценка) личностных качеств Си Цзиньпина при реализации внешней политики и характеризуют объект оценки с одной позиции (ср.: жесткий, неуступчивый / мягкий, уступчивый).

«Что скрывается за стальным характером Си Цзиньпина?» (Известия, 05.08.23). В данном примере с помощью метафоры «стальной характер» в значении «твёрдый, сильный, не поддающийся внешнему давлению» дается частнооценочная (психологическая интеллектуальная оценка) положительная характеристика личности политика.

Помимо образа главы государства, важным компонентом оценки, формирующим политический образ Китая в российских СМИ, являются особенности китайской внешней и внутренней политики, часто подвергающийся широкой критике и основанной на противопоставлении «свой / чужой». Внимание журналистов обращено не только к главе Китая, но и к китайской власти в целом, которая в КНР представлена Коммунистической партией. В основном в российских медиаресурсах дается оценка решениям и деятельности партии во внешней и внутренней политике, оценивается и характер целей, преследуемых партией, и результат действий.

На основе проанализированных материалов было выявлено, что внешняя политика Китая часто характеризуется использованием так называемой стратегии «мягкой силы» (в противовес стратегии «жесткой силы»), которая предполагает способность добиваться желаемых результатов на основе добровольного согласия, симпатии, без воздействования силы принуждения или выплат. Внутренняя политика государства характеризуется тщательной продуманностью, представляется в российских СМИ взвешенной и эффективной. Основаниями оценки становятся особенности ведения внешней и внутренней политики, современные изменения стратегических направлений во внутренней политике, уровень экономики и содержательные аспекты проектов по

повышению экономического роста страны, демографическая политика в стране.

Для характеристики образа внешней и внутренней политики авторы журналистских текстов используют чаще всего положительную оценку (77 %). В российских СМИ положительно оцениваются рост китайской экономики и результаты экономической политики, стратегия внешней политики по украинскому вопросу и в отношении США, а также действия властей по продвижению китайской модернизации, например:

«Пользователь по имени Уло, который включился в помощь русской армии, сообщил об отправке дронов из КНР для наших бойцов. Он объяснил, что Китайне готов закрывать глаза на нацистские выходки» (Царьград, 12.04.23). В данном текстовом фрагменте подчеркивается готовность Китая помочь русской армии в решении украинского вопроса. Устойчивое фразеологическое сочетание «закрывать глаза» в значении «сознательно не замечать кого-чего-либо (прост.)» [\[18\]](#) в контексте выражает положительное оценочное значение за счет отрицания готовности выполнять действия, обозначенные этим выражением.

«Китай в ситуации вокруг Украины никогда не руководствуется личными интересами, а выступает за честность и справедливость» (RG.Ru, 07.04.23). В приведенном примере оценивается характер внешней политики Китая, положительная оценка которого содержится в лексическом значении существительных «честность» и «справедливость» (от слов «честный – полученный, добытый правдивым, прямым, добросовестным отношением к делу», «справедливый – основанный на беспристрастном соблюдении истины» [\[14\]](#)). При этом в данном примере присутствует и частная оценка (этическая оценка) деятельности китайского правительства по отношению к ситуации на Украине: «не руководствуется личными интересами». Оценка создает положительный образ внешней политики в целом, а также главы государства.

«Ожидания экономического роста Китая достигли 17-летнего максимума. О том, какой фантастический скачок сделал Китай за эти годы, знает весь мир. Но и цена прорыва высока» (Литературная газета, № 1–2, 21.01.23). В данном текстовом фрагменте оценивается экономический рост Китая. Существительное «скачок» в контексте употребляется в переносном значении «резкое изменение чего-н.» [\[19\]](#), положительная оценка которого интенсифицируется за счет прилагательного «фантастический», что позволяет таким образом выделить и маркировать описываемое явление [\[20\]](#).

«Китай уже не один десяток лет наращивает экспорт своих товаров во многие страны, и государства Африки не стали исключением. Небольшая инфографика дает наглядное представление об успехах Поднебесной в этом деле» (Вокруг света, 17.01.22). В данном фрагменте оценивается экономическая стратегия Китая по наращиванию экспорта товаров. Оценка формируется за счет лексемы «успех», которая содержит положительное значение в самом денотате слова («удача в каком-либо деле, удачное достижение поставленной цели» [\[14\]](#)).

В проанализированных журналистских текстах встречается и отрицательная оценка политики Китая (23 %). Чаще всего негативно оцениваются планы Китая выдвинуться вперед на политической арене, например: «Пекин явно вошел во вкус и этим не ограничится, предлагая рецепты оздоровления для разных слоев глобального мира, но отталкиваясь при этом от собственных интересов» (Журнал российского китаеведения, № 5, 05.04.23). В данном текстовом фрагменте отрицательная оценка внешней политики Китая создается за счет смыслового содержания контекста, которое передает значение

хитрой манипулятивной политики «мягкой силы».

В проанализированных текстах встречается частная (83 %) и общая (17 %) оценка.

«Китайская экономика отличается высокой устойчивостью, огромным потенциалом и неисчерпаемой жизненной силой. Ее долгосрочные фундаментальные показатели остаются неизменно положительными» (RG.Ru, 03.01.23).

В данном примере наблюдается использование и частной, и общей оценки. С помощью частнооценочных значений (национальная оценка) характеризуются показатели экономического состояния страны — «высокая устойчивость, «огромный потенциал», «неисчерпаемая жизненная сила». Общая положительная оценка фундаментальным показателям экономики дается за счет использования прилагательного «положительный» и интенсифицирующим его наречием «неизменно» (в значении «всегда, постоянно (перен.)» [\[14\]](#)).

С помощью общей оценки чаще всего дается характеристика внутренней политики Китая, а именно результата проектов по развитию экономического роста и поддержанию социальной стабильности в стране. Общая оценка выражается на лексическом уровне, где сема «хорошо» будет присутствовать во всех оценочных языковых лексемах, например: «Китайская экономика отлично справляется с ростом инфляции и долгосрочной социальной стабильностью, — заявил политолог» (RG.Ru, 13.03.22). В данном примере оценивается экспертом-политологом оценивается состояние экономики Китая. Посредством лексемы «отлично» выражается общая оценка явления.

В большинстве проанализированных примеров для характеристики внешней и внутренней политики Китая используется абсолютная оценка (89 %), то есть непосредственная оценка объекта. Следует отметить, что иногда для показа изменений внутри государства привлекаются сравнительные оценки (11 %). При этом абсолютная оценка формирует образ внутренней стабильности, в частности стабильного показателя высокого экономического уровня в Китае, а сравнительная оценка, наоборот, отражает динамику изменений, например: «В прошлом году в Китае родилось 10,62 млн детей — этот показатель стал худшим с 1949 года, когда в КНР начали собирать эту статистику» (Вокруг света, 17.01.22). В данном примере оценивается изменение демографического показателя в Китае, оценка которого выражена превосходной степенью прилагательного «худший» в значении «самый плохой» [\[14\]](#). Таким образом, сравнительная оценка демографического показателя приобретает отрицательное значение за счет семантики слова.

На основе проведенного анализа можно сделать вывод о том, что в российских СМИ формируется в целом положительный политический образ Китая (81 % положительных оценок). С положительной стороны оцениваются личностные качества главы государства, которые проявляются при осуществлении им политической деятельности. Отрицательная оценка присутствует только при характеристике завоевательных стратегий в политике Си Цзиньпина. Журналисты при обращении к образу главы Китая чаще всего используют частнооценочные лексемы, характеризующие с положительной стороны коммуникативные и интеллектуальные способности политического деятеля, а также его профессиональные качества при осуществлении внутренней и внешней политики. Также в основном положительно оцениваются экономическая ситуация в стране, характер внешней политики по отношению к США, участие в решении конфликта между Россией и Украиной. При этом авторы журналистских материалов чаще обращаются к частнооценочным значениям (83 %). Сравнительные формы оценки встречаются по

отношению к характеристике изменений внутри страны (демографическая ситуация). В большинстве случаев положительная абсолютная оценка политики Китая призвана сформировать образ стабильного государства и сильного «игрока» на политической арене.

Библиография

1. Володина М. Н. Язык СМИ – основное средство воздействия на массовое сознание // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования / Под ред. М. Н. Володиной. М.: МГУ. 2003. С. 9–31.
2. Добросклонская Т. Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ: современная английская медиаречь. М.: Флинта. 2008.
3. Кормилицына М. А. Тенденции изменений в стилистическом облике традиционных журналистских жанров в современной прессе // Жанры речи. 2018. № 1 (17). С. 67–72.
4. Сидоров В. А., Ильченко С. С., Нигматуллина К. Р. Аксиология журналистики: опыт становления новой дисциплины. СПб.: Роза мира, 2009.
5. Гусева А. Е., Прокофьева О. В. Языковые средства презентации образа России и Германии в российских и немецких СМИ // Актуальные вопросы современной лингвистики. Материалы IX Региональной научно-практической конференции (с международным участием) / Отв. ред. М. Н. Левченко. .М.: Московский государственный областной университет, 2022. С. 86–90.
6. Дускаева Л. Типы изложения в журналистских речевых жанрах // Стилистика: язык, речь и текст. Минск: Образование и воспитание. 2017. С. 361–368.
7. Ерофеева И. В. Медиатекст как носитель национальных ценностей // Медиатекст: стратегии – функции – стиль: коллективная монография / Ред. Л. И. Гришаева, А. Г. Пастухов, Т. В. Чернышова. Орёл: Орловский государственный институт искусств и культуры, полиграфическая фирма «Горизонт», 2010. С. 101–109.
8. Соколова О. В. Типология дискурсов активного воздействия: поэтический авангард, реклама и PR. М.: Гнозис, 2014.
9. Афонасова В. Н. Лингвистические средства выражения идеологической оценки и их передача в переводе // Военно-правовые и гуманитарные науки Сибири. 2021. № 4. С. 122–130.
10. Буянова Ю. В. Влияние контекста на реализацию коннотативного значения компаративных фразеологических единиц (на материале французского языка) // Альманах мировой науки. 2021. № 10 (53). С. 7–10.
11. Ланкина Ю. С. Прагматика трансляции оценки в медиатекстах СМИ // Иностранные языки и современные тенденции в иноязычном образовании. Материалы VII Всероссийской научно-практической конференции, приуроченной к Году педагога и наставника. 21 апреля 2023 г. / Отв. ред. С. Ю. Капкова. Воронеж: Воронежский государственный педагогический университет, 2023. С. 41–43.
12. Радбиль Т. Б. «Псевдоценности» в современном отечественном медийном дискурсе: опыт логического анализа имплицитной оценочности в языке печатных СМИ // Медиалингвистика. 2021. № 8 (4). С. 406–420.
13. Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М.: Наука, 1986. 143 с.
14. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Русский язык, 2000.
15. Wright G. H. von. The Varieties of Goodness. New York, London, 1963.

16. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988.
17. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. М.: Ком Книга, 2006.
18. Федоров А. И. Фразеологический словарь русского языка. М.: Астрель, 2008.
19. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. М.: Мир и образование, 2015.
20. Сандакова М. В. Оценочные интенсификаторы в современном русском языке: семантический и прагматический аспект // Проблемы лингвистической прагматики: Доклады международной научной конференции. Калуга, 10–12 сентября 2021 г. / Под. ред. А. Н. Еремина и др. Калуга: ФГБОУ ВО «Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского», 2021. С. 208–211.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Оценочная репрезентация политического образа Китая в современных российских СМИ», предлагаемая к публикации в журнале «Филология: научные исследования», несомненно, является актуальной, ввиду возрастающего интереса к китайскому языку в нашей стране, а также усиливающихся экономических и культурных связей между странами.

Автор обращается к исследованию репрезентации образа Китая в российских СМИ, в первую очередь его лидера. Выводы подкреплены статистическими данными.

Отметим наличие сравнительно небольшого количества исследований по данной тематике в отечественном языкознании. Статья является новаторской, одной из первых в российской лингвистике, посвященной исследованию подобной проблематики. В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы.

К сожалению автор не указывает объем корпуса исследования, а также методологию его формирования.

Теоретические измышления недостаточно проиллюстрированы языковыми примерами, а также представлены убедительные данные, полученные статистическими методами или корпусным анализом.

Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором.

Отметим, что заключение требует усиления, оно не отражает в полной мере задачи, поставленные автором и не содержит перспективы дальнейшего исследования в русле заявленной проблематики. Библиография статьи насчитывает 20 источников, среди которых представлены работы как на русском, так и иностранных языках. К сожалению, в статье отсутствуют ссылки на фундаментальные работы отечественных исследователей, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации.

Технически при оформлении библиографического списка нарушены общепринятые требования ГОСТа, а именно несоблюдение алфавитного принципа оформления источников.

Высказанные замечания не являются существенными и не умаляют общее

положительное впечатление от рецензируемой работы. Опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности в тексте работы не обнаружены. В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым, понятным для читателя языком. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в процессе преподавания вузовских курсов лексикологии, изучению китайского политического дискурса, а также курсов по междисциплинарным исследованиям, посвящённым связи языка и общества. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Оценочная репрезентация политического образа Китая в современных российских СМИ» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Ли Л. Свойства союза "хоть... хоть..." и организуемой им конструкции в структуре синтаксических единиц современного русского языка // Филология: научные исследования. 2024. № 1. DOI: 10.7256/2454-0749.2024.1.69546 EDN: EKEFUG URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69546

Свойства союза "хоть... хоть..." и организуемой им конструкции в структуре синтаксических единиц современного русского языка

Ли Ляньмэй

ORCID: 0000-0003-0312-7923

аспирант, Высшая школа Русской филологии, Тихоокеанский государственный университет

680035, Россия, Хабаровский край, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, 148, кв. 509

✉ 154965726@qq.com

[Статья из рубрики "Синтаксис"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2024.1.69546

EDN:

EKEFUG

Дата направления статьи в редакцию:

10-01-2024

Аннотация: Объектом статья является разделительный союз "хоть... хоть...", а предметом – свойства "хоть... хоть..." в системе синтаксических единиц: словосочетаний, простом и сложном предложении. Кроме того, рассматриваются текстовые особенности данного союза. Особое внимание уделяется квалификации сочинительного ряда с союзом "хоть... хоть..." в плане его отнесенности/неотнесенности к словосочетанию. В простом предложении исследуется место ряда с союзом "хоть... хоть..." в системе второстепенных членов предложения, в составе причастных, деепричастных оборотов, а также при выражении дополнительной предикативности. При обращении к сложному предложению выясняются причины ограниченного функционирования «хоть... хоть...» в данной синтаксической единице. Применительно к тексту рассматриваются текстовые возможности «хоть... хоть...» в качестве вторичной текстовой скрепы. Исследование опирается на методологию Дальневосточной синтаксической школы. Она заключается в многоаспектном описании того или иного служебного слова на морфолого-синтаксическом, собственно синтаксическом и коммуникативно-прагматическом уровнях.

Вследствие этого устанавливаются связи служебного слова как с ближним, так и дальним синтаксическим окружением. Полученные данные используются для его расширенного лексикографического портретирования. Основными выводами проведенного исследования является следующее. Сочинительный ряд с союзом "хоть... хоть" не является словосочетанием, а словоформа, с которой он связан подчинительными отношениями следует квалифицировать как общий член его синтаксической конструкции. Ряд с союзом "хоть... хоть..." может занимать позиции различных членов предложения, функционировать в составе причастных и деепричастных оборотов, а также участвовать в организации дополнительной предикативности. Связь сочинительного ряда-подлежащего с общим членом-сказуемым может быть координированной или некоординированной. Решение проблемы говорящим заключается в «согласовании по смыслу». Факты сложных предложений с союзом "хоть... хоть" не зафиксированы. В случае парцелляции ряд с союзом "хоть... хоть..." становится организующим центром коммуникативно-прагматической ситуации, представленной в виде сложного синтаксического целого. Особым вкладом автора в исследование темы является установление корреляции между синтаксическими свойствами конструкции с союзом «хоть... хоть...» и его категориальными особенностями. Новизна исследования заключается во включении союза «хоть... хоть...» в систему актуального современного направления – интегрального описания языковых единиц.

Ключевые слова:

синтаксис, союз, конструкция, конструктивные свойства, синтаксическая связь, синтаксические отношения, синтаксический ряд, сочинение, разделительная связь, семантика

1. Введение

Современная лингвистика характеризуется повышенным интересом к интегральному описанию лингвистических языковых единиц, в том числе служебных (см.: [\[1; 6; 14; 16; 20\]](#) и др.), что продиктовано необходимостью представления каждой из них во всей совокупности категориальных свойств. Этим обусловливаются актуальность настоящего исследования.

Союз *хоть... хоть...* является малоизученным средством синтаксической связи. Специальных исследований, посвященных именно ему в русистике, практически нет. В нашей статье [\[5\]](#) рассматривались вопросы конструктивных свойств и семантики данного союза, однако остается открытым вопрос о его функциях и организуемой им конструкции в составе основных синтаксических единиц: словосочетании и предложении (как в простом, так и сложном), а также в структуре текста, ибо синтаксическое «поведение» того или иного союза в силу специфики данного класса языковых единиц напрямую связано с его категориальными свойствами.

В связи с этим объектом настоящего исследования является союз *хоть... хоть...,* а его предметом – синтаксические свойства данного союза. Цель исследования состоит описание свойств союза *хоть... хоть...* и организуемой им конструкции в системе основных синтаксических единиц (словосочетании, простом и сложном предложении), а также изучение вопроса о текстовых свойствах текстовые особенности данного союза. Этим обусловливаются и конкретные задачи, поставленные перед ним, а именно:

- рассмотреть сочинительный ряд с союзом *хоть... хоть...* в плане его отнесенности / неотнесенности к словосочетанию;
- исследовать его место в системе второстепенных членов предложения, в составе причастных, деепричастных оборотов, а также при выражении дополнительной предикативности;
- выяснить возможность / невозможность функционирования конструкции с *хоть... хоть...* в структуре сложного предложения;
- изучить возможность функционирования *хоть... хоть...* в качестве вторичной текстовой скрепы в структуре сложного синтаксического целого;
- определить возможную взаимосвязь между синтаксическим поведением *хоть... хоть...* и особенностями его семантики.

2. Материалы и методы

Эмпирической базой работы являются факты естественного языка, а конкретный языковой материал извлечен из текстов современной художественной и публицистической литературы «Национального корпуса русского языка» [\[8\]](#).

В исследовании применяется методология Дальневосточной синтаксической школы [\[6; 12; 18; 17; 19; 20\]](#), которая заключается в изучении контекстов, в которых функционирует то или иное служебное слово, и многопараметровом описании его на различных языковых уровнях (морфолого-синтаксическом, собственно синтаксическом, коммуникативно-прагматическом и др.). На основе этого устанавливаются связи служебного слова как с близким, так и дальним синтаксическим окружением. Полученные данные используются для его расширенного лексикографического портретирования (см.: [\[6; 17\]](#)).

3. Обсуждение

Рассмотрим особенности функционирования союза *хоть... хоть...* в структуре словосочетания, предложения (простого и сложного), а также текста.

3.1 Словосочетание. Конструкцию, организуемую союзом *хоть... хоть...*, применительно к словосочетанию можно рассматривать с различных сторон. Например:

*А недельки через две мы закончим план, тогда я сниму сейнер – валяйте **хоть** в Таганрогский, **хоть** в Арабатский залив...* [П. А. Сажин. Трамонтана (1959) // «Современник», 1977].

Согласно академической трактовке сочинительный ряд словоформ как в целом, так и в нашем конкретном случае (*хоть* в Таганрогский, *хоть* в Арабатский) нельзя понимать как словосочетание, ибо таковым в ней признается только соединение на основе подчинительных отношений между словоформами [\[13, с. 13-82\]](#).

В свою очередь, сторонники расширенного толкования данной синтаксической единицы относят к словосочетаниям «любые синтаксически организованные (т. е. основанные на синтаксической связи) сочетания слова с формой слова и все сочетания синтаксически связанных форм слов, не обладающие предикативностью» [\[3, с. 592\]](#). Это, по их мнению, обусловлено изоморфизмом структуры языка, в которой «подчинение и сочинение есть на всех уровнях синтаксической системы» [\[2, с. 169\]](#).

При таком подходе соединение **хоть** в *Таганрогский*, **хоть** в *Арабатский* является сочинительным словосочетанием, выражающим разделительные отношения.

Существует и компромиссное решение проблемы. Исходя из положения А. М. Пешковского о том, что «сочинение внутри предложения – лишь эпизод на фоне подчинения» [11, с. 60] Л. В. Лисоченко говорит о словосочетании «с сочиненным рядом слов в роли главного компонента» [7, с. 13]. В этом случае соединение **хоть** в *Таганрогский*, **хоть** в *Арабатский залив* является контаминированным, в котором словоформы *таганрогский* и *арбатский* связаны подчинительной связью со словоформой *залив*, образуя целостную синтаксическую структуру.

Однако К. Я. Сигал, опираясь на то же самое положение А. М. Пешковского, считает, что «при собственно синтаксическом подходе расширение сферы словосочетания за счет сочинительных сочетаний неоправданно» [15, с. 37], ибо данном случае понятие номинативности, обязательное для словосочетания как такового, подменяется понятием однородности, что говорит в целом о различном позиционном распределении «компонентов подчинительных и типичных сочинительных сочетаний в предложении-высказывании» [15, с. 38].

Нами принимается академическая трактовка словосочетания, и мы не относим к нему соединение **хоть** в *Таганрогский*, **хоть** в *Арабатский*, так же, как и аналогичные ему соединения с союзом *хоть... хоть...*, квалифицируя их как ряды сочиненных словоформ. Что касается словоформ, с которыми на синтаксическом уровне связан подчинительными отношениями такой ряд (в нашем примере – *залив*), то мы, согласно понятиям конструктивного синтаксиса (см.: [Прияткина 2019]) квалифицируем их как общий член синтаксической конструкции, организуемой данным союзом.

3.2 Простое предложение. В простом предложении союз *хоть... хоть...* организует построения, осложняющие его синтаксическую структуру и квалифицируемые как ряды однородных членов.

Ряд с союзом *хоть... хоть...* способен занимать позиции любых второстепенных членов предложения.

Это могут быть согласованные (а) и несогласованные (б) определения:

а) Тогда любой **человек**, хоть пожилой, **хоть** молодой, сможет легко сориентироваться на этой огромной территории. [«Можно ли гонять по кладбищу на машинах?» // Комсомольская правда, 2011.05.04], А если есть хоть тысячный, **хоть** сотый, **хоть блеклый** **шанс** на крошечный просвет – тогда, конечно, двигайся, работай (не спрашивай о смысле. [Дмитрий Быков. «Итоги года? Пусть бы он забылся!» Дмитрий Быков подвел черту под 2016 // Новая газета];

б) Он в случае надобности мог не моргнув глазом действовать **от имени** хоть маршала, **хоть наркома**, нисколько не опасаясь последствий [Владимир Богомолов. Момент истины (В августе сорок четвертого...) (1973)]; Даже созерцая собственные ногти, можно построить вполне достойную **систему** хоть мирозданья, **хоть** познания, **хоть** ежедневных планов. [Сергей Роганов. Homo mortem (2003) // Интернет-альманах «Лебедь», 19.10.2003].

Прямое (а) и косвенное (б) дополнение:

а) Она **дала** мне хоть иллюзию, **хоть** призрак любви, и это истинно царский, неоплатный

подарок... [А. И. Куприн. Телеграфист (1911)], В некоторых магазинчиках можно свободно **купить** **хоть** кинжал с кастетом, **хоть** телескопическую дубинку, **хоть** электрошокер. [Сергей Куклеев. Дагестанский бизнесмен // Комсомольская правда], Кстати, идея о том, чтобы самому **напечатать** **хоть** шкаф, **хоть** тарелку, **хоть** туфли – тоже не фантастика, а неожиданно наступившее будущее. [Юлия Смирнова. Роботы наступают! // Комсомольская правда];

б) В ней, кстати, предложили не только вид от первого лица, но и возможность **сыграть** **хоть** за чайку, **хоть** за кота. [Игровые трейлеры недели: Жанна Д'Арк за демонов, русские роботы против // lenta.ru], Воспетый стихами, Григорьев **мог** **явиться** **хоть** светлым ангелом, **хоть** золотым рыцарем, **хоть** белым менестрелем, а тут... [Ю. М. Нагибин. Запертая калитка].

Различные семантико-синтаксические виды обстоятельств:

(место) **Играют** ведь где угодно, **хоть** на пустырях в трущобах, **хоть** на асфальте, **хоть** на пляже [Мяч на босу ногу // «Огонек»]; (образ действия) И еще ей хотелось **хоть** одним глазком, **хоть** краешком глаза взглянуть на Егоршу: как он сегодня-то, на трезвую голову? [Федор Абрамов. Две зимы и три лета]; (время) Это позволит ездить на велосипеде без проблем при любой погоде **хоть** летом, **хоть** зимой. [Во всем мире // «Знание – сила»]. И т.д.

Если синтаксический ряд с союзом **хоть...** **хоть...** представлен в качестве подлежащего в двусоставном предложении, то общий член ряда занимает позицию сказуемого. В этом случае связь между ним и сочинительным рядом может быть координированной или некоординированной. При координированной связи имеет место лексико-грамматическое согласование общего члена ряда с сочиненными словоформами в числе:

Это **хоть** нашбрат, **хоть** немецпонимают. [Г. Белых. Дом веселых нищих].

В случае же некоординированной связи согласование в числе отсутствует:

...Мог творить чудеса в мире, таком Ему чуждом, когда **хоть** искраверы, **хоть** трещинка в броне нашего неверия **позволяла** Ему действовать. [Антоний (Блум). Насыщение толпы пятью хлебами].

Это известная проблема в системе субъектно-предикативных отношений, которая решается коммуникативно-прагматической оценкой ситуации говорящим и соответствующим выбором числа предикативной словоформы. В. З. Санников видит здесь «согласование по смыслу» [14, с. 150], которое О. С. Пекелис поясняет следующим образом: «единственное число глагола служит отдельной интерпретации конъюнктов (как «простых атомов»), а множественное число глагола – интерпретации их как «множества» [10, с. 82].

В составе сказуемого конструкция с союзом **хоть...****хоть...** может организовывать ряды однородных глагольных сказуемых, причем наиболее частотны в них императивные словоформы:

Впрочем, **хоть** жалей о таком изгнании, **хоть** приветствуй его, здесь бы и дословное воспроизведение ничему не помогло. [Ирина Васюченко. Хромые на склоне // «Ковчег», 2014]; Если и приезжает кто сюда порыбачить – так это браконьеры одни. Им **хоть** пой, **хоть** пляши... [М. Б. Бару. «Не пишется проза, не пишется» // «Волга», 2011]; – Вот так, а теперь **хоть** судите, **хоть** принимайте, назад возврата нет. [П. Л. Проскурин. Исход.

Части III-IV (1967)]; **Хоть** зубами *грызи*, **хоть** головой *стучись* – дохлое дело. [Д. Емец. Т. Гроттер и колодец Посейдона]; – Брось... – **Хоть** брось, **хоть** подними, а так. И я понял, что так оно и есть. [С. Лунгин. Виденное наяву]. И т.д.

Ряд ученых относит подобные структуры к сфере сложного предложения (см.: [\[18, с. 173-174\]](#)), но мы придерживаемся традиционной точки зрения по данному вопросу.

Глагольные словоформы изъявительного наклонения представлены в сказуемых рядах с союзом **хоть...** **хоть...** незначительным количеством фактов:

*И пусть **хоть горит**, **хоть гниет**, надо успеть упасть на полосу.* [В. В. Ершов. Дневник (1984) // Летние дневники. 1984-2002 годы / Проза.ru]; **Хоть просить буду, хоть быть** тебя **буду**, не давай водки, не давай и денег [Г. Данилевский. Беглые в Новороссии]]; *Мне его настроение без разницы. Пусть **хоть плачет**, **хоть смеется**.* [Заикин Р. «Спартак» устоял на Кубани. Молодежь красно-белых оказалась выносливее хозяев // Советский спорт].

В структуре подобных рядов не выявлено ни одного факта с глаголами в форме сослагательного наклонения.

Причины такой «избирательности» союза **хоть...** **хоть...** мы видим в прототипической семантике его структурного компонента **хоть**, этимологически восходящего к форме императива глагола *хотеть* (**хоти*) [\[9, с. 131-133\]](#). Говоря иначе, «семантическая и типологическая связь с глаголом *хотеть* включает организуемую союзом **хоть...** **хоть...** конструкцию в смысловое поле категории желательности» [\[5, с. 40\]](#). Именно это и обуславливает ориентацию этого союза на организацию императивных рядов словоформ. Ср.: **хочешь иди, хочешь оставайся – всё равно** // **хоть иди, хоть оставайся – всё равно**.

Ряд, организованный союзом **хоть...** **хоть...**, может быть также выражен именной или инфинитивной частью составного глагольного сказуемого. В такой ситуации в качестве общего члена могут выступать как полусвязочные глаголы, так и сама связка:

– Для тебя, дорогая, я **готов быть хоть** Родионом, **хоть** Романом, – отвечал кто-то. [С. И. Шуляк. Квартира номер девять. Роман с чертовщиной // «Волга», 2013]; Орест, если ты **осмелиишься хоть слово сказать, хоть вид подать**, что ты слышал, я возненавижу тебя на всю жизнь... [А. А. Потехин. Выгодное предприятие].

Присутствуя в структуре причастного, деепричастного или инфинитивного оборота, синтаксический ряд с союзом **хоть...** **хоть...** участвует в организации дополнительной предикативности. Согласно А. Ф. Прияткиной различаются прямая и косвенная дополнительная предикативность [\[12, с. 19-29\]](#). Прямая имеет место в случае, если в синтаксическом ряде с союзом **хоть...** **хоть...** присутствует словоформа, являющаяся носителем данной функции (причастие, деепричастие, инфинитив). Например:

А ведь еще недавно, при Генеральных секретарях, писатель рылся в деньгах, как в сору, будь он **хоть фронтирующий**, **хоть верноподданный**, и считался вторым человеком после патриарха всея Руси. [В. Пьецух. Письма из деревни // «Октябрь»]; Там он засыпал мгновенно, **хоть сидя, хоть стоя**: пять минут, да – твои. [Г. Я. Бакланов. Нездешний // «Знамя»]; Что он скажет, то я и сделаю. **Хоть учиться, хоть работать** – все сделаю!.. Только не приневоливай ты меня выходить за Ваньку Обнизова! [М. А. Шолохов. Поднятая целина. Книга 2].

Косвенная дополнительная предикативность основывается на имплицитных показателях, и «дополнительный предикат в данном случае или подразумевается, или выявляется через лексическую семантику» [\[12, с. 21\]](#).

Хоть три часа, хоть пять, будь уверен, никто и слова не проронит. [М. Москвина. Небесные тихоходы] (подразумевается предикат – пройдет); **Пожалуйста, я тебе дам любые объяснения, хоть в письменном виде, хоть как...** [Анатолий Рыбаков. Тяжелый песок (1975-1977)] (подразумевается предикат – будучи); **Хоть горькая, хоть сладкая, хоть соленая, а мысль в клипе должна быть, уже не говоря о том, что клип – это хобби, а не профессия.** [Нонна Мордюкова. Казачка (2005)] (подразумевается предикат – пускай). И т.д.

Обязательным для косвенной предикативности в этих примерах является коммуникативно-прагматическая отчлененность ряда с союзом *хоть...* *хоть...*, выражаемая на письме знаками препинания, посредством чего ряд синтаксически актуализируется и в силу этого получает предикативные признаки.

3.3 Сложное предложение. Факты участия союза *хоть...* *хоть...* в организации сложного предложения нами не зафиксированы. В этом плане *хоть...* *хоть...* принципиально отличается от других разделительных союзов, например от таких же многоместных *не то... не то..., то ли... ли..., то... то...*, которые в той или иной мере, но функционируют в сложном предложении:

До сих пор не могу понять: то ли ее раньше действительно не было, **то ли** я ее просто не замечал. [Вера Белоусова. Второй выстрел (2000)]; *Пахнет каким-то соленым, квасом и плесенью. Не то* рядом стоит бочка с огурцами, **не то** капусту квасят. [Ю. О. Домбровский. Факультет ненужных вещей, часть 1 (1978)]; **То** у него физкультуру отменили, **то** математичка заболела... [Елена Павлова. Вместе мы эту пропасть одолеем! // «Даша», 2004].

Конечно, теоретически возможно существование высказываний с союзом *хоть...* *хоть...*, построенных по модели сложного предложения: *Ему хоть солнце светит, хоть дождь идет – всё равно.* Но в любом случае такие факты будут единичными. Причину этого мы также видим в прототипической семантике структурного компонента данного союза, которая ориентируется на категоризацию одного субъекта с предоставлением ему альтернативного выбора-желания. Поэтому наш экспериментальный пример лучше преобразовать следующим образом: *Ему хоть солнце свети, хоть дождь иди – всё равно.* Но и такое полисубъектное употребление союза *хоть...* *хоть...* тоже является ограниченным. Если же говорить в целом, то в таком «поведении» союза *хоть...* *хоть...*, как мы полагаем, реализуется его аксиологическая сущность как маркера желательности (см.: [\[16, с. 91-148\]](#)).

3.4 Текст. Под текстовыми свойствами союза мы понимаем его способность связывать не только те предложения, перед которыми непосредственно располагаются его компоненты, но и более крупные синтаксические образования, т.е. выполнять функцию текстовой скрепы. Данная функция у союзов вторична, ибо осуществляется на фоне их основной – организации синтаксической связи, но по своей сути мало отличается от функции первичных скреп, таких, как *итак*, *таким образом*, участвующих в организации текстовой связанности [\[19\]](#). Текстовые свойства одиночных союзов (*и*, *а*, *но*, *да*, *или* и др.) общеизвестны. Есть они и у некоторых многоместных. Например, у союза *то...* *то...* функция скрепы развита до такой степени, что его структурные компоненты, дистанцируясь друг от друга могут, связывать не только «пределы не только сложного

синтаксического целого, но также абзацев, глав и даже более крупных текстовых объединений» [4, с. 48].

Однако у союза *хоть... хоть...* текстовые свойства выражены слабо. Его структурные компоненты вместе со членами синтаксического ряда тесно связаны между собой. Вместе с тем в определенных контекстах в случае парцелляции ряда (а такие случаи нередки) конструкция с союзом *хоть... хоть...* может быть тематическим центром коммуникативно-прагматической ситуации, представленной в виде развернутого текста:

Такое легко написать и еще легче — сказать. А следовать этому — бесполезно, потому что это либо есть в человеке и тогда ты — по праву в своей профессии, либо нет — и тогда ты один из многих. Сегодня тренер, завтра — журналист, послезавтра — пирожками торгуешь. Хоть в Москве, хоть в Каргополе; хоть мастер, хоть кто. Почему еще я так уверенно об этом говорю? Потому что пусть одного, но такого вот шахматного тренера-фанатика — знаю. Вообще-то его все знают: шахматный мир крошечный — но «с подветренной» стороны. [Илья Одесский. И я на это не мастак (2004) // «64 – Шахматное обозрение», 15.10.2004].

То, что в данном сложном синтаксическом целом ряд с союзом *хоть... хоть...* реализует определенные текстовые потенции, видится нам в следующем: в наличие предшествующей и последующей частей, коннекторами между которыми является ряд. При этом «информация из левого контекста скрепы не повторяется в ее правом контексте, а логически вытекает из нее» [19, с. 98]. Это все признаки так называемой присоединительной скрепы [Там же]. Однако этот вопрос требует отдельного, более детального исследования.

4. Заключение

Основными выводами проведенного исследования является следующие.

Сочинительный ряд с союзом *хоть... хоть...* не является словосочетанием в традиционном понимании этого термина, а словоформа, с которой он связан подчинительными отношениями следует квалифицировать как общий член его синтаксической конструкции.

Ряд может занимать позиции различных членов предложения, функционировать в составе причастных и деепричастных оборотов, а также участвовать в организации дополнительной предикативности.

Связь сочинительного ряда-подлежащего с общим членом-сказуемым может быть координированной или некоординированной. Решение проблемы говорящим заключается в «согласовании по смыслу».

Факты сложных предложений с союзом *хоть... хоть...* не зафиксированы.

В случае парцелляции ряд с союзом *хоть... хоть...* становится организующим центром коммуникативно-прагматической ситуации, представленной в виде сложного синтаксического целого.

Особым вкладом автора в исследование темы является установление определенной корреляции между синтаксическими свойствами конструкции с союзом *хоть... хоть...* и семантическими особенностями.

Новизна исследования заключается во включении данного исследования и его результатов в систему актуального современного направления – интегрального описания

языковых единиц.

Дальнейшие перспективы исследования видятся нам в описании коммуникативно-прагматических особенностей союза *хоть... хоть....*

Библиография

1. Апресян Ю. Д. Основные принципы и понятия системной лексикографии // Языковая картина мира и системная лексикография. Москва: Языки славянских культур, 2006. С. 33-74.
2. Бабайцева В. В. Подчинительные и сочинительные словосочетания // Бабайцева В. В. Избранное. 2005-2010. Москва; Ставрополь: СГПУ, 2010. С. 168-180.
3. Белошапкова В. А. Словосочетание // Современный русский язык / В. А. Белошапкова, Е. А. Брызгунова, Е. А. Земская и др. / Под ред. В. А. Белошапковой. Москва: Высшая школа. 1989. С. 588-602.
4. Завьялов В. Н. Союз «ТО...ТО...» как объект лексикографического портретирования: монография. Хабаровск: ТОГУ, 2018. 128 с.
5. Завьялов В. Н., Ли Ляньмэй. Морфолого-синтаксические свойства союза ХОТЬ...ХОТЬ... и его семантика // Научный диалог. 2022. Т. 11. № 4. С. 29-45. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-4-29-45.
6. Лексикографические портреты служебных слов: монография / Е. А. Стародумова, Е. С. Шереметьева, В. Н. Завьялов и др. Владивосток: ДВФУ, 2022. 322 с.
7. Лисоченко Л. В. Изучение сочинительной и подчинительной связей слов в педагогическом вузе: учеб. пособие. Таганрог: ТГПИ, 1996. 188 с.
8. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 25.12.2023).
9. Николаева Т. М., Фужерон И. И. Некоторые наблюдения над семантикой и статусом сложных предложений с уступительными // Вербальные и невербальные опоры пространства межфразовых связей. Москва: Языки славянской культуры, 2004. С. 99-133.
10. Пекелис О. Е. «Частичное согласование» в конструкции с повторяющимся союзом: корпусное исследование основных закономерностей // Вопросы языкознания. 2013. № 4. С. 55-86.
11. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. 8-е изд. Москва: Языки славянской культуры, 2001. 544 с.
12. Прияткина А. Ф. Русский язык: Синтаксис осложненного предложения: учеб. пособие для филол. спец. вузов. Москва: Высшая школа, 2019. 176 с.
13. Русская грамматика / Под ред. Н. Ю. Шведовой. В 2-х т. Москва: Наука, 1980. Т. 2. 710 с.
14. Санников В. З. Русский синтаксис в семантико-прагматическом аспекте. Москва: Языки русской культуры, 2008. 640 с.
15. Сигал К. Я. Теория словосочетания и речевая деятельность. ИЯ РАН. Москва; Ярославль: Канцлер, 2020. 418 с.
16. Сигал К. Я. Аксиология в синтаксических структурах // Общая и русская лингвоаксиология / М. С. Милованова (отв. ред.), К. Я. Сигал, В. И. Карасик и др. ИЯ РАН; ИРЯ им. А. С. Пушкина. Москва. Ярославль: Канцлер, 2022. С. 91-148.
17. Служебные слова в лексикографическом аспекте: монография / Е. А. Стародумова, В. Н. Завьялов, Е. С. Шереметьева. Владивосток: ДВФУ, 2017. 377 с.
18. Стародумова Е. А. Синтаксис современного русского языка: учеб. Пособие. Москва:

ФЛИНТА, 2023. 260 с.

19. Тюрин П. М. Текстовые скрепы «ТАКИМ ОБРАЗОМ» и «ИТАК» в современном русском языке: особенности функционирования и семантики: монография. Владивосток: ДВФУ, 2016. 202 с.
20. Шереметьева Е. С. Описание служебных слов в концепции Дальневосточной синтаксической школы и грамматика конструкций // Вестник Азиатско-Тихоокеанской ассоциации преподавателей русского языка и литературы. 2014. № 4. С. 19-21.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Свойства союза "хоть... хоть..." и организуемой им конструкции в структуре синтаксических единиц современного русского языка», предлагаемая к публикации в журнале «Филология: научные исследования», несомненно, является актуальной, поскольку результаты исследования добавляют новые сведения в систему современного направления лингвистики – интегрального описания языковых единиц. Синтаксические единицы, рассматриваемые в семантическом отношении, раскрывают новые грани понимания их функций и особенностей употребления.

В статье анализируются синтаксические свойства малоизученного союза хоть... хоть... . Автор описывает союз хоть... хоть... в системе словосочетаний, простого и сложного предложений, текста. Тщательно подобран материал исследования, извлеченный из текстов современной художественной и публицистической литературы «Национального корпуса русского языка».

В предпринятом исследовании удачной представляется методология изучения, основанная на положениях «Дальневосточной синтаксической школы», которая заключается в изучении контекстов, в которых функционирует то или иное служебное слово, и многопараметровом описании его на различных языковых уровнях (морфолого-синтаксическом, собственно синтаксическом, коммуникативно-прагматическом и др.»), что дает возможность «расширенного лексикографического портретирования» слова.

Автор, используя академическое толкование сочинительных словосочетаний, не относит к ним выражения с союзом хоть... хоть. В простом предложении союз хоть... хоть... организует построения, осложняющие его синтаксическую структуру и квалифицируемые как ряды однородных любых второстепенных членов (определения, дополнения, обстоятельства). В сложных предложениях изучаемый союз не встречается, в текстах так же выражен слабо.

Интересны наблюдения автора над причинами «избирательности» союза хоть... хоть...: с глаголами определенных наклонений (сослагательного) и в структуре сложных предложений он не используется, причиной чего указывается прототипическая семантика «его структурного компонента хоть, этимологически восходящего к форме императива глагола хотеть (*хоти)». Таким образом, автор устанавливает зависимость синтаксических функций от семантических особенностей союза.

Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Статья структурирована, заключительная часть содержит выводы, полученные автором. Автор видит перспективы дальнейшего исследования союза хоть... хоть... в описании его коммуникативно-прагматических особенностей.

В библиографии статьи указано 20 источников, относительно новых по времени издания.

Следует отметить наличие некоторых недочетов технического характера. В частности, имеются случаи несогласования компонентов предложения или пунктуационные ошибки, например: «Цель исследования состоит описание свойств союза хоть... хоть... и организуемой им конструкции в системе основных синтаксических единиц (словосочетании, простом и сложном предложении), а также изучение вопроса о текстовых свойствах текстовые особенности данного союза», «...ибо данном случае понятие номинативности, обязательное для словосочетания...», «Сочинительный ряд с союзом хоть... хоть... не является словосочетанием в традиционном понимании этого термина, а словоформа, с которой он связан подчинительными отношениями следует квалифицировать как общий член его синтаксической конструкции». Поэтому рекомендуется откорректировать текст статьи.

Учитывая безусловную пользу материалов исследования для широкого круга лиц, статья «Свойства союза "хоть... хоть..." и организуемой им конструкции в структуре синтаксических единиц современного русского языка» может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Филология: научные исследования».

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Лобанова Т.Н. Языковые средства выражения коммуникативных стратегий в некооперативном дискурсе (на материале англоязычных ток-шоу) // Филология: научные исследования. 2024. № 1. DOI: 10.7256/2454-0749.2024.1.69507 EDN: EOFVYE URL: https://nbppublish.com/library_read_article.php?id=69507

Языковые средства выражения коммуникативных стратегий в некооперативном дискурсе (на материале англоязычных ток-шоу)

Лобанова Татьяна Николаевна

ORCID: 0000-0003-4901-3251

доктор филологических наук

профессор, Государственный университет просвещения

141031, Россия, Московская область, г. Мытищи, ул. Малая Бородинская, 1, кв. 1

lobanovaty@mail.ru

[Статья из рубрики "Дискурс"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2024.1.69507

EDN:

EOFVYE

Дата направления статьи в редакцию:

06-01-2024

Аннотация: Впервые при работе с англоязычной медиасферой исследовательским предметом выступают языковые средства выражения коммуникативных стратегий в некооперативном дискурсе англоязычных ток-шоу. Изучение лингвистических вопросов языка телепередач, языка ток-шоу в русле антропологической парадигмы современной лингвистики в ее широком понимании (вопросах функционирования языка в различных типах дискурса, журналистики и PR, медиалингвистики и политической лингвистики) и ее центральные понятия такие, как манипулятивное воздействие языка, pragmalingvistika языка и текста как ее части являются неотъемлемой частью как теории языка, так и лингводидактической составляющей иноязычного обучения (английского языка как иностранного). Фактор интернет-коммуникаций и современной цифровой визуальной культуры и медиакультуры современного телевизионного дискурса обуславливает как развитие самого английского языка, так и усложняет в некоторой степени процесс его восприятия иноязычной аудиторией. С учетом сложившейся конфликтной политической

ситуации в мире, обострившихся политических и вооруженных конфликтов, исследование некооперативного дискурса в медиаматериалах англоязычных ток-шоу, безусловно, представляет научный интерес. Изучение функционирования языка современных дискурсивных практик в медиа и на телевидении является актуальнейшим направлением современного социо-гуманитарного знания, в том числе и лингвистической науки. Основное содержание исследования сконцентрировано вокруг анализа понятий «некооперативный дискурс», «PR-дискурс» именно с лингвистической точки зрения. В качестве методов исследования применяются медиалингвистический анализ, дискурс анализ, метод мультимодального анализа текстов и др. Основные выводы исследования автор связывает с тем, что «новый язык медиакультуры», транслируемый через англоязычный сектор ток-шоу, официальные и социальные медиа, предоставляет журналистам инструменты визуализации процессов, явлений, лидеров и анти-лидеров посредством фотографий и иных средств визуализации с гораздо более высокой степенью медиа-эффектов, нежели «линейный» текст со своими стилистическими средствами создания образности (метафора, метонимия, аллегория и др.). Параллельно уточнены понятия «стратегии и коммуникативные тактики некооперативного дискурса», «дискурс ток-шоу», «некооперативный и конфликтный дискурс», «визуальная культура» и некоторые другие «родственные» понятия. Впервые изучаются языковые средства выражения коммуникативных стратегий и тактик в некооперативном дискурсе англоязычного ток-шоу Такера Карлсона (в парадигме заявленной методологии).

Ключевые слова:

некооперативный дискурс, дискурс анализ, дискурсивные практики, мультимодальный анализ текстов, журналистика и PR, телевизионный дискурс, ток-шоу, интернет-коммуникации, политическая лингвистика, цифровой язык

ВВЕДЕНИЕ

В период 4-й индустриальной революции политический дискурс (далее – ПД) и информационно-коммуникационные технологии (далее – ИКТ) настолько тесно переплетены друг с другом, что люди, компании и корпорации осознают, что в экономические лидеры, как правило, удается выйти тем, кто следит и пользуется современными платформами и интернет-разработками. Платформенный менеджмент и бизнес характеризуется стабильной устойчивостью и ростом, а мировая интернет-среда имеет тенденции к росту за счет включения новых игроков с Ближнего Востока, Африки и др. Неудивительно, что обновляется язык как собственно текстов политического дискурса (в том числе ток-шоу), так и программных продуктов и интерфейса; изменяются конфигурации гиперссылок и информационная политика медиаканалов, транслирующих тексты; появляются инновационные средства и приемы визуализации контента.

Актуальность данного исследования обусловлена повышенным в настоящее время вниманием к лингвистическим особенностям англоязычных СМИ, их стремительным развитием в различных медиаресурсах, необходимостью более глубокого изучения прагматики медиа, в частности, стратегий манипуляции и стратегических средств воздействия на адресата. Актуальность обращения к некооперативным аспектам речевого поведения участников англоязычных ток-шоу обусловлена повышением градуса конфликтности медийного политического дискурса. Выбор феномена некооперативного дискурса в качестве объекта исследования объясняется тем, что

антропологический, коммуникативный, и функциональный подходы в современной лингвистической науке являются доминирующими, определяющими становление такие междисциплинарных «ветвей» как интернет-лингвистика, медиалингвистика, политическая лингвистика и прагмалингвистика.

Кроме того, сопоставительный аспект исследования предполагает обращение к переводческой проблематике. В современных исследованиях проблемы перевода текстов англоязычных ток-шоу рассматриваются многоаспектно. Основное внимание уделяется лингвистическим требованиям к переводу речи участников ток-шоу, компетенциям переводчика, приемам политического перевода, проблемам перевода терминологии и аббревиации и т.д.

Целью статьи является выявление языковых средств выражения коммуникативных стратегий и особенностей их функционирования в некооперативном диалогическом дискурсе англоязычных ток-шоу.

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ НЕКООПЕРАТИВНОГО ДИСКУРСА КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО И МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ФЕНОМЕНА

Современная культура неотделима от термина «медиа». Если раньше данное слово ассоциировалось с посредником, то сегодня мы ассоциируем данное понятие с социальным институтом – институтом медиасоздателей. Сегодня понятие «медиа» стало более многовекторным: это социальный институт, где рождаются дискурсы, транслируются и производятся национальные и культурные коды. С развитием ИКТ-технологий медиа обретает виртуально визуальные характеристики, недоступные другим социальным институтам, что еще больше превращает их в «пятую власть».

Современный этап развития интернет-коммуникаций предлагает получение информации с использованием мультисемиотичных (поликодовых) текстов с элементами визуализации зачастую целью прямого или скрытого влияния на сознание и подсознание человека и изменения его эмоционального состояния, управления его поведением и мотивацией к выполнению социальных действий, а также управление его речевым поведением. В наши дни политически ангажированные средства массовой коммуникации создают дискурсивную реальность, которая определяет мировоззренческую позицию больших социальных групп на основе навязанной картины мира, формирует бытовые и духовные потребности людей, их адресные запросы к получению конкретной информации. Если принимать во внимание фактор интернет-коммуникации и цифровизации медиасектора с использованием ИКТ плюс специфика национальных медиасистем и вмешательство с контролем со стороны государства (в англоязычном медиасекторе) в интернет-коммуникации, то становится понятным, что изучаемая проблематика «заигрывает» повторно.

Примером «гибридной войны» в медиа выступает «информационная вакцинная война (ИВВ), охватившая весь мир без исключения и продолжающаяся по сей день, связанная с приходом пандемии COVID-19 в 2019 г. В период с 2019 г. по 2021 г. в СМИ сформировалась особая совокупность коммуникативных практик, направленная на достижение главное цели ИВВ – убеждение в необходимости вакцинации. Однако, процесс «убеждения» в различных странах не привел к достижению одинакового результата» [3].

Кроме того, «учитывая общность прагматических целей политического медийного,

рекламного и PR-дискурсов, связанных с успешным продвижением, функционированием и расширением компании, необходимо разграничивать данные дискурсы в соответствии с конститутивными дискурсивными признаками» [8, с. 28-29]. Соответственно, это будут разные типы текстов: рекламные тексты, тексты PR-кампании и медиатексты.

В работах российских и зарубежных лингводидактов подчеркивается необходимость и важность развития лексико-прагматических навыков диалогического общения коммуникантов (устного дискурса) из разных стран и культур: формирование и использование лексико-прагматических (лингвопрагматических) навыков напрямую зависит от понимания культуры другой страны, ведь для успешного осуществления коммуникации, необходимо не только овладеть достаточным словарным запасом, но и умением их использовать в заданной коммуникативной ситуации [2, 4, 6, 8]. Новые коммуникационные среды (виртуальное пространство) и интернет-площадки продуцируют новые типы текстов – интернет тексты/цифровые тексты или медиатексты, обуславливающие как сложности лексического плана, так и лингводидактического характера. Кроме того, Интернет предлагает широкий спектр текстов обычных пользователей. Сюда входят статьи в блогах, рекламные продукты, PR-тексты, отзывы о продуктах, сообщения в социальных сетях и многое другое. Такой контент дает массу ценной информации. Ежегодно образуются новые лексические единицы (жаргонизмы, сленг, аббревиации, социолекты) с учетом современного состояния социальных институтов – медиадискурса и PR-дискурса.

В связи с вышесказанным, нами определено, что медиадискурс ток-шоу актуален и наиболее репрезентативен в части исследования языковых единиц и других «знаковых» систем»; при этом и потребитель информации и исследователь медиапродукта имеет дело с гиперссылками, «цифровым языком» и «языком культурных интерфейсов». Медиа отражают современный уровень развития языка. Все изменения, происходящие в обществе, оформляются языком и фиксируются в первую очередь медиа. Это обусловлено стремлением журналистов и политических лидеров подчеркнуть новизну событий и мероприятий.

В современной визуальной культуре цифровых медиа выделяют новый «жанровый» пласт – ток-шоу, выступающий сегодня неотъемлемой частью любой национальной медиасистемы. Цифровой язык медиа как система – это не просто совокупность лексико-грамматических и синтаксических формул и правил, набор текстовых конструкций и гиперссылок, а живой и «подвижный организм», впитывающий новое и пополняющий свой состав, в том числе за счет видеоизображений и фотографий. В языке медиа учитывается все: «внутренние миграции» изначальных смыслов при различном употреблении, зависящем от контекста, что существенно обогащает наше мировосприятие, вносит в него своеобразный колорит и содержательность.

Стратегии некооперативного речевого поведения в дискурсе американских журналистов и политических деятелей неоднократно становились предметом научного анализа. Так, на данном этапе уже были описаны тактики конфронтации (констатация некомпетентности, обвинение, упрек, насмешка, колкость, оскорбление); тактики дискредитации оппонента в предвыборном дискурсе (насмешка, нанесение обиды, издевка, обвинение и др.) [9].

Характеризуя материал современных медиа или интернет-публикаций, нельзя забывать тот факт, что визуальная культура 1990-х гг. и визуальная культура медиасферы в 2010 и 2020-х гг. совершенно различны. Медиапублицистика 1990-х гг. – это материалы

традиционной прессы с фото и иллюстрациями или кадрами с натуральными «застывшими» нетронутыми движениями; медиа «нулевых» или 2010-2020-х гг. – визуальная культура медиа, предполагающая оцифровку = цифровые медиа. «Цифровой язык» и язык культурных интерфейсов «Цифровые медиа = кадры с натуральным движением+графика+обработка+ монтаж+двухмерная компьютерная анимация+трехмерная компьютерная анимация» [\[5, с. 357\]](#). Кроме того, развитие современных компьютерно-цифровых технологий породило новую визуальную культуру и искусство их производства, открывающих широкий потенциал непрямых пространственных визуальных нарративов. Визуальная культура публицистических материалов в цифровую эпоху, как и иные культурные формы, становится кодом. Язык медиа и кино, в свою очередь, способствует развитию новых культурных форм и «обновлению» языка.

Медиадискурс в целом позволяет проследить коммуникативное воздействие, осуществляемое использованием разных языковых и визуальных средств средств на адресата, прослеживая реакцию на полученное сообщение через вербальные (ответные реплики коммуникантов) или невербальные (эмодзи, троллинг, мемы в соцсетях). Под медиатекстом мы подразумеваем любой медиатекст, адресованный массовой аудитории и который мы рассматриваем в качестве единицы анализа. Такой текст может быть как на страницах газеты, так и быть под любой гиперссылкой в медиаиздании. Медиатекст отличает некоторые критерии: он хорошо структурирован, обладает целостным контентом, содержит заголовок, сообщает об актуальном и несет оценочные смыслы и коннотации в зависимости от страны создания медиатекста, а также, собственно, самого издания. В связи с вышесказанным медиаисследователи изучают дискурсивные практики, характерные для того или иного издания или той или иной национальной медиасистемы, в том числе кооперативные и некооперативные стратегии.

Кроме того, к семиотически-осложненным текстам медиа предлагается применять методику мультимодального анализа. “The multimodal use of discourse is as much a feature of print genres as it is of television genres” [\[10, с. 169\]](#). Метод мультимодального анализа позволяет определить характер оценок по неверbalным приемам аргументации, метафоризации с невербальной составляющей [\[1, с. 135\]](#) и качеству иллюстративного материала. В визуальном аспекте ключевой является фотография, карикатура, иллюстрирующая мейнстримовый материал; в случае с ток-шоу – сценарий видеопередачи.

Экология языка должна находиться в основе языковой политики. Политический медиадискурс, в том числе дискурс ток-шоу характеризуется наличием коммуникативных стратегий и тактик.

Рассмотрим дискурс-анализ медитеクстов без визуальной компоненты с последующим выходом на медиатексты с визуальной составляющей. Стратегия борьбы за власть, которая реализуется за счет использования таких тактик, как оправдывание, оспаривание, критика, например: “There was a huge bipartisan pressure campaign on President Obama to send lethal arms to Ukraine” (Fox News, 2021).

Пример выше иллюстрирует тактику оправдывания – журналист пытается найти оправдание действиям Б. Обамы, когда тот был президентом США. Стратегия убеждения, которая реализуется при помощи таких тактик, как аргументирование и агитация, например: “...and all you have to do is look at a map or history of how Russia was almost twice destroyed in the 20th century to see the crucial importance of Ukraine to Russia” (Fox

News, 2021).

В примере выше журналист, используя тактику аргументирования, реализует стратегию убеждения. Стратегия удержания власти, которая реализуется при помощи использования таких тактик, как признание существующей проблемы, разъяснение и комментирование, указание пути разрешения проблемы, тактика единения с адресатом, тактика обращения к эмоциям, например: "The relationship between the U.S. and Russia is clearly at its low point since any time at least since the Cold War, there is little doubt about that. The reason I think is twofold. One is that during 'Russiagate,' and the whole hysteria that surrounded it, there was this propaganda campaign to convince a huge part of the population, namely liberals and Democrats, that Russia posed as an existential threat to the United States and they believed it to the point where they think everything we can do against Russia we ought to do, and if you stand up and question it as we are doing now, it means you are some kind of spy for the Kremlin....". (Fox News, 2021).

В примере выше можно последить использование сразу нескольких тактик. Во-первых, журналист называет проблему – ухудшение отношений между Россией и США (тактика признания проблемы), во-вторых, он комментирует ее – разъясняет причины возникновения такой ситуации (тактика разъяснения и комментирования).

Рассмотрим еще примеры мультимодального анализа текстов (англоязычный медиасегмент). Так, невербальная, визуальная метафора в сочетании с вербальным текстом часто используется СМИ для создания некой игровой ситуации.

Пример «визуальной» метафоры – карикатура в гонконгском англоязычном медиа-издании SCMP (the work by SCMP

(<https://www.scmp.com/photos/comment/harrys-view/3243430/harrys-view-december-2023?page=8>)

Примеры «визуальной» метафоры на обложке англоязычного "The Economist" (2020-2023)

Представленные выше образцы визуализации событий или акцентов текстов – наглядные

примеры того, как достаточного одного мультимодального текста в целом для отражения социально-политической ситуации как по степени информативности, так и по степени медиа-эффективности (воздействия на читателя).

Таким образом, уровень визуального сопровождения медиатекстов свидетельствует об уровне манипулятивности публикаций в американских изданиях и новых медиа. Визуальная метафора или визуализация фразеологических единиц в политической карикатуре – весомый персузивный инструмент и в некоторой степени «информационное оружие» в политической коммуникации. Кроме того, все то, что невозможно описать словами, возможно представить в визуальном образе. Правильное и намеренное применение коммуникативных стратегий и тактик с использованием военного сленга в медиатекстах способно обеспечить эффективное воздействие на массовое сознание читателя.

Современные «медиа» многовекторны: это – отдельный социальный институт, где рождаются дискурсы, транслируются и производятся национальные и культурные коды. С развитием ИКТ-технологий медиа обретает виртуально визуальные характеристики, недоступные другим социальным институтам, что еще больше превращает их в «пятую власть»; телевизионный институциональный дискурс постепенно утрачивает свои позиции. Кроме того, для новостных англоязычных медиатекстов характерна определенная идеологическая «тональность» или «интонация», понимаемая как способ интерпретации информации, которая отражает определенную систему ценностей. Новостные политические ток-шоу (в том числе и как медиатексты в Интернете) являются относительно новой, но быстро развивающейся отраслью, которая медиаэкспертами относится к новейшим информационным технологиям.

В качестве основной площадки исследования стратегий англоязычных ток-шоу целесообразно обращение к аудио и видеоматериалам известнейшего ток-шоу «Tucker Carlson Tonight». Вечернее шоу Такера Карлсона Tucker Carlson Tonight на Fox News – авторская программа на американском кабельном телевидении, регулярно собирает у экранов около 3,3 миллиона зрителей. Подборку ток-шоу можно осуществить с платформы: <https://www.imdb.com/title/tt6238614/>.

YouTube-журналистика синхронизировала записи ток-шоу с возможностью просмотра и анализа их с территории РФ. Просмотр на YouTube записей за 9-12 месяцев достигает 4-9 млн просмотров.

Телеканал Fox News уволил ведущего Такера Карлсона, ради которого зритель и смотрел Fox News. Интересно, что The New York Times проводит свое независимое расследование ухода Такера Карлсона с поста ведущего в статье: "Read The Times's investigation into how Tucker Carlson stoked white fear to conquer cable" 3 от 24 апреля 2023 г. (<https://www.nytimes.com/live/2023/04/24/business/tucker-carlson-fox-news>).

«Night after night on Fox, Tucker Carlson weaponized his viewers' fears and grievances to create what may be the most racist show in the history of cable news. It is also, by some measures, the most successful. With singular influence — reaching far beyond Fox and the viewers who tune in to his show — Mr. Carlson filled the vacuum left by Donald J. Trump, championing the former president's most ardent followers and some of their most extreme views. As fervently as he has raced to the defense of the Jan. 6 rioters, so has he sown doubt and suspicion around immigrants, Black Lives Matter protesters or Covid-19 vaccines. A New York Times examination of Mr. Carlson's career, including interviews with dozens of friends and former colleagues, and an analysis of more than 1,100 episodes of his Fox

program, shows how he has grown increasingly sympathetic to the nativist currents coursing through U.S. politics».

[Ночь за ночь на канале Fox Текер Карлсон использовал страхи своих зрителей, чтобы создать, возможно, самое расистское шоу в истории кабельных новостей. Она также, по некоторым меркам, самая успешная. Обладая исключительным влиянием, выходящим далеко за рамки телеканала Fox, и сердцами зрителей, которые смотрят его шоу. Карлсон заполнил вакuum, оставленный Дональдом Трампом, отстаивая самых ярых последователей бывшего президента. С таким же пылом, с каким он встал на защиту участников беспорядков 6 января, вскоре у него появились сомнения и подозрительность в отношении иммигрантов Black Lives Matter или вакцин против Covid-19. Исследование карьеры мистера Карлсона, проведенное "Нью-Йорк Таймс", включая интервью с десятками друзей и бывших коллег, а также анализ более 1100 эпизодов его программы на телеканале Fox, показывает, как он все больше симпатизирует нативистским течениям, пронизывающим американскую политику].

Таким образом, мы стали свидетелями того, как ведущий – бренд канала, выступил «размненной монетой» в политических коммуникациях США, подчеркнув, с одной стороны, « власть » СМИ и новых медиа, и, с другой стороны, беспомощность ведущего Текера Карлсона как наемного работника корпорации Fox. Анализ примеров выше продемонстрировал тот факт, что отличительными чертами медийного дискурса в аспекте реализации некооперативной стратегии воздействия считается использование разных лексических, грамматических, в особенности синтаксико-стилистических средств, а также иных семиотических средств метафорического представления образов (карикатуры, постеры, графики и др.).

Пример привлечения «визуальных» инструментов тактики аргументации и обращения к эмоциям в вечернем ток-шоу Текера Карлсона

Достаточно проанализировать заголовки выпусков ток-шоу Текера Карлсона и становится понятным, что основной коммуникативной стратегией ведущего выступает дискриминация, утверждение, реализуемые через тактики обвинения, признания существующей проблемы, указания на пути разрешения проблемы, тактики единения с адресатом и обращения к эмоциям, тактика аргументирования и агитации др.

"Tucker Carlson: It is hard to believe this is happening"

"Tucker: This is scary"

"Tucker: They can't keep this secret forever"

"Tucker Carlson: This will destroy the US over time"

"Tucker Carlson: Transgenderism is America's fastest-growing religion'

"Tucker Carlson: This was all a lie"

"Tucker Carlson: This will lead to poverty all over the US"

"Tucker: We are at war with Russia"

"Tucker: These people are lunatics"

"Tucker Carlson: Biden trusts Beijing more than he trusts you"

"Tucker: This is how dumb CNN is"

"Tucker: This is spectacularly absurd!"

Выборка ток-шоу сплошная, рандомная, без инструментов применения ИИ. Одной из тактик убеждения выступает обращение к инструментам визуализации, коротких видео как аргументации и тактики обращения к эмоциям. Задействуются три канала – визуальный, аудиальный и кинестетический.

Заключение

Погружение все большей части человечества в виртуальный мир медиа в век цифровизации порождает спрос на создание информационно-психологического оружия (ИПСО) и кибервойск. Если говорить о медиа-эффектах от операций ИПСО цифрового мира, то в этом случае аудитория зачастую «поглощает» информационный контент без возможности дать обратную связь или вступить в дискуссию, то есть является пассивным участником, на которого оказывается прямое манипулятивное воздействие. Постоянное развитие СМИ влияет на одну из составляющих информационной войны — техническую, — которая отвечает за налаживание механизмов информационного влияния. Если главным инструментом информационной войны являются СМИ, то главным инструментом СМИ является язык, в любой его ипостаси: виртуальный язык, мульти-семиотический, «цифровой язык». Изучение функционирования языка в механизмах информационных войн становится актуальнейшим междисциплинарным направлением.

В настоящее время английский стал основным языком международного общения в этой области: многие термины, используемые в национальных военных языках, прямо или косвенно заимствованы из английского языка или через него. Такой «новый язык медиакультуры», транслируемый через официальные и социальные медиа, предоставляет журналистам инструменты визуализации процессов, явлений, лидеров и анти-лидеров посредством фотографий и иных средств визуализации с гораздо более высокой степенью медиа-эффектов, нежели «линейный» текст со своими стилистическими средствами создания образности (метафора, метонимия, аллегория и др.). Практическая часть исследования реализуется за счет привлечения медиатекстов англоязычного медиасегмента с таких площадок, как The New York Times, Fox News, The South China Morning Post, а также изучения двуязычных лексикографических изданий. Параллельно уточняются понятия «стратегии и коммуникативные тактики некооперативного дискурса», «дискурс ток-шоу», «некооперативный и конфликтный дискурс», «визуальная культура» и некоторые другие «родственные» понятия. Политическая тематика сегодня как никогда важна для современного общества, и для четкого понимания сути политических явлений необходимо изучить лексические инновации, употребляемые в современном дискурсе англоязычных ток-шоу. Речевое общение представителей медийного социума ток-шоу зачастую осуществляется посредством специфической лексики, характерной для определенных социальных подгрупп.

В связи с вышеизложенным, нами в статье определено, что медиадискурс наиболее репрезентативен в части исследования языковых единиц и других «знаковых» систем»; при этом и потребитель информации и исследователь медиапродукта имеет дело с гиперссылками, «цифровым языком» и «языком культурных интерфейсов». Медиа отражают современный уровень развития языка. Все изменения, происходящие в обществе, оформляются языком и фиксируются в первую очередь медиа. Это обусловлено стремлением журналистов и политических лидеров подчеркнуть новизну событий и мероприятий. Кроме того, сопоставительный аспект исследования в исследуемых парах языков предполагает обращение к переводческой проблематике. Неточный перевод медиатекстов или речей участников коммуникации в ток-шоу может иметь неблагоприятные последствия, поэтому вопросы соответствующей подготовки переводчиков имеют первостепенное значение и должны решаться как в вузовских, так и послевузовских программах перевода. При неточном переводе эти тексты становятся средством, с помощью которого широкая общественность получает неточную и даже ошибочную информацию по вопросам, представляющим большой общественный интерес. Развитие переводческой компетенции при работе с текстами телевизионного медийного дискурса может стать конкурентным преимуществом для студентов-переводчиков, специализирующихся в различных областях языка.

Библиография

1. Баранов А. Н. Лингвистическая экспертиза текста: теоретические основания и практика. М.: Флинта: Наука, 2011. 592 с.
2. Добросклонская Т. Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ. М.: URSS, 2008. 264 с.
3. Лобанова Т.Н., Сивова Д.А. Лингвистический аспект информационных войн в масс-медийном дискурсе // Litera. 2023. № 5. С. 143-152. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.5.37866 EDN: UIWNTA URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=37866
4. Лобанова Т.Н. Внешнеполитическая проблематика в китайском политическом медиадискурсе: лингвистический анализ (на примере анализа выпусков канала “CCTV中文国际”) // Litera. 2019. № 2. С. 236-250. DOI: 10.25136/2409-8698.2019.2.29074 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=29074
5. Манович Л. Язык новых медиа. М.: АД МАРГИНЕМ ПРЕСС, 2019. 400 с.
6. Матвеева Г. Г. Основы прагмалингвистики: учебник. Москва: ИНФРА-М, 2022. 205 с.
7. Методы анализа текста и дискурса / С. Тичер [и др.]; пер. с нем. Харьков: Изд-во «Гуманитарный центр», 2017. 336 с.
8. Соколова О. В. Типология дискурсов активного воздействия: поэтический авангард, реклама и PR. М.: Гнозис, 2014. – 304 с.
9. Храмченко Д. С., Хлопотунов Я. Ю. Функционально-лингвистические особенности тактической реализации конфликтных коммуникативных стратегий американского предвыборного политического дискурса // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 1 (67): в 2 ч. Ч. 2. С. 188–191.
10. Paltridge B. Discourse Analysis. London, New Delhi, New York: Bloomsbury Academic, 2012. 282 p.
11. An Introduction to Applied Linguistics. Edited by Norbert Schmitt and Michael P.H. Rodgers. Third edition. NY: Routledge, 2020. 405 p.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Современная лингвистическая теория все чаще ориентирована на некий интегративный подход в рассмотрении ключевых вопросов. Отчасти это правильно и продуктивно. Вероятно, что такой тип оценки языковых явлений наиболее точно может объяснить суть проблемы. Замечу, что тема рецензируемой статьи достаточно интересна, нова, актуальна; да и сам подход к оценке языковых средств выражения коммуникативных стратегий также конструктивен и верифицирован. Как отмечает автор работы, «актуальность исследования обусловлена повышенным в настоящее время вниманием к лингвистическим особенностям англоязычных СМИ, их стремительным развитием в различных медиаресурсах, необходимостью более глубокого изучения прагматики медиа, в частности, стратегий манипуляции и стратегических средств воздействия на адресата. Актуальность обращения к некооперативным аспектам речевого поведения участников англоязычных ток-шоу обусловлена повышением градуса конфликтности медийного политического дискурса. Выбор феномена некооперативного дискурса в качестве объекта исследования объясняется тем, что антропологический, коммуникативный, и функциональный подходы в современной лингвистической науке являются доминирующими, определяющими становление такие междисциплинарных «ветвей» как интернет-лингвистика, медиалингвистика, политическая лингвистика и прагмалингвистика». Стоит согласиться с данным утверждением, принять его как некую научную данность. Цель работы конкретизирована, вектор анализа / методология уточнена. На мой взгляд, работа имеет завершенный вид, она должным образом продумана; каких-либо серьезных сбивов и недочетов не выявлено. Стиль сочинения соотносится с собственно научным типом. Например, это проявляется в следующих фрагментах: «современная культура неотделима от термина «медиа». Если раньше данное слово ассоциировалось с посредником, то сегодня мы ассоциируем данное понятие с социальным институтом – институтом медиасоздателей. Сегодня понятие «медиа» стало более многовекторным: это социальный институт, где рождаются дискурсы, транслируются и производятся национальные и культурные коды. С развитием ИКТ-технологий медиа обретает виртуально визуальные характеристики, недоступные другим социальным институтам, что еще больше превращает их в «пятую власть», или «В работах российских и зарубежных лингводидактов подчеркивается необходимость и важность развития лексико-прагматических навыков диалогического общения коммуникантов (устного дискурса) из разных стран и культур: формирование и использование лексико-прагматических (лингвопрагматических) навыков напрямую зависит от понимания культуры другой страны, ведь для успешного осуществления коммуникации, необходимо не только овладеть достаточным словарным запасом, но и умением их использовать в заданной коммуникативной ситуации. Новые коммуникационные среды (виртуальное пространство) и интернет-площадки продуцируют новые типы текстов – интернет тексты/цифровые тексты или медиатексты, обуславливающие как сложности лексического плана, так и лингводидактического характера» и т.д. Ссылочный блок объемен, однако, стандарт типа «...» [2, стр. 222] был бы более уместен. Тема работы раскрывается ступенчато – сначала намечен теоретический вектор, затем дана практическая раскладка. Автор обращает внимание на основанные средства выражения коммуникативных стратегий, что вполне правомерно: «стратегии некооперативного речевого поведения в дискурсе американских журналистов и политических деятелей неоднократно становились предметом научного анализа. Так, на данном этапе уже были описаны тактики конфронтации (констатация

некомпетентности, обвинение, упрек, насмешка, колкость, оскорбление); тактики дискредитации оппонента в предвыборном дискурсе (насмешка, нанесение обиды, издевка, обвинение и др.)», или «медиадискурс в целом позволяет проследить коммуникативное воздействие, осуществляющее использование разных языковых и визуальных средств средств на адресата, прослеживая реакцию на полученное сообщение через вербальные (ответные реплики коммуникантов) или невербальные (эмодзи, троллинг, мемы в соцсетях). Под медиатекстом мы подразумеваем любой медиатекст, адресованный массовой аудитории и который мы рассматриваем в качестве единицы анализа. Такой текст может быть как на страницах газеты, так и быть под любой гиперссылкой в медиаиздании» и т.д. Работе присущ аналитический характер, разверстка вопроса усиливается по ходу научной наррации. Иллюстративный фон достаточен: например, «рассмотрим дискурс-анализ медитеексов без визуальной компоненты с последующим выходом на медиатексты с визуальной составляющей. Стратегия борьбы за власть, которая реализуется за счет использования таких тактик, как оправдывание, оспаривание, критика, например: "There was a huge bipartisan pressure campaign on President Obama to send lethal arms to Ukraine" (Fox News, 2021). Пример выше иллюстрирует тактику оправдывания – журналист пытается найти оправдание действиям Б. Обамы, когда тот был президентом США. Стратегия убеждения, которая реализуется при помощи таких тактик, как аргументирование и агитация, например: "...and all you have to do is look at a map or history of how Russia was almost twice destroyed in the 20th century to see the crucial importance of Ukraine to Russia" (Fox News, 2021)» и т.д. Выводы по тексту соотносятся с основным блоком: «медиадискурс наиболее репрезентативен в части исследования языковых единиц и других «знаковых» систем»; при этом и потребитель информации и исследователь медиапродукта имеет дело с гиперссылками, «цифровым языком» и «языком культурных интерфейсов». Медиа отражают современный уровень развития языка. Все изменения, происходящие в обществе, оформляются языком и фиксируются в первую очередь медиа. Это обусловлено стремлением журналистов и политических лидеров подчеркнуть новизну событий и мероприятий. Кроме того, сопоставительный аспект исследования в исследуемых парах языков предполагает обращение к переводческой проблематике. Неточный перевод медиатекстов или речей участников коммуникации в ток-шоу может иметь неблагоприятные последствия, поэтому вопросы соответствующей подготовки переводчиков имеют первостепенное значение и должны решаться как в вузовских, так и послевузовских программах перевода». Формальные требования издания учтены, цель достигнута; текст не нуждается в серьезной доработке и правке. Материал продуктивно использовать в режиме освоения ряда гуманитарных дисциплин. Рекомендую рецензируемую статью «Языковые средства выражения коммуникативных стратегий в некооперативном дискурсе (на материале англоязычных ток-шоу)» к открытой публикации в научном журнале «Филология: научные исследования».

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Ли П.В. Русские переводы стихотворения Стефана Малларме «Явление» // Филология: научные исследования. 2024. № 1. DOI: 10.7256/2454-0749.2024.1.69624 EDN: EPGFHN URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69624

Русские переводы стихотворения Стефана Малларме «Явление»

Ли Полина Викторовна

ORCID: 0009-0004-7878-1297

ассистент, кафедра межкультурных коммуникаций и переводоведения, Владивостокский государственный университет

690014, Россия, Приморский край, г. Владивосток, ул. Гоголя, 41, оф. 5517

✉ shmatokpolina@gmail.com

[Статья из рубрики "Поэтика"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2024.1.69624

EDN:

EPGFHN

Дата направления статьи в редакцию:

19-01-2024

Аннотация: Предметом исследования данной статьи является анализ воздействия переводческой рецепции метафорических образов света в стихотворении С. Малларме «Apparition» (1863) на их передачу при переводе на русский язык. На основе созданной Малларме теории поэзии и символа автор подробно рассматривает роль метафорического переноса в создании символов. Задачи исследования включают сравнительно-сопоставительный анализ переводов В. Брюсова и М. Талова, а также выявление особенностей и специфики передачи поэтических образов в этих переводах. Основное внимание уделяется анализу переводческих стратегий, адекватности передачи смысла и эмоциональной окраски оригинала. Целью исследования является определение влияния переводческой рецепции на восприятие и интерпретацию метафорических образов света, что позволит сделать вывод о таком подходе к переводу произведений Малларме, который позволил бы наиболее полно воссоздать замысел автора. В ходе исследования использовался биографический метод для установления связи между биографией поэта и особенностями созданного им литературного

произведения. Лингвистический анализ позволил проанализировать языковые и художественные особенности оригинала и переводов произведения. Использование сравнительно-сопоставительного метода позволило сделать вывод о приемах, необходимых переводчику для воссоздания поэтики оригинала. Научная новизна исследования переводческой рецепции лирики Стефана Малларме в России состоит в недостаточной изученности проблемы, несмотря на неизменный интерес к творчеству поэта со стороны отечественных ученых. Кроме того, стихотворение «Apparition» раньше не становилось объектом пристального внимания российских исследователей, несмотря на высокие эстетические качества произведения и существующую переводную множественность. В результате исследования были выявлены особенности восприятия и передачи метафорических образов света в переводах В. Брюсова и М. Талова на русский язык. Основным выводом исследования переводческой рецепции лирики Малларме русскими поэтами станет то, что при переводе необходимо не только воссоздать поэтический сюжет, но более всего стремиться к передаче настроения и впечатлений, созданных в оригинальном тексте.

Ключевые слова:

Малларме, Брюсов, Талов, переводческая рецепция, символизм, символ, метафора, свет, поэзия, перевод

В России первые переводы произведений Стефана Малларме появились более ста лет назад. В 1893 г. Валерий Яковлевич Брюсов увидел в творчестве французских символистов «путеводную звезду», очередную ступень в развитии русской литературы [1]. Один из первых он переводит стихотворения вождя французского символизма и издает их вместе с собственными произведениями, навеянными поэтикой Малларме, в сборнике «Русские символисты» 1894 г. Проблема перевода произведений Малларме на русский язык с того времени вызывает большой интерес: об этом свидетельствуют многочисленные попытки переводчиков воссоздать его уникальный поэтический стиль.

Процесс становления творческой индивидуальности поэта Стефана Малларме принято разделять на два этапа: «парнасский» (1860-е годы) и «темный», символистский (вторая половина 1880-х – 90-е гг.) [2]. Свои первые произведения Малларме создавал под влиянием творчества Ш. Бодлера и Т. Готье, также стоявших у истоков символизма. Но вскоре Малларме отходит от идей парнасцев, обращаясь к поиску новых поэтических средств, призванных воплотить его обновившееся понимание поэзии. Уже в 1862 г. в эссе «Артистические ереси. Искусство для всех» («Hérésies artistiques: L'art pour tous») Малларме сетует, что любой человек, изучивший алфавит, может прикоснуться к шедевру поэзии, тогда как, взглянув на текст музыкального произведения Моцарта, Бетховена или Вагнера, человек непосвященный испытывает благоговение перед таинственным строем неведомых ему знаков. По его мнению, тот факт, что самому великому из искусств было отказано в этом чрезвычайно важном свойстве – наличию собственного языка, освобождающего великие произведения от праздного взгляда любопытных и невежественных глаз [3]. Позднее, в 1884 г., он формулирует свою новую поэтическую концепцию в интервью с К. Мендесом: «Созерцание предметов, образ, возникающий от навеянных ими грез, – вот лирика. Парнасцы же, берут объект целиком, и, демонстрируя его, лишают тайны <...>. Назвать объект – значит отнять три четверти удовольствия от стихотворения, счастья догадываться постепенно, грезить. <...> Вот идеальное использование таинственности символа: черта за чертой воссоздавать

объект, чтобы выразить чувство, или, напротив, взять объект и высвободить из него состояние души серией дешифровок» [4]. Такой прием выражения впечатления о предмете называется «суггестией». Суггестия буквально означает намек, внушение, подсказывание. По мнению А. Н. Веселовского, запоминаются и остаются с читателем именно те поэтические образы, которые постоянно вызывают «новые подсказывания и работу мысли с нашей стороны» [5].

С. Малларме не был первым, кто применял суггестию для воплощения своих представлений о поэтическом идеале, но он активно разрабатывал теоретические основы этого метода и распространял их через свое творчество. Впервые термин «суггестия» употребил Ш. Бодлер в 1885 г., описывая чистое искусство как «создание суггестивной магии, содержащей как объект, так и субъект, мир вне художника и самого художника» [6]. Идеи суггестии также развивали Ш. Морис, А. Мокель, Э. Верхарн, А. Рембо и др.

О суггестии говорил и Эдгар По, чья концепция искусства оказала огромное влияние на символистов: 1860–1880-е гг. в среде французских символистов сложился культ Эдгара По, а С. Малларме называл поэта своим великим учителем [7]. В эссе «Философии творчества» По говорил о своей убежденности в том, что в произведении должна присутствовать «известная сложность или, вернее, известная тонкость», а также «некое подводное течение смысла, пусть неясное» [8]. Второй компонент – и есть суггестия, и именно он, по мнению Э. По, привносит «богатство», полноту в произведение, а подробное пояснение намеков превращает поэзию в прозу [9]. Как пишет Ю. В. Ковалев, «генеральный принцип поэтики Эдгара По заключен в установке на эмоционально-психологическое воздействие любого произведения. Он называл такое воздействие «тотальным эффектом», важнейшей чертой которого было единство. Именно «тотальному эффекту» должны быть подчинены все аспекты поэтического творения, все частные принципы его организации» [10]. Суггестия в поэзии По достигалась при помощи метафор, у которых Ю. В. Ковалев выделил две характерные особенности: «во-первых, метафоры у него группируются вокруг символов, которые являются как бы маяками для читателя, плывущего по «метафорическому морю»; во-вторых, сами метафоры обладают внутренним тяготением к символизму и во многих случаях функционируют как символы. Разграничение между ними порою условно» [11]. Эти представления По воспринял и развил Малларме в своем творчестве.

В эстетической концепции Малларме среди явлений, позволяющих «высвободить состояние души», особое место занимают метафорические образы света (солнце, небо, небесная голубизна, золотистое утреннее сияние, пурпурные облака). Они ассоциируются с идеалом, красотой, свободой, надеждой, любовью, и творчеством. Эти образы складываются в символы и становятся лейтмотивами, так как возникают в произведениях разных лет: «Renouveau» (1862), «Apparition» (1863), «Les Fenêtres» (1863), «Tristesse d'Été» (1864), «L'Azur» (1864), «Soupir» (1864), «Don du poème» (1865), «Brise marine» (1865), «Quand l'ombre menaça de la fatale loi» (1883), «Victorieusement fui le suicide beau» (1885), «Ses purs ongles très haut dédiant leur onyx» (1886), «Le Pitre Châtié» (1887), «Hérodiade» (1864–1898).

Метафорическими образами света проникнуто стихотворение Малларме «Apparition» (1863). Впервые оно увидело свет в 1884 г., когда было опубликовано в сборнике П. Верлена «Проклятые поэта», и в этом же году оно было положено на музыку К. Дебюсси.

Уже на раннем этапе своего творчества поэт стремился к достоверному изображению впечатления. В письме 1862 г., адресованному А. Казалису Малларме пишет: «Не хочу писать эти стихи, полагаясь на одно вдохновение: лирический сумбур был бы недостоин того чистого видения, которое ты любишь. Нужно долгое размышление: только искусство, прозрачное и безупречное, достаточно целомудренно, чтобы вылепить ее светлый образ» [12]. Из того же письма становится известно, что стихотворение было написано по заказу друга для его возлюбленной. Комментируя стих, составитель антологии произведений Малларме Р. М. Дубровкин отмечает, что в качестве возможного адресата называют Марию Герхард, будущую жену поэта [13].

La lune s'attristait. Des séraphins en pleurs
 Rêvant, l'archet aux doigts, dans le calme des fleurs
 Vaporeuses, tiraient de mourantes violes
 De blancs sanglots glissant sur l'azur des corolles.
 - C'était le jour béni de ton premier baiser.
 Ma songerie aimant à me martyriser
 S'enivrait savamment du parfum de tristesse
 Que même sans regret et sans déboire laisse
 La cueillaison d'un Rêve au cœur qui l'a cueilli.
 J'errais donc, l'œil rivé sur le pavé vieilli
 Quand avec du soleil aux cheveux, dans la rue
 Et dans le soir, tu m'es en riant apparue
 Et j'ai cru voir la fée au chapeau de clarté
 Qui jadis sur mes beaux sommeils d'enfant gâté
 Passait, laissant toujours de ses mains mal fermées
 Neiger de blancs bouquets d'étoiles parfumées.

Подстрочный перевод

Луна печалилась. Серафимы в слезах
 Мечтающие, со смычком в пальцах, в тишине цветов
 Подернутых дымкой, извлекали из умирающих виол
 Белые рыдания, соскальзывающие на лазурь цветов.
 – Это был благословенный день твоего первого поцелуя.
 Мое мечтание, любя меня терзать
 Упивалось искусно ароматом грусти
 Которая даже без сожаления и без огорчения оставляет

Время сбора плодов Мечты сердцу, которое ее собрало.

И я бродил, приковав глаза к старой мостовой

Когда с солнцем в волосах, на улице

И вечером, ты, смеясь, мне явилась,

И мне показалось, я увидел фею в шляпке из света

Которая когда-то в моих прекрасных снах избалованного ребенка

Появлялась, всегда роняя из полузакрытых ладоней,

Как снег, белые букеты ароматных звезд.

Сюжетно стихотворение состоит из двух частей: воспоминание влюбленного о первом поцелуе и томительное ожидание встречи, которое при виде девушки сменяется радостью, сравнимой только с абсолютным счастьем ребенка, одаренным ласками матери. Таким образом, возникают два плана – идеальный и реальный. Кроме того, двойственность возникает и в женских образах: одна – пришедшая на встречу девушка, другая – фея из детских снов. Вторая, как принято считать, воплощает ностальгическое воспоминание о рано умершей матери поэта, которую тоже звали Марией [14].

В стихотворении возникают метафоры света, символизирующие любовь, возлюбленную лирического героя, его идеальные мечты: *sur l'azur des corolles* (на лазурь цветов); *avec du soleil aux cheveux* (с солнцем в волосах); *au chapeau de clarté* (в шляпке из света); *blancs bouquets d'étoiles parfumées* (белые букеты ароматных звезд). Три из четырех метафор света концентрируются во второй части стихотворения, характеризуя впечатление героя от появления возлюбленной. Девушка предстает перед героем, как свет, пролившийся во тьме: *dans la rue et dans le soir* (на улице и вечером); и ее появление изменяет не только зримую реальность, но и внутренний мир героя.

На русский язык стихотворение переводили П. Краснов, В. Брюсов (1894), Р. Рабинерсон, М. Талов, С. Петров, Р. Дубровкин, Ю. Корнеев. Рассмотрим восприятие метафор света в двух переводах. Автор первого – В. Брюсов, мэтр русского символизма, считавший Малларме одним из своих учителей [15]. Этот перевод, созданный в 1894 г., был опубликован почти сорок лет спустя – в 1935 г. Второй перевод, выполненный предположительно до 1934 г., принадлежит М. Талову, ставшему выдающимся представителем «русского Монпарнаса». Его главным переводческим трудом стал полный сборник стихотворений Стефана Малларме, опубликованный посмертно, в 1990 г.

В. Брюсов в своем переводе опускает название стихотворения, которое можно интерпретировать несколькими способами: появление, явление, видение, возникновение. Переводчику удалось сохранить поэтическую форму, ритмическую организацию и элегическую атмосферу оригинала. В первой части стихотворения, в его четвертой строке возникает один образ света, описывающий возвышенное впечатление от первого поцелуя; Брюсов переносит его в последнюю строку стихотворения. Происходят и другие трансформации: метафорический образ «белые рывания» в переводе становится более «понятным» стоном неуловимым, а «умирающие виолы» изображены как трепетные скрипки. Тем не менее, поэту удается передать томительно-сладкое впечатление, созданное в оригинале:

Луна печалилась. Томились серафимы,

Склоняся к смычкам, – и стон неуловимый
От скрипок трепетных – по венчикам цветов –
Скользил бледнеющий и умирал без слов.

Средствами описания священности момента первого поцелуя для лирического героя выступает религиозное «благословенный день», который Брюсов называет блаженным, а «день твоего первого поцелуя» назван более целомудренно – «день первого признания». Точно при переводе переданы терзания влюбленного сердца, мечты и раздумья:

То был блаженный день, день первого признания,
Моя мечта, любя обдумывать страданья,
Вдыхала аромат печали и тоски,
Те грезы тонкие, больные лепестки,
Которые всегда роняет размышление.

Во второй части стихотворения, где сконцентрировано наибольшее количество метафор света, в двенадцатой строке Брюсов углубляет впечатление от ассоциации жизни с тьмой для героя в случае отсутствия в ней возлюбленной – девушка является не «на улице и вечером», а во «мгле и в жизни». Однако утрачен важный образ света девушки «с солнцем в волосах».

Блуждал я вдалеке от шума и движенья,
И взор мой отдыхал на старой мостовой –
Во мгле и в жизни – ты явилась предо мной.

Фея из детских снов, с которой лирический герой сравнивает появление возлюбленной, в переводе Брюсова предстает феей «ребяческих гармоний» – более сложный для понимания образ. Кроме того, шляпка из света у Брюсова становится сияющей короной: метафора света сохраняется и приобретает царственный оттенок:

И фея ты была ребяческих гармоний,
Которая скользит в сияющей короне,
Роняя, точно снег из молодой руки
Душистых звезд лазурные венки.

В последнюю строку перенесен образ света, возникающий в первом четверостишии – «лазурь цветов», и сохранен оригинальный образ – «букеты ароматных звезд» становятся душистыми лазурными венками.

М. Талов сохраняет название текста и переводит его как «явление», добавляя сакральность моменту встречи героя с возлюбленной. Перевод М. Талова более экспрессивен и прямолинеен. Переводчик использует просторечия – всхлипнула, баловень, добавляет восклицание в пятой строке. Выбор особой лексики способствует усилинию динамики действия – дважды употреблено наречие «вдруг» в третьей и одиннадцатой строках; глаголы «ударить», «всхлипнуть», «срывать» и «брьзнуть»

описывают резкое, быстрое движение или действие. Эти трансформации изменяют элегическую, мечтательную, томительную атмосферу влюбленного ожидания, создавая порывистую, пылкую, страстную атмосферу.

М. Талов точно воспроизводит образ света в четвертой строке стихотворения:

Луна печалилась, и серафим в слезах,
В безмолвии цветов росистых и в мечтах
Ударил вдруг смычком, и всхлипнула виола,
Скользя по венчикам лазурным ореола.

В пятой строке введена дополнительная метафора света, что усиливает радостное ощущение от воспоминаний лирического героя. Переводчик использует устаревшее слово «лобзанье», говоря о поцелуе, создавая тожественный, выразительный образ. Следующие четыре строки переданы близко к оригиналу, однако слово «запах» более нейтральное, чем «аромат», и может также иметь негативную коннотацию:

— Лобзанье первое в блаженстве светлом дня!

Моя мечтательность, терзавшая меня,
Печальный аромат искусно смаковала,
Тот запах, что дает без жалости, без жала,
Срываю грез тому, кто в прошлом их срывал.

Переводчик сохраняет все метафорические образы света второй части стихотворения, но не без изменений. Так, оригинальное «с солнцем волосах», где свет словно становится атрибутом внешности девушки («солнечной богини», как ее называет С. Н. Зенкин [\[16\]](#)), в переводе сменяется экспрессивным образом брызг солнечного света, попавших на волосы. Экспрессии добавляет замена шляпки из света на шляпку огненную в тринадцатой строке, где свет заменен на образ тепла, страсти:

Так, к ветхой мостовой свой взор я приковал,
Вдруг, с солнцем, брызнувшим на волосы, белея,
Смеясь, в вечерний час предстала ты, как фея,
Кто в шляпке огненной в прелестном детстве мне,
Любимцу, баловню приснилась в смутном сне
Ронявшей слабою, разжатой чуть рукою
Букет душистых звезд во мраке надо мною.

Метафора света в последней строке сохранена и усиlena контрастом с возникшим образом тьмы – «во мраке надо мною».

Оба переводчика внимательны к воссозданию метафорических образов света – как и в оригинале, в их текстах эти образы выступают лейтмотивами, однако именно Брюсову удалось благозвучно и точно воссоздать оригинальные образы и впечатления. Он стремится сохранить атмосферу оригинала через изящные обороты и образы, что делает

его стиль выразительным и эмоционально насыщенным. Еще в начале своего знакомства с эстетической концепцией символизма Брюсов смог точно уловить самую ее суть: «Цель символизма – рядом сопоставленных образов как бы загипнотизировать читателя, вызвать в нём известное настроение» [17]. Такой подход позволил сохранить не только поэтический сюжет, оригинальные образы, но и эстетические особенности оригинала, передать впечатление, которое он производит на читателя.

Библиография

1. Брюсов В.Я., Дневники. (1891–1910). Записи прошлого. Воспоминания и письма. Под ред. С. В. Бахрушина и М. А. Цявловского М., 1927. С. 12.
2. Mendès, C. La Légende du Parnasse contemporain. Bruxelles: 1884. URL: [https://fr.wikisource.org/wiki/La_L%C3%A9gende_du_Parnasse_contemporain_\(Catulle_Mend%C3%A8s,_1884\)/Texte_entier](https://fr.wikisource.org/wiki/La_L%C3%A9gende_du_Parnasse_contemporain_(Catulle_Mend%C3%A8s,_1884)/Texte_entier) (дата обращения 15.01.2024).
3. Mallarmé S. Hérésies artistiques / L'Artiste (Revue), 15 septembre 1862 (T2, p. 127) (pp. 127-128) https://fr.wikisource.org/wiki/H%C3%A9r%C3%A9sies_artistiques (дата обращения: 18.01.2024).
4. Mendès, C. La Légende du Parnasse contemporain. Bruxelles: 1884. URL: [https://fr.wikisource.org/wiki/La_L%C3%A9gende_du_Parnasse_contemporain_\(Catulle_Mend%C3%A8s,_1884\)/Texte_entier](https://fr.wikisource.org/wiki/La_L%C3%A9gende_du_Parnasse_contemporain_(Catulle_Mend%C3%A8s,_1884)/Texte_entier) (дата обращения 15.01.2024).
5. Веселовский А. Н. Из введения в историческую поэтику / Историческая поэтика. Москва: Высшая школа, 1989. С. 58.
6. Baudelaire Ch. L'Art philosophique / L'Art romantique, Calmann Lévy, 1885, Œuvres complètes de Charles Baudelaire, tome III (p. 127-137). URL: https://fr.wikisource.org/wiki/L%CE%80%99Art_romantique/L%CE%80%99Art_philosophique (дата обращения: 18.01.2024).
7. Малларме С. Сочинения в стихах и прозе: Сборник / Сост. Р. Дубровкин. М.: А./О Издательство «Радуга», 1995. С. 380.
8. По Э. А. Философия творчества / Перевод В.В. Рогова // Эстетика американского романтизма. М., 1977. URL: http://www.lib.ru/INOFANT/POE/poe1_3.txt (дата обращения: 18.01.2024).
9. По Э. А. Философия творчества / Перевод В.В. Рогова // Эстетика американского романтизма. М., 1977. URL: http://www.lib.ru/INOFANT/POE/poe1_3.txt (дата обращения: 18.01.2024).
10. Ковалев Ю. В. Эдгар По / История всемирной литературы. Т. 6. М., 1989. URL: <http://www.philology.ru/literature3/kovalev-89a.htm> (дата обращения 18.01.2024).
11. Ковалев Ю. В. Эдгар По / История всемирной литературы. Т. 6. М., 1989. URL: <http://www.philology.ru/literature3/kovalev-89a.htm> (дата обращения 18.01.2024).
12. Малларме, С. Сочинения в стихах и прозе: Сборник / Сост. Р. Дубровкин. М.: А./О Издательство «Радуга», 1995. С. 378.
13. Малларме, С. Сочинения в стихах и прозе: Сборник/Сост. Р. Дубровкин. М.: А./О Издательство «Радуга», 1995. С. 486.
14. Малларме, С. Сочинения в стихах и прозе: Сборник/Сост. Р. Дубровкин. М.: А./О Издательство «Радуга», 1995. С. 487.
15. Дубровкин Р. М. Французская поэзия в «Весах» (В. Брюсов и Рене Гиль) / Revue des études slaves, Vol. 75, No. 3/4 (2004), pp. 455-472. URL: https://www.jstor.org/stable/43271555?read-now=1#page_scan_tab_contents (дата обращения 18.01.24).

16. Малларме С. Сочинения в стихах и прозе: Сборник / Сост. Р. Дубровкин. М.: А./О Издательство «Радуга», 1995. С. 21.
17. Брюсов В. Я. От издателя // Русские символисты, вып. 1. М.: 1894.
URL: <http://bryusov.lit-info.ru/bryusov/kritika-bryusova/russkie-simvolisty.htm> (дата обращения 18.01.24).

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Русские переводы стихотворения Стефана Малларме «Явление», предлагаемая к публикации в журнале «Филология: научные исследования», несомненно, является актуальной, ввиду того, что проблемы переводческой трансформации в паре «французский-русский» находятся в центре современных исследований в парадигме человекоцентричной лингвистики.

Практическим материалом исследования явились переводы произведений Стефана Малларме, которые появились в нашей стране более ста лет назад под авторством Валерия Яковлевича Брюсова. Кроме того, автор обращается к переводам П. Краснова, Р. Рабинерсона, М. Талова, С. Петрова, Р. Дубровкина, Ю. Корнеева.

Немаловажным является факт рассмотрения передачи реалий франкоязычного текста на русский язык. В исследовании проведен сравнительно-сопоставительный анализ текстов франкоязычного оригинала и его перевода на русский язык.

Рассматриваемый в статье феномен зачастую трудно переводим на русский язык, что затрудняет трансформацию текста. Вопросы перевода реалий, оттенков значений и сохранения общей стилистики и теории перевода являются актуальными и в наше время. Практическим материалом исследования послужили произведения вышеупомянутого автора на французском языке и их русскоязычные переводы: «Renouveau» (1862), «Apparition» (1863), «Les Fenêtres» (1863), «Tristesse d'Été» (1864), «L'Azur» (1864), «Soupir» (1864), «Don du poème» (1865), «Brise marine» (1865), «Quand l'ombre menaça de la fatale loi» (1883), «Victorieusement fui le suicide beau» (1885), «Ses purs ongles très haut dédiant leur onyx» (1886), «Le Pitre Châtié» (1887), «Hérodiade» (1864–1898), «Apparition» (1863), а также критические статьи исследователей творчества С. Малларме.

Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Во введении автор прибегает к различным точкам зрения на рассматриваемую проблему для выделения научной лакуны исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. Отметим, что заключение требует усиления, оно не отражает в полной мере задачи, поставленные автором и не содержит перспективы дальнейшего исследования в русле заявленной проблематики.

Подобные работы, с применением различных методологий, являются актуальными и, с учетом фактического материала, позволяют тиражировать предложенный автором принцип исследования на иной языковой материал.

Библиография статьи насчитывает 17 источников как на русском, так и иностранном языках. В статье нарушен общепринятый порядок алфавитного выстраивания источников согласно ГОСТа. Кроме того, отсутствуют ссылки к фундаментальным работам на русском языке – монографиям, кандидатским и докторским диссертациям, которых по данной

проблематике было защищено достаточное количество. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, литературоведам, переводчикам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. В общем и целом, следует отметить, что статья «Русские переводы стихотворения Стефана Малларме «Явление» может быть рекомендована к публикации в научном журнале из перечня ВАК.

Англоязычные метаданные

The theatricality and cinematography of Alessandro Baricco's literary works

Kuchina Natalia

Postgraduate student, The Maxim Gorky Literature Institute

123104, Russia, Moscow, Blvd. Tverskaya street, 25

 nataliek@mail.ru

Abstract. The subject of the study is stylistic and genre techniques that go beyond literary traditions. The object of the research is the early works of Alessandro Baricco, the novels "Silk" and "Sea-Ocean", the scenario-monologue "1900: the legend of the pianist", the novel - scenario "Smith & Wesson" ("Smith & Wesson"), the novel "City". The research is going to show individual features and artistic techniques that allow achieving the greatest imagery, to identify innovative features of Alessandro Baricco's poetics. Baricco's literary narrative is completed by elements imitating acoustic and visual effects, which allows the reader to build suggestive images in mind, intense with visual and sound effects.

This article research two types of works by Alessandro Baricco: those that were originally written not only for reading, but also for staging in the theater; and those where elements of theatricality and cinematography are implicitly inscribed in the text.

The scientific novelty of the work is due to show various aspects related to the individuality of the author's thinking. The works of Alessandro Baricco are characterized by syncretism. The writer weaves elements from the theater and cinema into the narrative canvas, which makes his prose highly suggestive. It is also possible to talk about two author's strategies: a detailed description of the visual and sound accompaniment of the action, or half-hints aimed at the gradual recognition of interwoven theatrical and cinematic techniques, hints that help the reader understand what is happening. The results of the study can serve to expand interest to the work of Alessandro Baricco and further research his literature works as a whole with the diverse activities of Baricco in the world of culture.

Keywords: scenario, cinematography, flashback, suggestive prose, Italian literature, postmodernism, Alessandro Baricco, syncretism, theatricality, hidden theatricality

References (transliterated)

1. Barikko A., 1900-i: legenda o pianiste // Shelk i drugie istorii, Moskva, Inostranka, Azbuka-Attikus, 2017. S. 233-276.
2. Barikko A., More-Okean // Shelk i drugie istorii, Moskva, Inostranka, Azbuka-Attikus, 2017. S. 63-232.
3. Barikko A., Shelk // Shelk i drugie istorii, Moskva, Inostranka, Azbuka-Attikus, 2017. S. 5-62.
4. Barikko A., City, Sankt-Peterburg, Symposium, 2007.
5. Il'in I. P., Poststrukturalizm. Dekonstruktivizm. Postmodernizm., Moskva, Intrada, 1996.
6. Lutero T., Leksiko-grammaticheskie resursy funktsional'noi ekvivalentnosti v perevode khudozhestvennogo teksta s ital'yanskogo yazyka na russkii, dissertatsiya, 2017, s.

123.

7. Baricco A., Il Manifesto, Rim, Pikvik, 27.12.1994.
8. Baricco A., Smith & Wesson, Milano, Feltrinelli, 2014.
9. Caneschi G., 1900 La leggenda di Novecento. Da Alessandro Baricco a Giuseppe Tornatore. <https://etd.adm.unipi.it/t/etd-10252019-005616/>
10. https://ru.wikipedia.org/wiki/Smith_%26_Wesson (Vikipedya. Smith & Wesson)

Perception verbs in the Russian dialects of the Amur region and in the northeastern dialect of the Chinese language of Heilongjiang province

Fang Haixu

Postgraduate student, Department of Russian Language and Publishing Industry, Pacific National University

680035, Russia, Khabarovsk Krai, Khabarovsk, Pacific street, 140

✉ 362457061@qq.com

Abstract. The subject of this work is the verbs of perception in the Russian dialects of the Amur region and in the northeastern dialect of the Chinese language of Heilongjiang province. The research material is two dialect dictionaries: "Dictionary of Russian dialects of the Amur region" and "Dictionary of dialects of Heilongjiang province". The study revealed 26 verbal units from the "Dictionary of Russian Dialects of the Amur region" (including 18 verbs and 8 phraseological units with the meaning of visual and auditory perception, as well as perception of smell and touch); 18 verbs with the meaning of visual perception from the "Dictionary of Dialects of Heilongjiang province". The purpose of the study of this article is the comparative classification of perception verbs in the border regions of the Russian Federation and China, separated by the Amur River (in Chinese, Heilongjiang). In developing the classification of the studied language units, continuous sampling, contextual, descriptive-analytical and comparative methods were used. The relevance and novelty of the work lies in the fact that the perceptual verbal vocabulary in the dialects of both ethnic groups is poorly studied; for the first time an attempt was made to study the comparative classification of the verbs of perception of the Russian dialects of the Amur region and the northeastern dialect of the Chinese language of Heilongjiang province; the effectiveness of the study of perception verbs can contribute to the reconstruction of the dialect linguistic picture of the world and the linguistic personality of speakers of the dialect of two different ethnic groups. The main conclusions of this study summarize that perceptual vocabulary connects the world of objective reality with the expression of this world in the language of human communication and that in the dialects of both ethnic groups (in the Russian dialects of the Amur region and in the northeastern dialect of the Chinese language of Heilongjiang province) verbal units with the meaning of visual perception prevail over other groups.

Keywords: Heilongjiang province, Chinese dialects, Russian dialects, dialect, verbs of smell, auditory perception, visual perception, verbs of perception, verbs of mental activity, perceptual verbs

References (transliterated)

1. Apresyan Yu. D. Obraz cheloveka po dannym yazyka: popytka sistemnogo opisaniya // Voprosy yazykoznanija. – 1995. – № 1. – S. 37–67.

2. Bondarko A. V. Teoriya znacheniya v sisteme funktsional'noi grammatiki: na materiale russkogo yazyka. – M.: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2002. – 736 s.
3. Vasil'ev L. M. Semantika russkogo glagola. – M.: Vysshaya shkola, 1981. – 184s.
4. Meshcheryakov B. G., Zinchenko V. P. Bol'shoi psikhologicheskii slovar'. – SPb.: Praim Evroznak, 2006. – 3-e izd. – 672 s.
5. Moiseeva S. A. Semanticeskoe pole glagolov vospriyatiya v zapadno-romanskikh yazykakh: monografiya. – Belgorod: Izd-vo BelGU, 2005. – 248 s.
6. Paducheva E. V. Dinamicheskie modeli v semantike leksiki. – M., 2004. – 607 s.
7. Sadchenko V. T. Leksiko-semanticeskaya gruppa glagolov mysli v russkikh govorakh Priamur'ya // Sotsial'nye i gumanitarnye nauki na Dal'nem Vostoke, 2022. – T. XIX. – Vyp. 1. – S. 220–226.
8. Slovar' russkikh govorov Priamur'ya / avt.-sost.: O. Yu. Galuza, F. P. Ivanova, L. V. Kirpikova, L. F. Putyatina, N. P. Shenkevets. – Izd. 2-e, ispr. i dop. – Blagoveschchensk: Izd-vo BGPU, 2007. – 544 s.
9. Tolkovyj slovar' russkikh glagolov / Pod red. L. G. Babenko. – M.: AST-PRESS, 1999. – 704 s.
10. 刘小南, 姜文振.«黑龙江方言词典». 哈尔滨:黑龙江教育出版社, 1991年. – 292页. Lyu Syaonan', Tszyan Ven'chzhen'. Slovar' govorov provintsii Kheiluntszyan / Lyu Syaonan'. Tszyan Ven'chzhen'. – Kharbin: Kheiluntszyanskoe obrazovatel'noe izdatel'stvo, 1991. – 292 s.

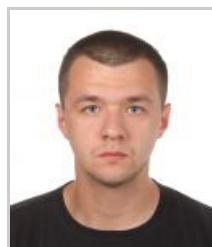
Crimean realities in F.'s travelogue Remy "Crimea in ethnographic, geographical and historical terms" (1872)

Krygin Roman Vyacheslavovich

Lecturer, Department of German Philology, Crimean Engineering and Pedagogical University named after Fevzi Yakubov

295014, Russia, Republic of Crimea, Simferopol, Turistov str., 24, of. Turistov, 24

✉ romakrygin@gmail.com

Abstract. The article is devoted to identifying and structuring realities in the travelogue of the German-speaking traveler Franz Remy, who visited the Crimean peninsula in the 19th century. The features of the realities mentioned in the work of a traveler who visited Crimea in the 19th century are considered.

The purpose of the work is to identify, characterize, and establish the features of the realities of Crimea based on the travelogue F. Remy. The relevance of the work is due to both the increased interest in travelogue as a genre, and to the linguocultural aspect of the study of German-speaking travelogues.

Of particular interest is how exactly the German-speaking traveler saw Crimea in the 19th century. The methodological basis was the works of S.I. Vlahov, S.P. Florin, L.N. Soboleva, E.R. Ponomareva, A.A. Kretova, N.A. Fenenko.

The article clarifies the concepts of "reality" and "travelogue" based on a critical analysis of theoretical sources. A classification of realities is presented. The practical research was based on the material of Franz Remy's travelogue "Die Krim in ethnographischer, landschaftlicher und hygienischer Beziehung", published in the 19th century. Particular attention is paid to primary and secondary nominations of the realities of Crimea. The article provides examples of realities from the categories of astyonyms, comonyms, hydronyms, oronyms, urbanonyms, horonyms, highlights personalities, characters for the Crimea of the 19th century, as well as

ethnographic realities. The article also discusses the traveler's use of doublet names of Crimean cities.

A conclusion is drawn about which categories of realities were characteristic of the Crimean Peninsula of the 19th century.

This article may be of interest to specialists in the field of philology and history.

Keywords: voyage, Russia, travel, Franz Remy, travelogue, travel notes, German language, reality, Crimea, culture

References (transliterated)

1. Vlakhov S., S. I. Florin. Neperevodimoe v perevode. M.: «Mezhdunarodnye otnosheniya», 1980.
2. Kretov A. A., Fenenko N.A. Lingvisticheskaya teoriya realii // Voronezh: Vestnik VGU. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya. – № 1, 2013. – 7-13 s.
3. Maiga A.A. Afrika vo frantsuzskikh i russkikh travelogakh, dis. ... kand. filol. nauk, 2016.
4. Ponomarev E.R. K voprosu ob obshchei teorii traveloga // Medialingvistika. Vyp. 6. Yazyk v koordinatakh massmedia. Materialy II mezdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. 2–6 iyulya 2017 g., SPb.: SPbGU, 2017.-150-152 s.
5. Rossel's V. R. Perevod i natsional'noe svoeobrazie podlinnika Voprosy khudozhestvennogo perevoda. M.: Sovetskii pisatel', 1955.
6. Sobolev L. N. Posobie po perevodu s russkogo yazyka na frantsuzskii. M.: Izd. lit. na inostr. yaz., 1952.
7. Tomakhin G.D. Realii – amerikanizmy. Posobie po stranovedeniyu. M.: Vysshaya shkola, 1988.
8. Chernov G. V. Voprosy perevoda russkoi bezekivalentnoi leksiki (sovetskih realii) na angliiskii yazyk: na materiale perevodov sovetskoi publisistiki, diss. kand. filol. nauk, 1958.
9. Shpak G.V. Repräsentatsiya obrazov vremeni i prostranstva v Evropeiskom traveloge XVII-XVIII vv., dis. ... kand. ist. nauk., 2018.
10. Chaney E. The Evolution of the Grand Tour: Anglo-Italian Cultural Relations since the Renaissance. 2nd ed. – Oxon; New York: Routledge, 2000.
11. H. Abich Einleitende Grundzüge der Geologie Halbinsel Kertsch und Taman / Abich H., St. Petersburg: Akademie der Wissenschaften, 1865.
12. Mead W. E. The Grand Tour in the Eighteenth Century. – Boston; New York: Houghton Mifflin Co., 1914.
13. Pallas P.S. Bemerkungen auf einer Reise in die südlichen Statthalterschaften des russischen Reichs in den Jahren 1793 und 1794. – Bd.2 izd.-Leipzig: Martini, 1801.
14. Remy F., Die Krim in ethnographischer, landschaftlicher und hisgienischer Beziehung / Dem grossen reisenden Publikum ein Wandergefahrte. – Odessa; Leipzig: Emil, Berndt, 1872.

A.S. Pushkin in the perception of “Russian Harbin”

Mekhtiev Vurgun Georgievich □

Doctor of Philology

Professor, Department of Literature and Journalism, Pacific National University

Abstract. The purpose of the work is to give an idea of the criticism and journalism of "Russian Harbin", dedicated to Pushkin, as well as to determine the place that the poet's personality and work occupied in the spiritual culture of emigrants. Russian emigrants regularly spoke out on the topic of Pushkin and for decades held a Day of Russian Culture associated exclusively with the name of the classic. A significant result of the study is the discovery of not only professional, but also journalistic and reader criticism, previously unknown.

The conclusion that the author comes to is that, as A.P. Grigoriev once said ("Pushkin is our everything"), for the Russian residents of Harbin the "idea of existence" in a foreign land really mattered. Based on methods of description, as well as philosophical phenomenology, the cultural, historical, aesthetic and literary parameters of the works are comprehended. The Russian emigration has a serious tradition of studying the artistic and aesthetic heritage of the first wave of Russian emigration, but the aesthetic thought of the "Russian Harbin" is not convincingly integrated into this tradition. Russian literary scholars and foreign Slavists paid attention mainly to Pushkin studies of Russian emigration to Europe. The eastern line of Pushkin studies is considered as part of the literary heritage of the entire Russian diaspora. Critics of "Russian Harbin" saw in Pushkin an indisputable symbol of cultural Russia; The emigration considered Pushkin's Russia to be a true historical reality. The existing stereotype of the "secondary nature" of literary criticism on the part of eastern immigrants is being overcome. The bibliographic list of works about Pushkin is expanding. The article analyzes articles, including Western emigrants, known only from Harbin periodicals.

Keywords: literary criticism, Pushkin studies, context, national idea, periodicals, Russian emigration, journalism, Russian Harbin, Pushkin, mythologization

References (transliterated)

1. Grigor'ev Ap. Sochineniya v dvukh tomakh. Tom 2. Moskva: Khudozhestvennaya literatura. 1990. 509 s.
2. Zaitsev, K.I. Kuda vedet nas Pushkin // Den' russkoi kul'tury. Kharbin: Izd-vo S.I. Khramov, 1937. S. 9–11.
3. Zaitsev K.I. Religioznaya problema Pushkina // Rossiya i Pushkin. 1837–1937. Sbornik statei. Kharbin: Izd-vo Russkoi Akademicheskoi gruppy, 1937. S. 113–120.
4. Zamyatin E. I. Sobranie sochinenii: V 5 t. T. 3: Litsa / Sost. S.S. Nikonenko i A.N. Tyurina. M.: Russkaya kniga, 2004. 608 s.
5. Zarubezhnaya Rossiya i Pushkin: Opyt izucheniya. Materialy dlya bibliografii (1918–1940). Ikonografiya / Sost., predisl., komment. M.D. Filina. Moskva: Dom-Muzei Mariny Tsvetaevoi, 2004. 430 s.
6. Kritika russkogo zarubezh'ya: [v 2 chastyakh]. Chast' 1 / Sost., avt. primech. Korostelev O.A., Mel'nikov N.G. Moskva: AST: Olimp. 2002. 471 s.
7. Kritika russkogo zarubezh'ya: [v 2 chastyakh]. Chast' 2 / Sost., avt. primech. Korostelev O.A., Mel'nikov N.G. Moskva: AST: Olimp. 2002. 462 s.
8. Mekhtiev V.G., Pasevich, Z.V., Struk, A.A. Kritika i publitsistika russkoi emigratsii v Kitae: kollektivnaya monografiya. Khabarovsk: Izd-vo Tikhookeanskogo gos. un-ta, 2020. 84 s.

9. Pasevich Z.V. Literaturnaya kritika na stranitsakh gazet «russkogo Kharbina» // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. Tambov: Gramota. 2019. T. 12. Vypusk 6. S. 42-48.
10. Pasevich Z.V. M.Yu. Lermontov v kritike i publitsistike russkoi emigratsii Kitaya // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. Tambov: Gramota, 2020. № 10. S. 38-45.
11. Russkaya emigratsiya v Kitae. Kritika i publitsistika. «... syn Muzy, Apollonov izbrannik»: stat'i, esse, заметки о личности и творчестве А.С. Пушкина / Сост., подг. текстов, коммент. Струк А.А., Мектиева В.Г., Пасевич З.В. Москва: Khudozh. lit., 2019. 495 s.
12. Russkaya emigratsiya v Kitae. Kritika i publitsistika. Na «vershinakh nevechernego sveta i neopalimoi pechali». Ocherki, stat'i, retsenzii, memuary o russkikh pisatelyakh / Сост., подг. текстов, коммент. Мектиева В.Г., Пасевич З.В., Струк А.А. Москва: Khudozh. lit., 2020. 656 s.
13. Struve G. Russkaya literatura v izgnanii: opyt istoricheskogo obzora zarubezhnoi literatury. Parizh, Москва: Russkii put', 1996. 408 s.
14. Sukhorukov V.D. Obshchezhitie donskikh kazakov v XY11 i XY111 stoletiyakh. Rytsarskaya zhizn' kazakov. Chastnaya zhizn' dontsov v kontse XY11 i v pervoi polovine XY111 veka // Russkaya starina. S.-Peterburg: tip. Departamenta narodnogo prosveshcheniya, 1825. S. 173-342.
15. Taina Pushkina: iz prozy i publitsistiki pervoi emigratsii / Сост., предисл., коммент. М.Д. Филина. Москва: Ellis Lak, 1998. 541 s.
16. Tolmachev, V.M. (1995). Poet i poeziya v literaturnoi kritike V. Veidle // Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Zarubezhnaya literatura. Seriya. 7. Literaturovedenie: RZh. № 4. S. 73-89.
17. Fatalist: Zarubezhnaya Rossiya i Lermontov / Komment., avt. vst. Stat'i M.D. Filin. Москва: Russkii mir, 1999. 286 s.
18. Fedyakin S.R. Iskusstvo retsenzii v «Chislakh» i «Optytakh» // Literaturovedcheskii zhurnal. 2003. № 17. S. 65-96.
19. Khabarova, Yu.P. Teatr A.P. Chekhova v vospriyatiu emigratsii v «russkom Kharbine» // Chelovek i kul'tura. 2021. № 5. S. 13-21.

Strategies for translating English filonyms into Russian

Dondik Lyudmila Yurievna □

PhD in Philology

Associate professor, Department of Foreign Languages and Russian Philology, Russian State Vocational Pedagogical University

622031, Russia, Nizhny Tagil, Krasnogvardeyskaya str., 57

✉ dondik2006@yandex.ru

Abstract. The subject of the research in the article is the peculiarities of the translation of filonyms from English into Russian. The methods of comparative, semantic and pragmatic analysis with elements of cultural and stylistic analysis are used in the work. The novelty of the research lies in the fact that it is based on the material of parallel English- and Russian-language filonyms released over the past two decades. The obtained results contribute to the development of translation studies and the theory of onyms. Choosing a strategy is one of the most important decisions of the translator which is associated with the linguistic features

of the filmonym and the cultural specifics of the translation audience. The closer the cultures of native speakers of the original language and the target language are, the more opportunities there are for using forenization, a translation strategy in which the translator strives to preserve the content and the form of the original title. Forenization strategy was used to transmit 25.34% of the English-language filmonyms of the sample, which is significantly inferior to the number of filmonyms translated according to the domestication strategy, which make up 69.34% of the sample. The high frequency of the domestication strategy is explained by the fact that using translation transformations allows overcoming such difficulties in translating filmonyms as discordance of interlanguage equivalents, mismatch of meanings of similar words, undesirable associations with precedent phenomena, dysphemisms, the emergence of meanings that disorient the viewer, untranslatable wordplay. In the examples that make up 5.32% of the sample, the binomial translation construction of the onym was used; the forenized title of the film is included in the first part before the colon, and the second part is a variant of the name adapted as part of the domestication strategy.

Keywords: replacement, translation, translation transformation, media headings, adaptation, domestication, forenization, translation strategy, transliteration, Filmonym

References (transliterated)

1. Gaut B. A Philosophy of Cinematic Art. Cambridge : Cambridge University Press, 2010.
2. Gorshkova V. E. Nazvanie fil'ma kak edinitsa perevoda i sostavlyayushchaya obraz-smysla // Vestnik PNIPU. Problemy yazykoznaniya i pedagogiki. 2014. №10. S. 37-48.
3. Davydkina O. D., Dondik, L. Yu. Strategii perevoda biblionimov (na materiale angloyazychnykh biblionimov i ikh perevoda na russkii yazyk) // Uchenye zapiski NTGSPPI. Seriya: Iстoriya i filologiya. 2023. № 2. S. 85-97.
4. Prokhorova K. V. Mediamarkery obshchestvennogo konflikta // Nauchnyi zhurnal mezhdunarodnoi medialingvisticheskoi komissii Mezdunarodnogo komiteta slavistov (pod patronatom YuNESKO), 2017. №1 (16). S. 84-96.
5. Zakharova L. I. Fenomen yazykovoi igry v sovremennoi publitsistike (na materiale zagolovkov gazet) // Problemy frazeologicheskoi i leksicheskoi semantiki. Kostroma, 2004. S. 104-107.
6. Dondik L. Yu. Sopostavitel'noe issledovanie strategii perevoda avtorskikh neologizmov v romane fentezi // Nauchnyi rezul'tat. Voprosy teoreticheskoi i prikladnoi lingvistiki. 2019. № 4(5). S. 46-57.
7. Moskavets M. N. Klassifikatsiya gazetnykh zagolovkov po stepeni avtonomnosti semantiki (na materiale frantsuzskoi pressy) // Vestnik MGOU. Seriya: Lingvistika Moskovskii gosudarstvennyi oblastnoi universitet. 2015. №3. S. 78-82.
8. Vinogradov V. S. Vvedenie v perevodovedenie (obshchie i leksicheskie voprosy). M.: Izdatel'stvo instituta obshchego srednego obrazovaniya RAO, 2001. 224 s.
9. Nelyubin L. L. Tolkovy perevodovedcheskii slovar'. M.: Flinta : Nauka, 2003. 320 s.
10. Sdobnikov V.V. Strategiya perevoda: obshchee opredelenie// Vestnik IGLU. 2011. №1. 172 s.
11. Seruya T. Rereading Schleiermacher : Translation, Cognition and Culture. London, New-York: Springer, 2016. 303 p.
12. Venuti L. The Translator's Invisibility. A History of Translation. London and New York : Routledge, 2004. 353 p.
13. Dondik L. Yu. Kommunikativnye strategii v fil'monimakh rossiiskogo i frantsuzskogo kinodiskursa // Uchenye zapiski NTGSPPI. Seriya: Iстoriya i filologiya. 2021. № 1. S. 35-

The idea of anger in Russian and Chinese cultures.

Golovanivskaya Mariya Konstantinovna

Doctor of Philology

Professor, Department of Regional Studies, Lomonosov Moscow State University, Faculty of Foreign Languages and Regional Studies

119991, Russia, Moscow, Leninskie Gory str., 1, p. 13

 Golovanivskaya@gmail.com

Efimenko Nikolai Aleksandrovich

Student, Department of Regional Studies, Lomonosov Moscow State University

119991, Russia, Moscow, Leninskie Gory str., 1, p. 13

 efimenko200205@mail.ru

Abstract. The article examines the idea of "anger" in two linguistic worldviews - Russian and Chinese. The study is a contrastive one, the obtained results are compared. The description of each concept follows a clear algorithm: the etymology of the word is explored, the mythological roots of the concept are examined, its collocations are analyzed, and the substantive connotation is extracted from the collocations following the approach of V. A. Uspensky. Dictionary definitions are also compared. The aim of the study is to identify the peculiarities of the representation of the idea of "anger" in these cultures based on the material of semantic fields in the Russian and Chinese languages. Furthermore, a comparison is made to identify similarities and differences in the worldview of different peoples. The research employs various scientific methods, such as the comparative-historical method, the method of generalization, and the method of semantic analysis. This topic is relatively underexplored and relevant since there have been no previous linguistic and cultural studies analyzing this concept in Russian and Chinese languages and cultures, which represents the scientific novelty of the work. The results obtained will contribute to establishing mutual understanding between cultures, serving as a kind of conceptual bridge for representatives of different cultures. These findings will be used in the teaching of regional studies, comparative cultural studies, and in the instruction of relevant languages in higher education institutions.

Keywords: Russian language, Chinese language, ideas, semantic analysis, comparative research, cultural studies, linguistics, anger, natural language metaphysics, Synonymous series

References (transliterated)

1. Bol'shoi Kitaisko-Russkii Slovar'. URL: <https://bkrs.info/>
2. Buyanov M.I. Besedy o detskoj psichiatrii. M.: Prosveshchenie, 1992. 255 s.
3. Dal' V.I. Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo jazyka. M.: M.O. Vol'f, 1955. T. 1-4.
4. Mify narodov mira (entsiklopediya). M., 1992, T. 1-2.
5. Petrovskaya V.A. Evropeiskie sistemy vospitaniya // Osnovy zdorovogo obraza zhizni i nравственного воспитания в СССР. M., 1968.
6. Toporov V.N. Semantika mifologicheskikh predstavlenii o gribakh // Balkanskii sbornik.

- M., 1978.
7. Chernykh P.Ya. Istoriko-etimologicheskii slovar' sovremennoego russkogo yazyka. M., 1994. T. 1-2.
 8. Yakushenkov S.N. Struktura i semantika sotsial'nykh statusov v aimarskoi obshchine // Vlast' v aborigennoi Amerike. Problemy idealistiki. M.: Nauka, 2006. S. 26-39.
 9. Yaspers K. Obshchaya psikhopatologiya. M.: KoLibri, 2019. 1056 s.
 10. 汉语(现代/古代) 语料库. URL: http://ccl.pku.edu.cn:8080/ccl_corpus/ (data obrashcheniya: 19.12.2022)
 11. 现代汉语频率词典. Pekin: Beitszin" yuiyan' syueyuan' chuban'she, 1986. 1491 s.
 12. Van Ch. Lun'khen syaochzhu. [王充. 论衡校注.] Shanghai: Shanghai gutszi chuban'she, 2013, c. 134.
 13. Li C. Tszyuyuan'. [李学勤.字源.] Tyan'tszin': Tyan'tszin' gutszi chuban'she, 2013. 1420 s.
 14. Syue S. Khan'yui chen"yui tsydyan' [汉语成语词典]. Sian': Shan'si zhen'min' tszyaoyui chuban'she, 2005.
 15. Chzhan Ch. Tszin'kuiyaolyue fanlun'. [张仲景. 金匮要略方论.] Pekin: Chzhungo shudyan' chuban'she, 1993. 119 s.
 16. Chzhao Ts. Tyan'yuan'syan.《Ckhuan' shitszindyan': khuandi neitszin》[赵建新, 田元祥. 《传世经典: 黄帝内经》]. Pekin: Beitszin lyan'khe chuban'she, 2013. 471 s.
 17. Chzhungo shekhuei ke syueyuan' yuiyan' yan'tszyuso. Sin'khua tszydyan' [新华字典]. Pekin: Shanuin' shuguan', 2020.
 18. Chzhungo shekhuei ke syueyuan' yuiyan' yan'tszyu sotsydyan' byan'tszishi. Syan'dai khan'yui tsydyan' [现代汉语词典]. Pekin: Shanuin' shuguan', 2016.
 19. Shan'u in' shu guan' tsyshu yan'tszyu chzhunsin'. Sin' khua chen"yui tsydyan' [新华成语词典]. Pekin: Shan'u in' shu guan', 2015.
 20. Khan'yui datszydyan' byan'tszi veiyuan'khuei. Khan'yui datszydyan' [汉语大字典]. Chendu: Sychuan' tsyshu chuban'she, 2018.

The yellow color in the phraseological picture of the world of the Russian and Persian languages: an axiological aspect

Haji Mousaei Svetlana Aleksandrovna

Postgraduate student, Department of Russian Language and Literature, University of Tehran

15 Kargar-E-Shomali str., Tehran, Iran, 1439813164

✉ shsveta21@mail.ru

Madaeni Awwal Ali

PhD in Philology

Associate Professor, Department of Russian Language and Literature University of Tehran

16 Kargar Shomali str., Tehran, Iran, 1439813164

✉ amadayen@ut.ac.ir

Abstract. This article is devoted to a comparative axiological analysis of phraseological units (PUs) with yellow color in Russian and Persian linguistic cultures. The perception of colors among different peoples may differ and directly depend on the historical, cultural, social, religious and natural conditions of development of a given people. The object of the study are

phraseological units of the Russian and Persian languages containing the yellow color (38 units in total), selected regardless of the degree of semantic unity of the components of phraseological units and the method of phraseologization, temporal characteristics, speech or linguistic affiliation, included in proverbs, sayings of famous personalities, quotes from fiction and the method of phraseologization, temporal characteristics, speech or linguistic affiliation, selected by a continuous sampling method from explanatory, phraseological, etymological and encyclopedic dictionaries of the Russian and Persian languages, literary texts, as well as the media. The main research methods used in this work are the comparative method and axiological analysis of phraseological units containing the color term "yellow" in the Russian and Persian languages. The scientific novelty of the work lies in the study of phraseological units containing "yellow" in two languages from the point of view of axiology. Based on the results of the analysis of the estimated values of phraseological units with "yellow" component, a conclusion is drawn about the attitude towards this color in the axiological picture of the world of the speakers of the languages under study and we have clarified the meaning of the yellow color in the phraseological picture of the world of the Russian and Persian languages and confirm the absence of a binary axiological opposition.

Keywords: phraseology, Russian language, value, yellow, colorative, meaning, assessment, picture of the world, axiological analysis, Persian language

References (transliterated)

1. Teliya V.N. Russkaya frazeologiya. Semantichestskii, pragmatischeeskii i lingvokul'turologicheskii aspekty. M.: Shkola «Yazyki russkoi kul'tury». 1996. 288 s.
2. Belolyubskaya V.G. Kontsept "tsvet" kak komponent natsional'noi kartiny mira na materiale evenskogo yazyka. Filologiya: nauchnye issledovaniya. 2020. № 1. S. 56-65.
3. Lebedeva N.M. Tsennostno-motivatsionnaya struktura lichnosti v russkoi kul'ture. Psikhologicheskii zhurnal. 2001. №3. S. 26-36.
4. Milovanova M. S. (otv. red.), Sigal K. Ya., Karasik V. I., Slyshkin G. G., Fominykh B. I., Bozhenkova N. A., Goncharova, L. M., Matrusova A. N., Shamsutdinova R. R. Obshchaya i russkaya lingvoaksiologiya: Kollektivnaya monografiya. IYaz RAN, Gos. IRYa im. A. S. Pushkina. M.: Yaroslavl' «Kantsler», 2022. 390 s.
5. Vagizova L.G., Fedorova K.M. Oboznachenie tsveta vo frazeologii russkogo i ital'yanskogo yazykov. M.: Sbornik materialov mezhunarodnoi studencheskoi nauchnoi konferentsii. Vypusk 3. 2023. S. 50-56.
6. Zol'nikova Yu.V. Tsvetooboznacheniya vo frazeologicheskoi kartine mira nemetskogo i russkogo yazykov. Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. № 30 (168) 2009. S. 88-93.
7. Shevchuk-Chernogorodova M.A. Otrazhenie tsvetovoi kartiny mira vo frantsuzskoi i russkoi frazeologii. Krymskii nauchnyi tsentr NAN i MON Ukrainy. Voprosy dukhovnoi kul'tury. Filologicheskie nauki. №1. 2005. S. 121-127.
8. Khademi Mogaddam M., Rezai M. Sopostavitel'nyi analiz persidskikh frazeologizmov s komponentom chernogo i belogo tsvetov i ikh russkie ekvivalenty. Zhurnal Filologicheskie nauki v MGIMO. Literaturovedenie i i lingvokul'turologiya. 2018. №16-4. S. 114-119.
9. Rakhele Kh. Frazeologizmy s kolorativnym komponentom «zheltyi» v russkom i persidskom yazykakh: lingvokul'turologicheskie aspekty. Vestnik Polotskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki. Yazykoznanie. 2013. № 2. S. 106-110.

10. Tolkovyj slovar' russkogo jazyka: v 4 tomakh. Pod red. D. N. Ushakova. M.: Gosudarstvennyj institut «Sovetskaya entsiklopediya» T. 1. 1935. 1565 s.
11. Dekkhkhoda Ali-Akbar Tolkovyj slovar' persidskogo jazyka. Ruzane, Tegeran, Iran, 1994. 2455 s.
12. Ivanova D. Tainyi jazyk tsveta. M.: Zhurnal fakul'teta inostrannykh jazykov i regionovedeniya MGU im. M.V. Lomonosova. №80. 2021. S. 35-40.
13. Baranov A.V. Mnemonizatsiya istoricheskoi pamyati v gosudarstvennoi simvolike Irana. M.: Zhurnal «Istoriya i istoricheskaya pamyat». 2020. S. 63-81.
14. Braem G. Psikhologiya tsveta. Perevod s nemetskogo Krapivki M.N. M.: Artel'. 2011. 158 s.
15. Pasturo M. Zheltyi. Istoriya tsveta. M. Novoe literaturnoe obozrenie. 2022. 124 s.
16. Tolkovyj slovar' russkogo jazyka // Pod red. Shvedova N.Yu. /M.: Azbukovnik. 2011. 1175 s.
17. Rubinchik Yu.A. Persidsko-russkii slovar': v 2 tomakh // M.: Russkii jazyk, 1985. T. 1. 800 s.
18. Bol'shaya Meditsinskaya Entsiklopediya (BME) v 29 tomakh // Pod red. Petrovskogo B.V. 3-e izdanie. Tom 17. 1974-1988.
19. Petrova Yu. Stachka-menedzhment. M.: ID Kommersant". Sekret Firmy. № 10. 2014. S. 56-60.
20. Kuragali Khaleg Persidskie poslovitsy, pogovorki i krylatye slova. Tegeran. Izd. «Kia» 1992. 625 s.
21. Zav'yalova N. A. Frazeologicheskie edinitsy s kolorativnym komponentom kak sostavlyayushchaya diskursa povsednevnosti Yaponii, Velikobritanii i Rossii. Izd. Ural'skogo universiteta. 2011. 321 s
22. Frazeologicheskii slovar' russkogo jazyka // Pod red. A.N. Tikhonova; sost. A. N. Tikhonov, A.G. Lomov, Lomova L.A. 3-e izd., stereotip. M.: «Russkii jazyk-Media». 2007. 334 s.
23. Mokienko V.M., Nikitina T. G. Bol'shoi slovar' russkikh pogovorok. M.: Mediagrapp Alma. 2007. 785 s.
24. Farsadmanesh Safar-Ali, Ezhova L. Russko-persidskii slovar' poslovits i pogovorok . Iran, Tegeranskii universitet. 2005. 320 s.
25. Goleva G.S. Farsi-russkii frazeologicheskii slovar'. M.: Graal', 2000. 555c

Revisiting the Cultural and Linguistic Causality of Technogenic Stereotypes

Barebina Natalya Sergeevna

Doctor of Philology

Associate Professor, Department of Foreign Languages, Irkutsk State Transport University

15 Cheryshevsky Street, Irkutsk, Irkutsk region, 664074

✉ svirel23@rambler.ru

Breeva Anna Pavlovna

Senior Lecturer, Department of Humanities, Baikal School of BRICS, Irkutsk National Research Technical University

83 Lermontov Street, Irkutsk, Irkutsk region, 664074, Russia

✉ annabreeva@mail.ru

Glyzina Vera Evgen'evna

PhD in Philology

Associate Professor, Department of Foreign Languages for Special Purposes, Baikal State University

11 Lenin Street, Irkutsk, Irkutsk region, 664003, Russia

✉ GlyzinaVE@bgu.ru

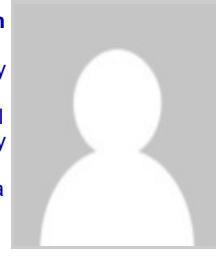
Kosyakov Vitaly Aleksandrovich

PhD in Philology

Associate Professor, Department of Humanities, Baikal School of BRICS, Irkutsk National Research Technical University

83 Lermontov Street, Irkutsk, Irkutsk region, 664074, Russia

✉ irkutvital@yandex.ru

Abstract. The object of the study is fragments of lay discourse about artificial intelligence and new technologies that express antipathy. The subject of the study is evaluative and emotional judgments about technologies and forms of their linguistic objectification, rooted in the discourse as a product of linguaculture.

The authors consider the issue of pessimistic perception of technological progress in Western society. A productive way to study this issue is the stereotype as a cognitive-linguistic phenomenon. It was accepted that stereotypes play a special role in representing general features of national, social and other human character traits.

The authors conclude that one of the main functions of the stereotype is its orienting function, which has influence on the components of the human being's personality.

The authors used such scientific methods as: introspection, comparison, analysis of dictionary definitions, descriptive-interpretative method, interpretation of discourse. This methods, in combination with text markup techniques, made it possible to identify fragments of discourse that were significant for analysis.

The research was based on the English language texts from The Guardian and The New York Times news aggregators, on materials from MIT Technology Review and Neuroscience News magazines.

The authors conclude that technogenic stereotypes in English discourse have a mythological basis in the form of religious motives and specific linguacultural images. This contrasts with the rational-critical view of information technology innovation.

Intermediate findings include the conclusion about the role of media, social networks, which are the key actor of the discourse of hype about technological expansion.

The novelty of the study lies in the fact that a new area of public discussion has been allocated, which is considered in the light of data on the orienting function of the stereotype, which requires academic reflection by specialists from different fields.

Keywords: linguoculture, religion, robots, artificial intelligence, mythological thinking, discourse, technophobia, technogenic stereotype, stereotype, critical thinking

References (transliterated)

1. Ailett R., Sharki N., Vargas P. Zhizn's robotami. Chto nuzhno znat' kazhdomu bespokoyashchemusya cheloveku; per. I. D. Golybina. M.: AST. 2022. 288s.
2. Gumbol'dt V. Izbrannye trudy po yazykoznaniiyu. M. : Progress, 2000. 400 s.
3. Dzyaloshinskii I. M. Kognitivnye protsessy cheloveka i iskusstvennyi intellekt v kontekste tsifrovoi tsivilizatsii. M. : Ai Pi Ar Media, 2022. 538 s.
4. Kosyakov V. A., Nikolaeva N. N., Shastina I. A. Orientiruyushchaya funktsiya yazyka. Irkutsk : Izd-vo BGUEP, 2011. 317 s.
5. Lisetskii M.L., Sopina A.L. Personifikatsiya robotov v publitsisticheskem diskurse: friend or foe // Aktual'nye problemy yazykoznaniiya. 2019. T. 1. S. 29–34.
6. Maturana U. R, Varela F. Kh. Drevo poznaniya. M. : Progress-Traditsiya, 2001. 223 c.
7. Motorina I.E., Akimova I.A., Kondaurova K.I., Maloletneva I.V. Tekhnofobiya kak real'host' sovremennoogo mira // MNIZh. 2021. № 4–3 (106). S. 159–164.
8. Ter-Minasova S. G. Yazyk i mezhkul'turnaya kommunikatsiya. M. : Slovo, 2000. 624 s.
9. Bell G. No More SMS from Jesus: Ubicomp, Religion and Techno-spiritual Practices // UbiComp 2006: Ubiquitous Computing. UbiComp 2006. Lecture Notes in Computer; P. Dourish, A. Friday (eds). Vol 4206. Springer, Berlin, Heidelberg. 2006. Pp 141–158. https://doi.org/10.1007/11853565_9
10. Ito J. Why Westerners Fear Robots and the Japanese Do Not // Wired. July, 2018. URL: https://www.wired.com/story/ideas-joi-ito-robot-overlords/?mbid=social_twitter_onsiteshare
11. Knight H. How Humans Respond to Robots: Building Public Policy through Good Design // The project of Civilian Robotics. Brookings. 2014. URL: <https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2014/07/humanrobot-partnerships2.pdf>
12. Mims C. Why Japanese Love Robots (And Americans Fear Them) // MIT Technology Review. October 12, 2010. URL: <https://www.technologyreview.com/2010/10/12/120635/why-japanese-love-robots-and-americans-fear-them/>
13. Mori M. The Uncanny Valley: The Original Essay // Robotics & Automation magazine. 2017. URL: <https://web.ics.purdue.edu/~drkelly/MoriTheUncannyValley1970.pdf> .
14. Neuroscience News Communications. Artificial Intelligence, and Our Fears: A Journey of Understanding and Acceptance Featured // Neuroscience. June 23, 2023. URL: <https://neurosciencenews.com/artificial-intelligence-fear-neuroscience-23519/>
15. Nyholm S. A new control problem? Humanoid robots, artificial intelligence, and the value of control // AI and Ethics. 2022. 3(4):1-11. Pp. 1229–1239. DOI:10.1007/s43681-022-00231
16. Robot jokes. URL: <https://scoutlife.org/about-scouts/merit-badge-resources/robotics/19223/robot-jokes/>
17. Schodt F. L. Inside the Robot Kingdom: Japan, Mechatronics and the Coming Robotopia. Tokio, New York: Kodansha International Inc. 1990. 256 p.
18. Wilson M. AI Is Inventing Language Humans Can't Understand. Should We Stop It? // Fast Company. 30 Sept.2017. URL: <https://www.fastcompany.com/90132632/ai-is-inventing-its-own-perfect-languages-should-we-let-it>
19. Wording Robotics: Discourses and Representations on Robotics; J.-P. Laumond, E. Danblon, C. Pieters (eds.). Springer, 2019. 168 p.

Existential constructions in the Yakut language: a model of causation of the beginning of existence

Sivtseva Natalia

PhD in Philology

Senior Researcher, Institute for Humanitarian Research and North Indigenous People Problems of Siberian Branch of the Russian Academy of Science

677027, Russia, Republic of Sakha (Yakutia), Yakutsk, Petrovsky str., 1, office 205

 sivna@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the study of models of existential constructions in the Yakut language. It examines the causation model of the beginning of existence in accordance with the principles of functional and semantic analysis. The relevance of this article is due to modern approaches in the study of the Yakut language as a system represented by multi-level means of its expression. The sentence as the main syntactic unit is displayed in a model that "combines the invariants of the minimal structural schemes that ensure the completeness of the sentence, and the generalized propositions associated with them." The structural scheme of the causation model of the beginning of existence in the Yakut language consists of a subject, an object and a predicate of an existential type expressed by verbs of the initial phase of being, existence. The typical meaning of the model is "to give the beginning to any event, phenomenon, contribute to the appearance, emergence of someone or something." The basis of this study is a functional-semantic approach to the study of language phenomena, which assumes a holistic organization of universal semantic categories. The study uses the continuous sampling method in the formation of material from lexicographic sources, the modeling method, and the glossing method to represent illustrative material. The presentation of the causation model of the beginning of existence as a component of the functional and semantic field of being in the Yakut language is new. It is revealed that the subject and object of the considered model can be stated by a noun, a pronoun, denoting an animate or inanimate person. In accordance with the forms of the subject and object included in the structural composition of the specified model, variants of its structural type are determined. It is established that in this model, such verbs of being as төрүтте 'to found, create something; to start something, олохтоо' to inhabit, settle, infuse; can be used as a predicate, to establish; justify', сагалaa' to start any action; to begin', төрет' to give birth.

Keywords: construction, model, function, semantics, beingness, category, functional grammar, verb, means, Yakut language

References (transliterated)

1. Arutyunova N.D. Bytiinye predlozheniya v russkom yazyke // Izvestiya AN SSSR. Seriya literatury i yazyka. 1976. № 3. S. 229-238.
2. Arutyunova N.D., Shiryaev E.N. Russkoe predlozhenie. Bytiini tip: struktura i znachenie. M.: Russkii yazyk, 1983. – 198 s.
3. Bondarko A.V. Bytiinost'. Vstupitel'nye zamechaniya // Teoriya funktsional'noi grammatiki. Lokativnost'. Bytiinost'. Posessivnost'. Obuslovленnost' / A.V. Bondarko, M.D. Voeikova, V.G. Gak, I.B. Dolinina. SPb.: Nauka, 1996. T. 6. S. 52-53.
4. Bondarko A.V. Printsipy funktsional'noi grammatiki i voprosy aspektologii. 2-e izd. M.: Editorial URSS, 2011. 208 s.
5. Bol'shoi tolkovyi slovar' russkikh glagolov: Ideograficheskoe opisanie. Sinonimy.

- Antonymy / Pod red. prof. L.G. Babenko. M.: AST-PRESS KNIGA, 1999. 576 s.
6. Bol'shoi tolkovyи slovar' yakutskogo yazyka: v 15 t. T. 8 / pod red. P.A. Sleptsova. Novosibirsk: Nauka, 2011. 572 s.
7. Bol'shoi tolkovyи slovar' yakutskogo yazyka: v 15 t. T. 10 / pod red. P.A. Sleptsova. Novosibirsk: Nauka, 2013. 576 s.
8. Grammatika sovremennoi yakutskogo literaturnogo yazyka. Fonetika i morfologiya. M.: Nauka, 1982. 495 s.
9. Durova M.V. Modeli bytiino-prostranstvennykh elementarnykh prostykh predlozhenii v yaponskom yazyke: avtoref. kand. d. filol. nauk. Novosibirsk, 2016. 25 s.
10. Efremov N.N. Bytiinye konstruktsii v epicheskem tekste (po materialam epicheskogo geroicheskogo eposa olonkho) // Gumanitarnyi vektor. 2013. № 4. S. 149-154.
11. Koshkareva N.B. Metod modelirovaniya struktury i semantiki elementarnogo prostogo predlozheniya kak edinitsy yazyka // Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya. 2006. Т. 4. Vyp. 2. S. 64-76.
12. Sivtseva N.A. Tekstoobrazuyushchie vozmozhnosti glagolov bytiya *baar* 'byt', *sushchestvovat'*, *syryt* 'zhit', *byt'*, *prebyvat'*, *nakhodit'sya* *gde-libo'* v initsial'nykh formulakh yakutskikh volshebnykh skazok // Mir nauki. Sotsiologiya, filologiya i kul'turologiya. 2020. № 4. Tom 11.[Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <https://sfk-mn.ru/PDF/41FLSK420.pdf>
13. Sivtseva N.A. Tekstoobrazuyushchii potentsial glagola nachala sushchestvovaniya *toree* 'rozhat', *rodit'sya*, *rozhdat'sya'* v yakutskom yazyke // Mir nauki. Sotsiologiya, filologiya i kul'turologiya. 2022. № 2. Т. 13. [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <https://sfk-mn.ru/49flsk222.html>
14. Sivtseva N.A. Glagol bytiya *el* 'umirat', *konchat'sya*, *pogibat'* v kontsovke yakutskoi volshebnoi skazki // Mir nauki. Sotsiologiya, filologiya i kul'turologiya. 2022. № 3. Т. 14. Rezhim dostupa: <https://sfk-mn.ru/PDF/36FLSK322.pdf>
15. Tazranova A.R. Biverbal'nye konstruktsii s glagolami bytiya v altaiskom yazyke: avtoref. dis. kand. filol. nauk. Novosibirsk, 2002. 26 s.
16. Kharitonov L.N. Zalogovye formy glagola v yakutskom yazyke. M.-L.: izd-vo AN SSSR, 1963. 123 s.
17. Cheremisina M.I. Issledovanie modelei EPP v tyurkskikh yazykakh Yuzhnoi Sibiri // Gumanitarnye nauki v Sibiri. 1997. № 4. S. 56-61.
18. Cheremisina M.I., Ozonova A.A., Tazranova A.R. Elementarnoe prostoie predlozhenie s glagol'nym skazuemym v tyurkskikh yazykakh Yuzhnoi Sibiri. Novosibirsk: izd-vo «Lyubava», 2008. 205 s.
19. Cheremisina M.I., Skribnik E.K. O sisteme modelei elementarnykh prostykh predlozhenii v yazykakh Sibiri // Gumanitarnye nauki Sibiri. 1996. № 4. S. 46-57.
20. Chugunekova A.N. Bytiino-pertseptivnye modeli predlozhenii v khakasskom yazyke // Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta. 2014. № 2. S. 78-81.
21. Chugunekova A.N. Modeli prostogo predlozheniya s semantikoi sushchestvovaniya sub'ekta v prostranstve (na materiale khakasskogo yazyka) // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2013. № 3. Ch. 1. S. 203-206.
22. Shilova V.V. Sistema prostranstvennykh modelei elementarnykh prostykh predlozhenii v nenetskom yazyke: avtoref. dis. kand. filol. nauk. Novosibirsk, 2002. 22 s.
23. Shilova V.V. Bytiino-pertseptivnye modeli elementarnykh prostykh predlozhenii v nenetskom yazyke: modeli ischeznoveniya // Yazyki korennykh narodov Sibiri.

Novosibirsk: izd-vo NGU, 2002. Vypusk 12. S. 115-123.

English-language borrowings of the coronavirus era and their functioning in German online publications

Vlasova Vlada Vladimirovna

Postgraduate student, Department of Theory and Practice of the Foreign Languages of the Institute of Foreign Languages; Assistant of the Department of Foreign Languages of the Philological Faculty, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba.

117198, Russia, Moscow region, Moscow, Mklukho-Maklaya str., 6

 1142230126@pfur.ru

Abstract. In post-crisis conditions, it becomes possible to assess the impact that the coronavirus pandemic has had on the vocabulary of the German language. A large number of English-language borrowings have penetrated into the German language, arousing the interest of linguists in the question of the influence of a new layer of vocabulary on the recipient language and becoming the subject of study by Russian and foreign linguists. For example, on the basis of research on neologisms of the Covid era, dictionaries and reference books of the vocabulary of the coronavirus era are being produced in various languages, including German. The subject of this study is English-language borrowings dedicated to Covid-19 in modern German online media (magazines, newspapers), and the aim is to identify the impact of the pandemic on enriching the vocabulary of the German language with English-language borrowings. Actual works (not older than five years) of Russian and foreign scientists in the fields of lexicology, lexicography, onomastics, and sociolinguistics became the methodological basis of the study. The analysis of the impact of the coronavirus on the process of assimilation of English-language borrowings in German is carried out on the basis of online media texts for the period February 2020 – October 2021, which makes the study innovative and reflects the trends of modern linguistic science. As a result of the study, it was revealed that the coronavirus pandemic had an impact on the German language; in most cases, the recipient language began to actively combine English-language components of words with native German words, thereby forming new hybrid lexical formations. The further perspective of the research lies in the field of comparing the impact of the coronavirus pandemic on the lexical composition of the German and Russian languages and determining the role of English-language borrowings in the vocabulary of both German and Russian languages.

Keywords: vocabulary, neologism, anglicism, online-magazine, coronavirus, English, German, borrowing, pandemic, media

References (transliterated)

1. Garipova G. R., Izimarieva Z. N., Shpar T. V. Lingvisticheskie osobennosti sotsial'noi reklamy v angliiskom i nemetskom yazykakh v period pandemii // Prepodavatel' KhKhI veka. 2021. № 3-2. [Elektronnyi resurs]. DOI: 10.31862/2073-9613-2021-3-407-416 (data obrashcheniya: 04.01.2024).
2. Owid.de – Wörterbuch für der neuen Wortschatz rund um die Coronapandemie [Elektronnyi resurs]. URL: <https://www.owid.de/docs/neo/listen/corona.jsp#> (data obrashcheniya 20.01.2024).
3. DWDS-Themenglossar zur COVID-19-Pandemie. 2022. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://www.dwds.de/themenglossar/Corona> (data obrashcheniya 20.01.2024).
4. Internal and External Causes of Language Change. The Naxos Papers/ Nikolaos

- Lavidas, Alexander Bergs, Elly van Gelderen, Ioanna Sitaridou et.al, Palgrave Macmillan, 2023. [Elektronnyi resurs]. DOI: 10.1007/978-3-031-30976-2 (data obrashcheniya: 04.01.2024).
5. Vlasova V. V. Klassifikatsionnoe opisanie angloyazychnykh zaimstvovanii v nemetskikh onlain-izdaniyakh // Yazykovaya lichnost' i effektivnaya kommunikatsiya v sovremenном polikul'turnom mire: materialy VI Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi 100-letiyu Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta, Minsk, 29–30 oktyabrya 2020 g. / Belorusskii gosudarstvennyi universitet; redkollegiya: S. V. Vorob'eva (gl. red.) [i dr.]. – Minsk: BGU, 2020. – 274 s.
 6. Vlasova V. V. Problema klassifikatsii angliiskikh zaimstvovanii v sovremennom nemetskom yazyke // Aktual'nye problemy lingvistiki, perevodovedeniya, yazykovoi kommunikatsii i lingvodidaktiki. Sbornik materialov XX Vserosiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, SibGU im. M. F. Reshetneva. Krasnoyarsk, 2020. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46293767> (data obrashcheniya: 20.01.2024 g.)
 7. Doinikova M. I. Osnovnye tendentsii v izmenenii obshchego slovarya nemetskogo yazyka // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki, 2022. №2. [Elektronnyi resurs]. DOI:10.30853/phil20220053 (data obrashcheniya: 20.01.2024 g.)
 8. Nefedova L. A. Aktivnye protsessy v leksike nemetskogo yazyka 2020-2021 gg. // Crede Experto: transport, obshchestvo, obrazovanie, yazyk. 2021. №3. [Elektronnyi resurs]. DOI: 10.51955/2312-1327_2021_3_151 (data obrashcheniya: 20.01.2024 g.)
 9. Elsen H. Neologismen. Ein Studienbuch. Tübingen, 2022.
 10. Elsen H. Neologismen im Gegenwartsdeutschen-Probleme in Theorie und Praxis // Lublin Studies in Modern Languages and Literature. 2021. Vol. 45 (1).
 11. Klosa-Kückelhaus A. Neue Wörter in der Coronakrise – Von Social Distancing und Gabenzaun [Elektronnyi resurs]. URL: https://www.ids-mannheim.de/fileadmin/aktuell/Coronakrise/Klosa_web.pdf (data obrashcheniya: 25.02.2024 g.)
 12. Zifonun G. Anlizismen in der Coronakrise [Elektronnyi resurs]. URL: https://www.ids-mannheim.de/fileadmin/aktuell/Coronakrise/zifonun_anglizismen.pdf (data obrashcheniya: 25.01.2024 g.)
 13. Klosa-Kückelhaus A. Shutdown, Lockdown und Exit [Elektronnyi resurs]. URL: https://www.ids-mannheim.de/fileadmin/aktuell/Coronakrise/Klosa_shutdown_neu.pdf (data obrashcheniya: 25.01.2024 g.)
 14. Möhrs C. Ein Wortnetz entspinnnt sich um «Corona» [Elektronnyi resurs]. URL: https://www.ids-mannheim.de/fileadmin/aktuell/Coronakrise/IDS_Sprache_Coronakrise_Moehrs_Wortnetz_Corona.pdf (data obrashcheniya: 25.01.2024 g.)
 15. Wolfer S., Koplenig, A., Michaelis, F., Müller-Spitzer, C. cOWIDplus Analyse: Wie sehr schränkt die Corona-Krise das Vokabular deutschsprachiger Online-Presse ein? [Elektronnyi resurs]. URL: https://www.ids-mannheim.de/fileadmin/aktuell/Coronakrise/mueller-spitzer_2.pdf (data obrashcheniya: 25.01.2024 g.)
 16. Voskresenskaya N. A., Gulik O. O., Malysheva T. S. Semanticeskaya tipologiya leksiki pandemii: kovid-neologizmy angliiskom, frantsuzskom i nemetskom yazykakh // Nauchnyi dialog. 2022. T.11. №3. [Elektronnyi resurs]. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-3-48-61 (data obrashcheniya: 25.01.2024 g.)
 17. Ivanchenko T. A. Angloyazychnoe vliyanie na protsess vozniknoveniya novykh slov v

- sovremennom nemetskom yazyke (na materiale slovarei neologizmov, svyazannykh s tematikoi pandemii koronavirusa) // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2022. №6. [Elektronnyi resurs]. DOI: 10.30853/phil20220316 (data obrashcheniya: 09.01.2024).
18. Todosienko Z. V., Bryleva R. F., Mingazetdinova R. F. Integratsiya angloyazychnykh zaimstvovanii i neologizmov v raznostrukturnye yazyki (na materiale leksicheskikh edinits koronavirusnoi epokhi) // Filologiya: nauchnye issledovaniya. 2023. №1. [Elektronnyi resurs]. DOI: 10.7256/2454-0749.2023.1.39704 (data obrashcheniya: 09.01.2024).
19. Katermina V. V., Lipiridi S. Kh. Lingvokul'turnyi aspekt novoi leksiki pandemii koronavirusa // Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoi lingvistiki. 2021. №2. [Elektronnyi resurs]. DOI: 10.29025/2079-6021-2021-2-49-59 (data obrashcheniya: 09.01.2024).
20. Thorne T. #CORONASPEAK – the language of Covid-19 goes viral. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://lan-guage-and-innovation.com/2020/04/15/coronaspeak-part-2-the-language-of-covid-19-goes-viral> (data obrashcheniya 20.01.2024).
21. Khaugen, E. Protsess zaimstvovaniya // Novoe v lingvistike. Vypusk 4. Yazykovye kontakty. 1972. 400 s.
22. Moskvitin E. V. Nemetskie neologizmy v period pandemii koronavirusa SARS-COV-2 // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2021. №9. [Elektronnyi resurs]. DOI: 10.30853/phil210464 (data obrashcheniya: 09.01.2024).
23. Döbber Ch. Triage in Corona-Hotspot? // Focus. 16.12.2020. [Elektronnyi resurs]. URL: https://www.focus.de/politik/deutschland/lals-hotspot-landrat-ueber-triage-in-seinen-kliniken-spricht-kommen-ihm-die traenen_id_12781573.html (data obrashcheniya: 14.01.2024).
24. Corona-News am Mittwoch// Spiegel 28.10.2020. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://www.spiegel.de/wissenschaft/coronavirus-news-am-mittwoch-emmanuel-macron-kuendigt-fernsehansprache-an-a-aad44705-84d1-4e34-942e-3818167de55b> (data obrashcheniya: 14.01.2024).
25. Fast jede Neuinfektion im Super-Hotspot Flensburg geht auf Mutante B.1.1.7 zurück // Focus 20.02.2021. [Elektronnyi resurs]. URL: https://www.focus.de/gesundheit/news/grenzen-dicht-ausgangssperre-kontaktverbot-fast-jede-neuinfektion-im-super-hotspot-flensburg-geht-auf-mutante-b-1-1-7-zurueck_id_13003016.html (data obrashcheniya: 14.01.2024).
26. Kleiß M. Es gibt keine Ausreden mehr! Im Homeoffice kann jeder mit dem Laufen beginnen // Focus 01.10.2020. [Elektronnyi resurs]. URL: https://www.focus.de/gesundheit/so-laeuft-es/nutzen-sie-ihre-chance-im-homeoffice-hat-jeder-gelegenheit-mit-dem-lauen-zu beginnen_id_12494538.html (data obrashcheniya: 14.01.2024)
27. Redkozubova E. A. Covid-leksika: etimologicheskii i slovoobrazovatel'nyi aspekty (na materiale russkogo, angliiskogo i nemetskogo yazykov) // Gumanitarnye i sotsial'nye nauki. 2020. №4. [Elektronnyi resurs]. DOI: 10.18522/2070-1403-2020-81-4-193-200 (data obrashcheniya: 09.01.2024).

Types of use of peripheral forms of the creative case in the aspect of adverbialization (the substantive word form "in a whisper")

Doctor of Philology

Professor, Department of Russian Language, National Research Ogarev Mordovia State University

430010, Russia, Republic of Mordovia, Saransk, Serova str., 3, sq. 12

✉ shigurov@mail.ru

Shigurova Tat'yana Alekseevna

Doctor of Cultural Studies

Professor; Department of Culturology, Library and Information Resources; National Research Ogarev Mordovia State University

430010, Russia, Republic of Mordovia, Saransk, Serova str., 3, sq. 12

✉ shigurova_tatyana@mail.ru

Pulov Evgenii Vladimirovich

PhD in Philology

Associate Professor, Department of Russian as a Foreign Language, National Research Ogarev Mordovia State University

430021, Russia, Republic of Mordovia, Saransk, Volgogradskogo str., 33, sq. 74

✉ puool@yandex.com

Abstract. The stepwise nature of adverbial transposition of nouns without prepositions is investigated. The object of study is the forms of the creative case of nouns without prepositions, representing the first stage of transposition into adverbs, the subject of consideration is combinatorics and the proportion of substantive and adverbial features in the structure of word forms of the "whisper" type, functioning in the zone of the periphery of the noun class. The relevance of the research is due to the need to develop such a field of scientific research as the transpositional grammar of the Russian language, as well as to identify patterns of functioning of linguistic units in transitional zones between parts of speech and interparticle semantic and syntactic categories. The purpose of the article is a comprehensive analysis of substantive word forms that demonstrate different degrees of manifestation of signs interacting with the functional adverbialization of nouns and adverbs on two stages of the noun zone. Within the framework of the proposed approach to syncretic formations, methods of oppositional analysis (with an adverbial scale), elements of component, distributive analysis, and linguistic experiment are used. The novelty of the study consists in the description of a formalized methodology for establishing the stages of adverbialization of substantive word forms, demonstrating a different degree of departure from nouns and approximation to adverbs. It is established that the substantive word form "whisper", for example, is characterized by a multi-stage transposition into an adverbial class. In the zone of the periphery of nouns, she makes the first, actually syntactic step towards adverbs. It is associated with its use first in the syncretic function of complement and circumstance, and then only in the function of circumstance. The presence of dependent words in the form of adjectival and subsubstantial distributors, as well as the function of object complement, restrain the further advancement of the word form "in a whisper" towards the class of adverbs. The loss of object meaning in the word form under consideration is associated with a shift at the level of verbal subordination: weak control as a way of connecting the word form "in a whisper" with the main word is replaced by case adjunction. Object-circumstantial relations are transformed into circumstantial ones. But the main categorical features of nouns in the zone of the periphery of this class of words are preserved. The theoretical significance of the work lies in the fact that it contains an understanding of transitional phenomena in the field of parts of speech in a systemic linguistic aspect. The

practical significance of the research is determined by the possibility of applying its results in teaching linguistic disciplines – Russian, general linguistics, theoretical grammar.

Keywords: adverb, type of use, periphery, noun, part of speech, adverbialization, grammar, Russian language, transitivity scale, stage

References (transliterated)

1. Balli Sh. Obshchaya lingvistika i voprosy frantsuzskogo yazyka. M.: Izd-vo inostrannoi literatury, 1955. 416 s.
2. Ten'er L. Osnovy strukturnogo sintaksisa. M.: Progress, 1988. 656 s.
3. Kurilovich E. Derivatsiya leksicheskaya i derivatsiya sintaksicheskaya // Kurilovich E. Ocherki po lingvistike. M., 1962. S. 57–71.
4. Mel'chuk I. Russkii yazyk v modeli «Smysl – Tekst». Moskva – Vena: Shkola «Yazyki russkoi kul'tury», Venskii slavisticheskii al'manakh, 1995. 682 s.
5. Uryson E.V. Sintaksicheskaya derivatsiya i «naivnaya» kartina mira // Voprosy yazykoznaniya. 1996. № 4. S. 25–38.
6. Gak V.G. Yazykovye preobrazovaniya. M. : Yazyki russkoi kul'tury, 1998. 768 s.
7. Kubryakova E.S. Yazyk i znanie: Na puti polucheniya znanii o yazyke: Chasti rechi s kognitivnoi tochki zreniya. Rol' yazyka v poznaniii mira / Ros. akademiya nauk. In-t yazykoznaniya. M. : Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2004. 560 s.
8. Marchand H. Expansion, transposition and derivation // La Linguistique. 1967. T. 3. № 1. Pp. 13–26.
9. Eihinger Ludwig M. Syntaktische Transposition und semantische Derivation: die Adjektive auf-isch im heutigen Deutsch. Tu"bingen. 1982. 241 p.
10. Stekauer P. A theory of conversion in English. Frankfurt am Main: Peter Lang, 1996. 155 p.
11. Shigurov V.V., Shigurova T.A. Theoretical Basics of the Transpositional Grammar of Russian language // International Journal of Applied Linguistics and English Literature. 2016. Vol. 5. No. 5. Pp. 237–245.
12. Vinogradov V.V. Russkii yazyk: Grammatisches uchenie o slove. M.: Vyssh. shk., 1986. 640 s.
13. Tikhomirova T.S. Protsess adverbializatsii tvoritel'nogo padezha (na materiale pol'skogo yazyka) // Tvoritel'nyi padezh v slavyanskikh yazykakh. M.: Izd-vo AN SSSR, 1958. S. 313–350.
14. Evtyukhin V.B. Narechie // Morfologiya sovremennoj russkogo yazyka: Uchebnik dlya vysshikh uchebnykh zavedenii Rossiiskoi Federatsii / S.I. Bogdanov, V.B. Evtyukhin, Yu.P. Knyazev i dr. Sankt-Peterburg : Fakultet filologii i iskusstv SPbGU, 2013. S. 499–538.
15. Vikhovanets' I.R. Chastini movi v semantiko-grammatichnomu aspekti. Kiiv: Naukova dumka, 1988. 256 s.
16. Babaitseva V.V. Yavleniya perekhodnosti v grammatike russkogo yazyka. M.: Drofa, 2000. 640 s.
17. Vysotskaya I.V. Sinkretizm v sisteme chastei rechi sovremennoj russkogo yazyka. M.: MPGU, 2006. 304 s.
18. Vorotnikov Yu.L. Slovo i vremya. M.: Nauka, 2003. 168 s.
19. Paducheva E.V. Egotsentricheskie edinitsy yazyka. 2-e izd. M.: Izdatel'skii Dom YaSK,

2019. 440 s.

20. Shigurov V.V. Dva vektora razvitiya russkogo prichastiya v kontekste predikativatsii i / ili ad"ektivatsii: semantika i grammatika // Nauchnoe obozrenie: gumanitarnye issledovaniya. 2012. № 3. S. 152–158.
21. Shigurov V.V. Funktsional'naya transpozitsiya prostranstvennykh narechii v imperativno-emotivnye mezhdometiya (na materiale obrazovanii *von, proch', doloj*) // Filologicheskie nauki. 2006. № 3. S. 51–62.
22. Shigurov V.V., Shigurova T.A. O modalyatsii glagol'nykh infinitivov v russkom yazyke // Mezhdunarodnyi zhurnal prikladnykh i fundamental'nykh issledovanii. 2014. № 8-3. S. 161–165.
23. Shigurov V.V., Shigurova T.A. Core Modalates Zone Correlative with Short Adjectives and Predicates in the Russian Language // Man in India, 2017, T. 97. № 25. S. 177–191.
24. Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka / Ros. akad. nauk, In-t lingvisticheskikh issledovanii [avt. i ruk. proekta, gl. red. S.A. Kuznetsov]. Sankt-Peterburg: Norint, 2007. 959 s.
25. Pankov F.I. Polifunktional'nost' leksicheskikh edinits v ustnoi rechi (na materiale slova «eshche») // Dinamika yazykovykh i kul'turnykh protsessov v sovremennoi Rossii. 2016. № 5. S. 434–439.
26. Nikitin V.M. Razryady obstoyatel'stv v sovremenном russkom yazyke. Ryazan'. 1973. 119 s.
27. Chikina L.K. Prislovnye i predlozhchencheskie svyazi v russkom sintaksise / L.K. Chikina, V.V. Shigurov. M.: Flinta: Nauka, 2009. 192 s.
28. Shigurov V.V. Tipologiya upotrebleniya atributivnykh form russkogo glagola v usloviyakh otritsaniya deistviya. Nauchn. red. L.L. Bulanin. Saransk: Izd-vo Mordov. un-ta, 1993. 385 s.

Evaluative representation of China's political image in modern Russian Media

Fomina Iuliia

PhD in Philology

Associate Professor, Department of Foreign Languages and Russian Philology, Nizhny Tagil Socio-Pedagogical Institute, Branch of the Russian State Vocational Pedagogical University

622031, Russia, Sverdlovsk region, Nizhny Tagil, Krasnogvardeyskaya str., 57

 ufomina@yandex.ru

Abstract. The object of the study is the evaluative characteristics of the image of China presented in modern Russian media. The subject of the study is the content and language features of the estimated representation of the political image of China as one of the leading geopolitical forces in the world. The material of the work was published by Russian Internet media (2020-2023). The author examines in detail the features of the evaluation of the image of the head of state, Xi Jinping, as well as the implementation of China's domestic and foreign policy. The positive and negative evaluative characteristics of China's political image are revealed. Particular attention is paid to the formation of private values. The linguistic means of expressing evaluation used in the texts of modern Russian mass media are characterized. The conducted research allows us to conclude that a generally positive political image of China is being formed in modern Russian Internet media (81% of positive ratings). On the positive

side, the personal qualities of the head of state, which are manifested in the implementation of his political activities, are evaluated. The economic situation in the country, the nature of foreign policy towards the United States, and participation in resolving the conflict between Russia and Ukraine are also generally positively assessed. A negative assessment is present only when describing the aggressive strategies in Xi Jinping's policy. In most cases, a positive absolute assessment of China's policy is designed to form the image of a stable state and a strong "player" in the political arena. The novelty of the conducted research lies in the appeal to the study of the information field relevant to the Russian public in connection with the high dynamics of the development of international Russian-Chinese relations. The peculiarities of the evaluative representation of the image of the state and the policy implemented by it in the media allow us to draw conclusions about the mechanisms of formation of evaluative meanings and impact on the mass audience in the modern information space.

Keywords: journalistic text, text, private assessment, general assessment, evaluative semantics, language assessment, axiology, evaluation, Internet media, vocabulary

References (transliterated)

1. Volodina M. N. Yazyk SMI – osnovnoe sredstvo vozdeistviya na massovoe soznanie // Yazyk SMI kak ob"ekt mezhdisciplinarnogo issledovaniya / Pod red. M. N. Volodinoi. M.: MGU. 2003. S. 9–31.
2. Dobrosklonskaya T. G. Medialingvistika: sistemnyi podkhod k izucheniyu yazyka SMI: sovremennaya angliiskaya mediarech'. M.: Flinta. 2008.
3. Kormilitsyna M. A. Tendentsii izmenenii v stilisticheskem oblike traditsionnykh zhurnalistskikh zhanrov v sovremennoi presse // Zhanry rechi. 2018. № 1 (17). S. 67–72.
4. Sidorov V. A., Il'chenko S. S., Nigmatullina K. R. Aksiologiya zhurnalistikii: opyt stanovleniya novoi distsipliny. SPb.: Roza mira, 2009.
5. Guseva A. E., Prokof'eva O. V. Yazykovye sredstva reprezentatsii obraza Rossii i Germanii v rossiiskikh i nemetskikh SMI // Aktual'nye voprosy sovremennoi lingvistiki. Materialy IX Regional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii (s mezdunarodnym uchastiem) / Otv. red. M. N. Levchenko. M.: Moskovskii gosudarstvennyi oblastnoi universitet, 2022. S. 86–90.
6. Duskaeva L. Tipy izlozheniya v zhurnalistskikh rechevykh zhanrakh // Stilistika: yazyk, rech' i tekst. Minsk: Obrazovanie i vospitanie. 2017. S. 361–368.
7. Erofeeva I. V. Mediatekst kak nositel' natsional'nykh tsennostei // Mediatekst: strategii – funktsii – stil': kollektivnaya monografiya / Red. L. I. Grishaeva, A. G. Pastukhov, T. V. Chernyshova. Orel: Orlovskii gosudarstvennyi institut iskusstv i kul'tury, poligraficheskaya firma «Gorizont», 2010. S. 101–109.
8. Sokolova O. V. Tipologiya diskursov aktivnogo vozdeistviya: poeticheskii avangard, reklama i PR. M.: Gnozis, 2014.
9. Afonasova V. N. Lingvisticheskie sredstva vyrazheniya ideologicheskoi otsenki i ikh peredacha v perevode // Voenno-pravovye i gumanitarnye nauki Sibiri. 2021. № 4. S. 122–130.
10. Buyanova Yu. V. Vliyanie konteksta na realizatsiyu konnotativnogo znacheniya komparativnykh frazeologicheskikh edinits (na materiale frantsuzskogo yazyka) // Al'manakh mirovoi nauki. 2021. № 10 (53). S. 7–10.
11. Lankina Yu. S. Pragmatika translyatsii otsenki v mediatekstakh SMI // Inostrannye yazyki i sovremennye tendentsii v inoyazychnom obrazovanii. Materialy VII

- Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, priurochennoi k Godu pedagoga i nastavnika. 21 aprelya 2023 g. / Otv. red. S. Yu. Kapkova. Voronezh: Voronezhskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet, 2023. S. 41–43.
12. Radbil' T. B. «Psevdotsennosti» v sovremenном otechestvennom mediinom diskurse: opyt logicheskogo analiza implitsitnoi otsenochnosti v yazyke pechatnykh SMI // Medialingvistika. 2021. № 8 (4). S. 406–420.
 13. Teliya V. N. Konnotativnyi aspekt semantiki nominativnykh edinits. M.: Nauka, 1986. 143 s.
 14. Efremova T. F. Novyi slovar' russkogo yazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyi. M.: Russkii yazyk, 2000.
 15. Wright G. H. von. The Varieties of Goodness. New York, London, 1963.
 16. Arutyunova N. D. Tipy yazykovykh znachenii: Otsenka. Sobytie. Fakt. M.: Nauka, 1988.
 17. Vol'f E. M. Funktsional'naya semantika otsenki. M.: Kom Kniga, 2006.
 18. Fedorov A. I. Frazeologicheskii slovar' russkogo yazyka. M.: Astrel', 2008.
 19. Ozhegov S. I. Tolkovyi slovar' russkogo yazyka. M.: Mir i obrazovanie, 2015.
 20. Sandakova M. V. Otsenochnye intensifikatory v sovremenном russkom yazyke: semanticheskii i pragmaticheskii aspekt // Problemy lingvisticheskoi pragmatiki: Doklady mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Kaluga, 10–12 sentyabrya 2021 g. / Pod. red. A. N. Eremina i dr. Kaluga: FGBOU VO «Kaluzhskii gosudarstvennyi universitet im. K. E. Tsiolkovskogo», 2021. S. 208–211.

Properties of the conjunction "though... although ..." and the structure he organizes in the structure of syntactic units of the modern Russian language

Li Lyanmei □

Postgraduate student, Higher School of Russian Philology, Pacific National University
680035, Russia, Khabarovsk Territory, Khabarovsk, ul. Pacific, 148, sq. 509

✉ 154965726@qq.com

Abstract. The object of the article is the disjunctive conjunction “though... although...”, and the subject is the property “though... although...” in the system of syntactic units: phrases, simple and complex sentences. In addition, the textual features of this union are considered. Particular attention is paid to the qualification of the coordinating series with the conjunction “though... although...” in terms of its relevance/non-relatedness to the phrase.

In a simple sentence, the place of a series with the conjunction “though... although...” in the system of minor parts of the sentence, as part of participial phrases, as well as when expressing additional predicate is explored.

When turning to a complex sentence, the reasons for the limited functioning of “though... although...” in a given syntactic unit are clarified.

In relation to the text, the textual possibilities of “though... although...” are considered as a secondary textual anchor. The research is based on the methodology of the Far Eastern syntactic school. It consists in a multidimensional description of a particular function word at the morphological-syntactic, actual syntactic and communicative-pragmatic levels. As a result, connections between the function word and both the near and far syntactic environment are established. The data obtained are used for its extended lexicographic portraiture. The main conclusions of the study are the following.

A coordinating sequence with the conjunction “though... although” is not a phrase, and the

word form with which it is connected by subordinating relations should be qualified as a general member of its syntactic structure.

A row with the conjunction "though... although..." can occupy the positions of various members of a sentence, function as part of participial phrases, and also participate in the organization of additional predicativity.

The connection of the coordinating series-subject with the common member-predicate can be coordinated or uncoordinated. The speaker's solution to the problem is to "agree on meaning." The facts of complex sentences with the conjunction "though... although" have not been recorded.

In the case of parcellation, a series with the conjunction "though... although..." becomes the organizing center of a communicative-pragmatic situation, presented in the form of a complex syntactic whole.

The author's special contribution to the study of the topic is the establishment of a correlation between the syntactic properties of the construction with the conjunction "though... although..." and its categorical features.

The novelty of the study lies in the inclusion of the conjunction "though... although..." into the system of a current modern trend - an integral description of linguistic units.

Keywords: separation bond, composition, syntax row, syntactic relations, syntactic connection, constructive properties, construction, conjunction, syntax, semantics

References (transliterated)

1. Apresyan Yu. D. Osnovnye printsipy i ponyatiya sistemnoi leksikografii // Yazykovaya kartina mira i sistemnaya leksikografiya. Moskva: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2006. S. 33-74.
2. Babaitseva V. V. Podchinitel'nye i sochinitel'nye slovosochetaniya // Babaitseva V. V. Izbrannoe. 2005-2010. Moskva; Stavropol': SGPU, 2010. S. 168-180.
3. Beloshapkova V. A. Slovosochetanie // Sovremennyi russkii yazyk / V. A. Beloshapkova, E. A. Bryzgunova, E. A. Zemskaya i dr. / Pod red. V. A. Beloshapkovo. Moskva: Vysshaya shkola. 1989. S. 588-602.
4. Zav'yalov V. N. Soyuz «TO...TO...» kak ob"ekt leksikograficheskogo portretirovaniya: monografiya. Khabarovsk: TOGU, 2018. 128 s.
5. Zav'yalov V. N., Li Lyan'mei. Morfologo-sintaksicheskie svoistva soyuza KhOT"..., KhOT"... i ego semantika // Nauchnyi dialog. 2022. T. 11. № 4. S. 29-45. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-4-29-45.
6. Leksikograficheskie portrety sluzhebnykh slov: monografiya / E. A. Starodumova, E. S. Sheremet'eva, V. N. Zav'yalov i dr. Vladivostok: DVFU, 2022. 322 s.
7. Lisochenko L. V. Izuchenie sochinitel'noi i podchinitel'noi svyazei slov v pedagogicheskem vuze: ucheb. posobie. Taganrog: TGPI, 1996. 188 s.
8. Natsional'nyi korpus russkogo yazyka [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.ruscorpora.ru> (data obrashcheniya: 25.12.2023).
9. Nikolaeva T. M., Fuzheron I. I. Nekotorye nablyudeniya nad semantikoi i statusom slozhnykh predlozenii s ustupitel'nymi // Verbal'nye i neverbal'nye opory prostranstva mezhfrazovykh svyazei. Moskva: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2004. S. 99-133.
10. Pekelis O. E. «Chastichnoe soglasovanie» v konstruktsii s povtoryayushchimsya soyuzom: korpusnoe issledovanie osnovnykh zakonomernosteii // Voprosy yazykoznaniya. 2013. № 4. S. 55-86.
11. Peshkovskii A. M. Russkii sintaksis v nauchnom osveshchenii. 8-e izd. Moskva: Yazyki

- slavyanskoi kul'tury, 2001. 544 s.
12. Priyatkina A. F. Russkii yazyk: Sintaksis oslozhnennogo predlozheniya: ucheb. posobie dlya filol. spets. vuzov. Moskva: Vysshaya shkola, 2019. 176 s.
 13. Russkaya grammatika / Pod red. N. Yu. Shvedovoi. V 2-kh t. Moskva: Nauka, 1980. T. 2. 710 s.
 14. Sannikov V. Z. Russkii sintaksis v semantiko-pragmatischeskom aspekte. Moskva: Yazyki russkoi kul'tury, 2008. 640 s.
 15. Sigal K. Ya. Teoriya slovosochetaniya i rechevaya deyatel'nost'. IYa RAN. Moskva; Yaroslavl': Kantsler, 2020. 418 s.
 16. Sigal K. Ya. Aksiologiya v sintaksicheskikh strukturakh // Obshchaya i russkaya lingvoaksiologiya / M. S. Milovanova (otv. red.), K. Ya. Sigal, V. I. Karasik i dr. IYa RAN; IRYa im. A. S. Pushkina. Moskva. Yaroslavl': Kantsler, 2022. S. 91-148.
 17. Sluzhebnye slova v leksikograficheskem aspekte: monografiya / E. A. Starodumova, V. N. Zav'yalov, E. S. Sheremet'eva. Vladivostok: DVFU, 2017. 377 s.
 18. Starodumova E. A. Sintaksis sovremennoj russkoj yazyka: ucheb. Posobie. Moskva: FLINTA, 2023. 260 s.
 19. Tyurin P. M. Tekstovye skrepy «TAKIM OBRAZOM» i «ITAK» v sovremennom russkom yazyke: osobennosti funktsionirovaniya i semantiki: monografiya. Vladivostok: DVFU, 2016. 202 s.
 20. Sheremet'eva E. S. Opisanie sluzhebnykh slov v kontseptsii Dal'nevostochnoi sintaksicheskoi shkoly i grammatika konstruktsii // Vestnik Aziatsko-Tikhookeanskoi assotsiatsii prepodavatelei russkogo yazyka i literatury. 2014. № 4. S. 19-21.

Linguistic means of expressing communicative strategies in non-cooperative discourse (based on the material of English-language talk shows)

Lobanova Tatiana Nikolaevna □

Doctor of Philology

Professor, State University of Education

141031, Russia, Moscow region, Mytishchi, Malaya Borodinskaya str., 1, sq. 1

✉ lobanovaty@mail.ru

Abstract. Every year there is a rapid development of the media sphere, including its visual and discursive component, which contributes to the development of the "digital language" and the "language of television", the parallel development of YouTube journalism as a media phenomenon, which are evolving along with all the ongoing processes. Any language is susceptible to this, especially English, which is the most widespread and popular in the world. The study of linguistic issues of the language of television shows, the language of talk shows in line with the anthropological paradigm of modern linguistics in its broadest sense (issues of the functioning of language in various types of discourse, journalism and PR, media linguistics and political linguistics) and its central concepts such as the manipulative influence of language, linguistic personality, pragmalinguistics of language and text as part of it are an integral part of both the theory of language and the linguodidactic component of foreign language teaching (English as a foreign language).

Taking into account the current conflicting political situation in the world, aggravated political and armed conflicts, the study of non-cooperative discourse in the media of English-language talk shows is certainly of scientific novelty. The main content of the research is concentrated

around the analysis of the concepts of "non-cooperative discourse", "PR-discourse" from a linguistic point of view. Media linguistic analysis, discourse analysis, the method of multimodal text analysis, etc. are used as research methods.

Results suggest that the concept of non-cooperative discourse is revealed (based on the material of English-language talk shows). Even so, the present study concludes that the approach is worthwhile and promising for further research.

Keywords: digital language, political linguistics, Internet communications, talk show, television discourse, discursive practices, the method of multimodal text analysis, journalism and PR, discourse analysis, non-cooperative discourse

References (transliterated)

1. Baranov A. N. Lingvisticheskaya ekspertiza teksta: teoreticheskie osnovaniya i praktika. M.: Flinta: Nauka, 2011. 592 s.
2. Dobroslonskaya T. G. Medialingvistika: sistemnyi podkhod k izucheniyu yazyka SMI. M.: URSS, 2008. 264 s.
3. Lobanova T.N., Sivova D.A. Lingvisticheskii aspekt informatsionnykh voin v mass-mediinom diskurse // Litera. 2023. № 5. S. 143-152. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.5.37866 EDN: UIWNTA URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=37866
4. Lobanova T.N. Vneshnepoliticheskaya problematika v kitaiskom politicheskem mediadiskurse: lingvisticheskii analiz (na primere analiza vypuskov kanala "CCTV中国国際") // Litera. 2019. № 2. S. 236-250. DOI: 10.25136/2409-8698.2019.2.29074 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=29074
5. Manovich L. Yazyk novykh media. M.: AD MARGINEM PRESS, 2019. 400 s.
6. Matveeva G. G. Osnovy pragmalingvistiki: uchebnik. Moskva: INFRA-M, 2022. 205 s.
7. Metody analiza teksta i diskursa / S. Ticher [i dr.]; per. s nem. Khar'kov: Izd-vo «Gumanitarnyi tsentr», 2017. 336 s.
8. Sokolova O. V. Tipologiya diskursov aktivnogo vozdeistviya: poeticheskii avangard, reklama i PR. M.: Gnozis, 2014. – 304 s.
9. Khramchenko D. S., Khlopotunov Ya. Yu. Funktsional'no-lingvisticheskie osobennosti takticheskoi realizatsii konfliktnykh kommunikativnykh strategii amerikanskogo predvybornogo politicheskogo diskursa // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2017. № 1 (67): v 2 ch. Ch. 2. C. 188–191.
10. Paltridge B. Discourse Analysis. London, New Delhi, New York: Bloomsbury Academic, 2012. 282 p.
11. An Introduction to Applied Linguistics. Edited by Norbert Schmitt and Michael P.H. Rodgers. Third edition. NY: Routledge, 2020. 405 p.

Russian translations of Stefan Mallarmé's poem "Apparition"

Li Polina Viktorovna

Assistant, Department of Intercultural Communication and Translation, Vladivostok State University

690014, Russia, Primorsky Krai, Vladivostok, Gogol str., 41, office 5517

✉ shmatokpolina@gmail.com

Abstract. The subject of this article is the analysis of the translation reception S. Mallarmé's poem "Apparition" (1863). Based on Mallarmé's theory of poetry and symbol, the author examines the role of metaphorical transference in the creation of symbols. The research objectives include a comparative analysis of the translations of Bryusov and Talov. The main attention is paid to the analysis of translation strategies, the adequacy of the transmission of meaning and the emotional coloring of the original, which will allow to conclude about such an approach to the translation of Mallarmé's works, which helps to most fully recreate the author's intention. In the course of the study, a biographical method was used to establish a connection between the biography of the poet and the features of the literary work created by him. Linguistic analysis allowed to analyze the linguistic and artistic features of the original and translations of the work. Comparative method allowed us to draw a conclusion about the techniques necessary for the translator to recreate the poetics of the original. The scientific novelty of the study consists in the insufficient study of the problem. In addition, the poem "Apparition" had not previously become the object of close attention of Russian researchers, despite the high aesthetic qualities of the work and the existing translation multiplicity. As a result of the research, the peculiarities of perception and transmission of metaphorical images of light in the translations of V. Bryusov and M. Talov into Russian were revealed. The main conclusion of the study of the translation reception of Mallarmé's lyrics by Russian poets will be that when translating, it is necessary not only to recreate the poetic plot, but most of all to strive to convey the mood and impressions created in the original text.

Keywords: poetry, translation, light, symbolism, symbol, metaphor, translation reception, Talov, Brusov, Mallarmé

References (transliterated)

1. Bryusov V.Ya., Dnevniki. (1891–1910). Zapis proshlogo. Vospominaniya i pis'ma. Pod red. S. V. Bakhrushina i M. A. Tsyavlovskogo M., 1927. S. 12.
2. Mendès, S. La Légende du Parnasse contemporain. Bruxelles: 1884. URL: [https://fr.wikisource.org/wiki/La_L%C3%A9gende_du_Parnasse_contemporain_\(Catulle_Mend%C3%A8s,_1884\)/Texte_entier](https://fr.wikisource.org/wiki/La_L%C3%A9gende_du_Parnasse_contemporain_(Catulle_Mend%C3%A8s,_1884)/Texte_entier) (data obrashcheniya 15.01.2024).
3. Mallarmé S. Hérésies artistiques / L'Artiste (Revue), 15 septembre 1862 (T2, p. 127) (pp. 127-128) [https://fr.wikisource.org/wiki/H%C3%A9r%C3%A8ses_artistiques](https://fr.wikisource.org/wiki/H%C3%A9r%C3%A8ses_artistiques_(data_obra什cheniya:_18.01.2024)) (data obrashcheniya: 18.01.2024).
4. Mendès, S. La Légende du Parnasse contemporain. Bruxelles: 1884. URL: [https://fr.wikisource.org/wiki/La_L%C3%A9gende_du_Parnasse_contemporain_\(Catulle_Mend%C3%A8s,_1884\)/Texte_entier](https://fr.wikisource.org/wiki/La_L%C3%A9gende_du_Parnasse_contemporain_(Catulle_Mend%C3%A8s,_1884)/Texte_entier) (data obrashcheniya 15.01.2024).
5. Veselovskii A. N. Iz vvedeniya v istoricheskuyu poetiku / Istoricheskaya poetika. Moskva: Vysshaya shkola, 1989. S. 58.
6. Baudelaire Ch. L'Art philosophique / L'Art romantique, Calmann Lévy, 1885, Œuvres complètes de Charles Baudelaire, tome III (p. 127-137). URL: https://fr.wikisource.org/wiki/L%27Art_philosophique/L%27Art_romantique (data obrashcheniya: 18.01.2024).
7. Mallarme S. Sochineniya v stikhakh i proze: Sbornik / Sost. R. Dubrovkin. M.: A./O Izdatel'stvo «Raduga», 1995. S. 380.
8. Po E. A. Filosofiya tvorchestva / Perevod V.V. Rogova // Estetika amerikanskogo romantizma. M., 1977. URL: http://www.lib.ru/INOFANT/POE/poe1_3.txt (data obrashcheniya: 18.01.2024).
9. Po E. A. Filosofiya tvorchestva / Perevod V.V. Rogova // Estetika amerikanskogo

- romantizma. M., 1977. URL: http://www.lib.ru/INOFANT/POE/poe1_3.txt (data obrashcheniya: 18.01.2024).
10. Kovalev Yu. V. Edgar Po / Istorya vsemirnoi literatury. T. 6. M., 1989. URL: <http://www.philology.ru/literature3/kovalev-89a.htm> (data obrashcheniya 18.01.2024).
 11. Kovalev Yu. V. Edgar Po / Istorya vsemirnoi literatury. T. 6. M., 1989. URL: <http://www.philology.ru/literature3/kovalev-89a.htm> (data obrashcheniya 18.01.2024).
 12. Mallarme, S. Sochineniya v stikhakh i proze: Sbornik / Sost. R. Dubrovkin. M.: A./O Izdatel'stvo «Raduga», 1995. S. 378.
 13. Mallarme, S. Sochineniya v stikhakh i proze: Sbornik/Sost. R. Dubrovkin. M.: A./O Izdatel'stvo «Raduga», 1995. S. 486.
 14. Mallarme, S. Sochineniya v stikhakh i proze: Sbornik/Sost. R. Dubrovkin. M.: A./O Izdatel'stvo «Raduga», 1995. S. 487.
 15. Dubrovkin R. M. Frantsuzskaya poeziya v «Vesakh» (V. Bryusov i Rene Gil') / Revue des études slaves, Vol. 75, No. 3/4 (2004), pp. 455-472. URL: https://www.jstor.org/stable/43271555?read-now=1#page_scan_tab_contents (data obrashcheniya 18.01.24).
 16. Mallarme S. Sochineniya v stikhakh i proze: Sbornik / Sost. R. Dubrovkin. M.: A./O Izdatel'stvo «Raduga», 1995. S. 21.
 17. Bryusov V. Ya. Ot izdatelya // Russkie simvolisty, vyp. 1. M.: 1894.
URL: <http://bryusov.lit-info.ru/bryusov/kritika-bryusova/russkie-simvolisty.htm> (data obrashcheniya 18.01.24).